

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1910.

№ 17.

СЕНТЯБРЬ—книжка первая.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛА БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО:

- Труды Св. Апостола Павла въ Коринѣхъ и первое посланіе его къ тамошнимъ христіанамъ. **Свящ. Григ. Н. Корсуна** 573—592
- Совѣсть, какъ голосъ Верховной Правды. (Продолженіе). **Николая Богословскаго** 593—605
- Спиритизмъ. (Опытъ изслѣдованія вопроса съ точекъ зрѣнія: естественно-научной, исторической, философской и христіанской). (Продолженіе). **Свящ. І. Дмитревскаго** 606—630
- Повѣсть Л. Андреева „Иуда Искариотъ и другіе“ и Евангеліе. (Продолженіе). **Свящ. А. Бургова** 631—662
- Натуралистическій монизмъ Геккеля. (Продолженіе). **Свящ. Николая Липскаго** 663—672

II. ОТДѢЛА ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

I. Приемъ должностныхъ лицъ, просителей и другихъ посѣтителей у Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго. —Къ свѣдѣнію духовенства Харьковской епархіи.—Отъ Деркачевской второкласной школы.—Епархіальныя извѣщенія.—II. По поводу статьи въ мѣстной газетѣ „Утро“, „На приемъ у Преосвященнаго“. **Свящ. П. Вишнякова**.—Седьмая заповѣдь въ деревнѣ. **Свящ. Андрея Сагарды-Николенко**.—Миссіонерскій листокъ. Изъ дѣятельности Качаловскаго миссіонерскаго кружка. **Свящ. Василя Бесѣды**.—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія. Стр. 673—716.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья ул., № 14.

1910.

„ВѢРА и РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1) Отдѣла богословско-философскаго и 2) Извѣстій и замѣтокъ по Харьковской епархіи. Сохраняя апологетическое направленіе, журналъ даетъ статьи, прежде всего, церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлію въ этомъ журналѣ помѣщаются изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологій, метафизики и исторій философіи. Наконецъ въ немъ заключается отдѣлъ подъ названіемъ: „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“. Въ этотъ отдѣлъ входятъ: постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной; статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера; свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи; перечень текущихъ важнѣйшихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяць, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., за-границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской духовной семинаріи, въ харьковскихъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“, во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Пенковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостиный дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полный комплектъ изданія за 1909 г. за **8** руб. съ перес. За другіе годы экземпляры журнала могутъ быть приобретаемы по особому соглашенію съ Редакціей.

ВЪ РЕДАКЦИИ ПРОДАЕТСЯ:

СОБРАНІЕ СЛОВЪ и РѢЧЕЙ Высокопреосвященнаго Арсенія Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. Цѣна за семь книгъ семь рублей съ пересылкою. Весь чистый доходъ поступаетъ согласно волѣ Его Высокопреосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу Общества вспоможенія нуждающихся воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи.

Πίστις νοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Харьковъ. Дозволено цензурою, 15 Сентября 1910 года.

Цензоръ Протоіерей Іоаннъ Знаменскій.

Труды Св. Апостола Павла въ Коринѣѣ и первое посланіе его къ тамошнимъ христіанамъ.

Община христіанъ въ Коринѣѣ, во дни Апостольскія, была виднымъ центромъ вновь нарождавшейся тогда Церкви Христовой. Этимъ значеніемъ своимъ, въ ряду прочихъ общинъ христіанскихъ, большихъ и малыхъ, составлявшихъ въ совокушности своей единое тѣло церкви, община Коринѣская, обязана была всецѣло великому Апостолу языковъ, Павлу, который и личнымъ трудомъ и писаніями служилъ ея созиданію. Прекраснымъ памятникомъ этой созидательной работы, остались два его посланія къ Коринѣскимъ христіанамъ, изъ которыхъ первое особенно замѣчательно. При чтеніи его, ярко выступаетъ свѣтлый обликъ неутомимаго въ трудѣ Апостола Христова, припоминаются ясно его болѣзни и труды подъятыя во благовѣстіи Христовѣ.

Съ именемъ Коринѣа, въ исторіи древняго міра извѣстны два города, существовавшіе на одномъ и томъ же мѣстѣ одинъ послѣ другого. Первый Коринѣѣ служилъ центромъ дорической республики. Онъ занималъ мѣсто Спарты и Аѣинъ, когда эти послѣдніе, одинъ за другимъ, утратили свою гегемонію и, стоя во главѣ знаменитаго Ахейскаго союза, былъ гордостью и славой Эллады. Онъ извѣстенъ намъ именами героевъ Періандера, Ѡукиппа и Тимолеона и своимъ замѣчательнымъ архитектурнымъ стилемъ, извѣстнымъ и теперь подъ именемъ Коринѣскаго, своими украшеніями на колоннахъ, называемыхъ въ нашей архитектурѣ колоннами коринѣскаго ордена (стиля). За полтора почти

столѣтія до Р. Хр., Коринѣъ былъ разрушенъ съ поразительною, даже для того, не отличавшагося вообще гуманностью, времени, жестокостью, Римскимъ полководцемъ Мумміемъ (146 г. до Р. Хр.) Это случилось спустя полстолѣтія послѣ того, какъ Фламиникъ объявилъ въ 196 г. до Р. Хр. въ Коринѣъ независимость Эллады, вслѣдъ за пораженіемъ Филиппа въ Кинокефалахъ. Римъ, порабощая Грецію, обратилъ въ развалины этотъ памятникъ греческой народности и культуры.

Сто лѣтъ Коринѣъ лежалъ въ развалинахъ, пока его чрезвычайно удобною мѣстностью не воспользовались Римскіе колонизаторы. Юлій Цезарь замѣтилъ важность позиціи, занимаемой Коринѣомъ, и на развалинахъ его построилъ новый городъ, который кромѣ древняго названія сталъ именоваться еще и колоніей Юлія Цезаря (*Colonia Julii Caesaris*).

Новый городъ не потерялъ своего значенія и слава его, какъ центра цивилизованнаго міра, благодаря широкой торговлѣ и общенію съ народами Востока и Запада, быстро росла. Этому общенію много помогали двѣ очень удобныхъ гавани: Лехейская на Коринѣскомъ заливѣ Ионическаго моря и Кенхрейская на Саронскомъ Эгейскаго моря. Самый городъ стоялъ на перешейкѣ между двумя морями и, по справедливому замѣчанію Фаррара, „былъ прекрасной короной Римской имперіи; это было одновременно и Лондонъ и Парижъ въ первомъ столѣтіи послѣ Христа“¹⁾.

Благодаря самому разнообразному населенію, Коринѣъ представлялъ смѣсь культуры и нравовъ почти всѣхъ народовъ міра. Онъ не имѣлъ того единства, въ культурномъ и нравственномъ отношеніи, какимъ обладали другіе сосѣдніе съ нимъ города, напримѣръ, Аѣны.

И вотъ на этомъ рынкѣ міра раздался голосъ Евангельскаго ученія въ самомъ разгарѣ житейской сутолоки. Онъ и долженъ былъ зазвучать здѣсь въ особенности, дабы

¹⁾ Ф. В. Фарраръ. „Жизнь и труды Апостола Павла“. Изд. 1905 г. стр. 446.—Съ восточной стороны городъ омывало Эгейское море, съ запада—Ионическое. Въ Кенхрейской (восточной) пристани останавливались корабли изъ Египта, Сирии, Финикіи, Малой Азіи, въ Лехейской (западной)—корабли Италіи, Сициліи и Испаніи.

черезъ народы посѣщавшіе городъ огласить всѣ концы міра отъ „Іудеи и Самаріи и даже до края земли (Дѣян. I, 8).

Сюда, въ эту разношерстную толпу, направился апостолъ Павелъ во второе свое благовѣстническое путешествіе. И шумный городъ оглашенъ былъ Евангельскою проповѣдью, тихую но всепокоряющею, предъ которой вездѣ мало по малу смолкалъ шумъ роскошной безнравственной жизни.

Прежде чѣмъ посѣтить Коринѣъ, Ап. Павелъ побывалъ въ Галатіи и Македоніи. Устроивъ христіанскія общины въ Филиппахъ, Ѳесалоникѣ и Веріи ояъ пришелъ въ Ахаію и въ Коринѣъ очутился послѣ Аѳинъ. Гордые, своею ученостью и неспособные къ воспріятію истины, Аѳины не привлекли къ себѣ апостола и онъ счелъ напраснымъ для себя трудиться въ Аѳинахъ, зная, что еще много предстоитъ ему труда въ мірѣ, а времени для этого труда было слишкомъ мало. Онъ устремился въ Коринѣъ. Здѣсь ждалъ его тоже тяжелый трудъ, но съ болѣе богатымъ результатомъ чѣмъ въ Аѳинахъ.

Здѣсь ему пришлось провести почти два года.

Исторически точно установить это время трудно, имѣя множество разнорѣчивыхъ указаній многихъ историковъ.¹⁾ Но дѣло не въ хронологіи событій, т. к. мы не пишемъ историческаго изслѣдованія. Для насъ важно не то, когда именно Апостолъ прибылъ въ Коринѣъ, но что онъ дѣлалъ тамъ.

Измученный тѣлесными немощами, но кроткій духомъ, Павелъ не потерялся среди городского шума и съ мудростью настоящаго философа составилъ безошибочный планъ дѣйствій. Не желая ѣсть хлѣбъ даромъ (2 Ѳсс. III, 8), грозно обличая тунеядство (—10—11), Апостолъ позаботился о пріобрѣтеніи себѣ пропитанія. Зная ремесло строенія палатокъ,

¹⁾ Ф. В. Фарроръ сообщаетъ большую таблицу хронологическихъ свидѣтельствъ историковъ о жизни Ап. Павла („Жизнь и труды св. Ап. Павла“ Спб. изд. 1905 г. „Приложенія“ стр. 1030—1031). Такъ время пришествія Павла въ Коринѣъ, (по этой таблицѣ), указыв. слѣд. историки: Мейеръ—53 годъ по Р. Хр., тоже Евсевій, Іеронимъ и пасхальн. таблица, Бароній и Петавій—50, Ушекъ и Шпангеймъ—54, Парсонъ и Тильмонъ—52, Баснажъ—51, Бенгель—48, Михаэлисъ и Эйхгорнъ—54 и около 54-го года, Кнноель и Винеръ—52, Де Ветте—около 53, Шродеръ—49, Ольегаузенъ—53, Ангеръ и Визефгеръ—52, Эвалодъ, Вордевортъ и Альфондъ—53.

онъ сталъ заниматься имъ, по его собственному выраженію, „ночью и днемъ работая, чтобы не отяготить кого (1 Тес. II, 9)“. Ища себѣ пристанища и постоянной работы, Павелъ нашелъ одну добродѣтельную чету евреевъ Акилу и Прискиллу и поселился въ ихъ домѣ. Акила занимался тѣмъ же трудомъ, что и Павелъ и имѣлъ мастерскую палатокъ. Онъ былъ родомъ изъ Понта (Черноморскаго побережья), жилъ въ Римѣ, но оттуда изгнанъ былъ по декрету Клавдія (52 г. до Р. Хр. приблиз.), коимъ изгонялись изъ столицы евреи. По вѣрѣ эта чета была христіанскою, т. к. Дѣянія Апостольскія не говорятъ намъ ничего объ обращеніи этой семьи. Вѣроятно потому такъ скоро и сблизился съ нею Павелъ и не разставался потомъ во время дальнѣйшихъ путешествій и духовно и тѣлесно. Во время пребыванія Павла въ Ефесѣ тамъ былъ и Акила и въ его мастерской Павелъ трудился какъ и въ Коринѣѣ.

Работа доставляла скудный доходъ, но Павелъ трудился усердно не желая принимать поддержки отъ христіанъ, не смотря на ихъ готовность помогать ему и право свое какъ апостола и какъ ревностнаго работника, несмотря даже на то, что приходилось жить буквально впроголодь. Кое какъ склонившись на предложеніе и мольбу любившихъ его церквей, принять отъ нихъ помощь, Апостолъ и на будущее время воздержался отъ принятія помощи отъ коринѣской общины, опасаясь, чтобы кто не упрекнулъ его, какъ и другихъ проповѣдниковъ, что онъ ищетъ собственныхъ выгодъ. (См. Дѣян. XX, 34; 1 кор. IV, 11, 12; IX, 12; 2 кор. VII, 2; XI, 9; 1 Тесал. II, 9; 2 Тесал. III, 8; Филип. IV, 15).

Акила, принявъ Павла въ соучастники ручнаго труда, сдѣлался самъ соучастникомъ его благовѣстія Евангельскаго. Но въ этомъ дѣлѣ, еще большею ревностію отличалась жена Акилы Прискилла. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, что жена трудилась въ благовѣстіи болѣе мужа. Женщины принимали самое видное участіе въ трудахъ благовѣстія. Они сопровождали Христа, первыми возвѣстили міру вѣсть о Его воскресеніи, сообщивъ ее апостоламъ, и были неутомимыми Апостольскими спутницами, дѣятельными участницами ихъ трудовъ. И цѣня высоко заслуги Прискиллы, Павелъ въ своихъ посланіяхъ упоминаетъ о ней прежде ея

мужа (Римл. XVI, 3; 2 Тим. IV, 19; Дѣян. XVIII, 18). Она всѣми силами облегчала великій трудъ Павловъ.

Начался этотъ трудъ съ іудейской синагоги, т. к. Евангеліе надлежало быть проповѣдано прежде „народу избранному“. Такъ дѣлалъ Христосъ. Проповѣдуя іудеямъ Евангеліе Царствія Божія, Онъ и Апостоловъ посылалъ прежде всего туда: „Идите наипаче къ погибшимъ овцамъ дома Израилева“. (Ев. Матѣ. X, 6). Бесѣдуя съ женой Хананеянкой (Ев. Матѣ. XV, 24—26; Марк. VII, 27), Онъ уклоняется отъ миссіи у язычниковъ и говоритъ о посланничествѣ Своемъ къ дѣтямъ—сынамъ Царствія—іудеямъ. Но когда эти сыны Царствія оказались недостойны, Христосъ отвергаетъ ихъ. Притчами о непослушныхъ сыновьяхъ и неблагодарныхъ виноградаряхъ (Ев. Матѣ. XXI, 28—44), Онъ, наглядно показывая пренебреженіе іудеевъ проповѣдью Евангелія, высказываетъ справедливый судъ: „отнимется отъ васъ царствіе Божіе, и дано будетъ народу приносящему плоды его“ (—XXI, 43). Вспомнимъ еще притчу о званныхъ на вечерю и не восхотѣвшихъ прийти (Ев. Матѣ. XXII, 1—14; Лук. XIV, 16—24). Ожесточеніе сердца іудеевъ вынудило Христа перенести благословеніе Божіе на язычниковъ.

Такъ же точно и апостолы начинали проповѣдь Евангелія съ іудеевъ, а когда тѣ не принимали ее, обращались къ язычникамъ. „Вамъ первымъ надлежало быть проповѣдану Слово Божію“, говорили Павелъ и Варнава іудеямъ, но какъ вы отвергаете его и сами себя дѣлаете недостойными вѣчной жизни, то вотъ, мы обращаемся къ язычникамъ (Дѣян. XIII, 46).

Такъ и Павелъ, хотя и просвѣщалъ свѣтомъ Евангелія преимущественно языческія страны, однако начиналъ въ нихъ проповѣдь съ іудеевъ. И проповѣдуя Евангеліе въ Коринѣ, онъ началъ съ іудейской синагоги. Хотя проповѣдь его вначалѣ и увѣщчалась успѣхомъ, обращеніемъ ко Христу начальника синагоги Криспа, но ожесточеніе іудеевъ противъ Христа было такъ велико, что Павелъ принужденъ былъ покинуть синагогу.

Онъ перенесъ свою аудиторію въ сосѣдній съ синагогою домъ Густа, христіанина обращеннаго изъ язычниковъ. Сюда сталъ сходитья большими толпами коринѣскій на-

родъ, среди котораго какъ электрическій токъ пробѣжала вѣсть о новомъ проповѣдникѣ и необычномъ характерѣ его дивной проповѣди. Домъ Густа всегда былъ полонъ народа и Павелъ неутомимо проповѣдывалъ, имѣя многихъ помощниковъ. Кромѣ Прискиллы и Акилы, и другихъ сильныхъ вѣрою христіанъ, съ Павломъ были Апостолы: Сила, пришедшій въ Коринѣ изъ Верин и Тимоѳей—изъ Фесалоникъ. Эти спутники Павла помогли ему въ устройствѣ новонасажденныхъ христіанскихъ общинъ. Когда вслѣдствіе ненависти іудеевъ, Павелъ принужденъ былъ покинуть города Македоніи (Дѣян. XVII, 13, 14), Сила и Тимоѳей остались тамъ и вызванные теперь Павломъ въ Коринѣ, они принесли ему добрыя вѣсти и дары отъ Филиппійской общины, посланныя отъ чистаго сердца, за что потомъ Павелъ, въ посланіи къ этой общинѣ, благодарилъ: „Вы знаете Филиппійцы, писалъ онъ, что въ началѣ благовѣствованія, когда я вышелъ изъ Македоніи, ни одна церковь не оказала мнѣ участія подаваніемъ и принятіемъ, кромѣ васъ однихъ (Филипп. IV, 15)“.

Эти дары нѣсколько облегчили трудность существованія Павла, освободили его отъ матеріальной нужды, которая мѣшала ему всецѣло отдаться проповѣдничеству. Онъ развертывалъ все шире и шире свою благовѣстническую дѣятельность.

Проповѣдуя по субботамъ въ синагогѣ, онъ и тогда, какъ говор. книга Дѣяній, „убѣждалъ іудеевъ и эллиновъ (Дѣян. XVIII, 4) и первымъ обратившимся въ то время изъ язычниковъ, было семейство Стефана (1 Кор. XVI, 15). Теперь же, оставивъ синагогу, Павелъ обратился преимущественно къ язычникамъ. Уходя оттуда, онъ заявилъ: „Я чистъ, отнынѣ иду къ язычникамъ (Дѣян. XVIII, 6).“

Непависть іудеевъ, отъ которой Павелъ и раньше много претерпѣлъ, и тѣ злословія, которымъ они подвергли его (Дѣян. XVIII, 6), смутили его духъ. Но вскорѣ онъ получилъ ободреніе и воспрянулъ духомъ къ ревностному труду. Во снѣ онъ увидѣлъ Христа, который, утѣшая его, говорилъ: „Не бойся, но говори и не умолкай, ибо Я съ тобою и никто не сдѣлаетъ тебѣ зла; потому что у Меня много людей въ этомъ городѣ (—XVIII, 8).“

Благовѣстіе среди язычниковъ имѣло большой успѣхъ. Съ каждымъ днемъ все росла и росла въ Коринѣ церковь

Христова. Проповѣдуя, Павелъ забывалъ, какъ то и всегда было, о себѣ, стараясь единственно о томъ, чтобы слово его проповѣди не пропадало даромъ.

„И многіе изъ Коринѳянъ, говор. книга Дѣяній, слушая увѣровали и крестились (—XVШ; 8).

Но успѣхъ проповѣди Павла обусловливался тяжкимъ трудомъ. Чтобы хотя отчасти уяснить его себѣ, замѣтимъ, что въ Коринѳѣ былъ полнѣйшій упадокъ нравовъ. Грубая распущенность Коринѳянъ вошла даже въ поговорку. Образованный классъ населенія придерживался ученія Эпикура и высшею цѣлью жизни ставилъ роскошь и чувственныя удовольствія. И богачи и бѣдняки рабы одинаково тонули въ развратъ, который поощрялся религіознымъ культомъ. На вершинѣ высокой (2000 футов.) горы Акрокоринѳа, гдѣ находилась и городская крѣпость, стоялъ храмъ Афродиты (Зевѣра Павдерос) имѣвшій болѣе 1000 іеродуль (жриць), предававшихся разврату въ честь своей богини. Царство необузданнаго разгула и разврата въ Коринѳѣ было полное. Будучи средоточіемъ народностей всѣхъ странъ востока и запада, Коринѳъ служилъ въ то же время и сборнымъ пунктомъ пороковъ каждой страны, при чемъ эти пороки, пріобрѣтая здѣсь чудовищныя формы, выдѣлялись замѣтно Коринѳъ изъ среды самыхъ распущеннѣйшихъ языческихъ городовъ. Словомъ, даже для того времени, не отличавшагося (говорю въ отношеніи къ язычникамъ) нравственностью, Коринѳъ былъ слишкомъ развращенъ.

Бороться съ испорченной натурой Коринѳянъ было нелегко и полтора года непрестаннаго, усиленнаго труда Апостола было недостаточно. Коринѳяне, уже и обращенные, часто возвращались къ прежнимъ порокамъ, и Павлу пришлось продолжать бороться со зломъ посланіями.

Проповѣдь Павла была исполнена простоты, безыскусственности и дѣйствовала на сердца слушателей своею ясностью и убѣдительностью. Какъ самъ онъ свидѣтельствовалъ, проповѣдь Коринѳянамъ надо было вести весьма осторожно. Разнузданные нравомъ, они были сильно склонны къ насмѣшкамъ. Вотъ почему онъ проповѣдывалъ имъ „въ страхъ и великомъ трепетѣ“ (1 Кор. II, 3), зная и то, что онъ не обладалъ красивою внѣшностью и здоровьемъ (2 Кор. X, 10), а потому могъ не понравиться капризнымъ слушателямъ.

Сообразно съ симъ, Павелъ избралъ путь не краснорѣчія человѣческой мудрости, но силы Божіей (1 Кор. II, 5).

Этотъ, по человѣческимъ соображеніямъ—слабый огонекъ Христова свѣта, засіялъ изъ Коринѳа на всю Ахаію. Изъ тьмы язычества выведены были люди, оказавшія великія услуги благовѣстническому дѣлу. Ихъ имена увѣковѣчены Апостоломъ въ посланіяхъ къ Коринѳянамъ (1-е) и Римлянамъ (глава XVI). И недаромъ первообращенный изъ язычества Стефанъ, названъ Апостоломъ „начаткомъ Ахаіи (1 Кор. XVI, 15), т. к. проповѣдь его не замкнулась въ предѣлахъ одного Коринѳа. Она перенесена была и за предѣлы Ахаіи, стараніемъ этихъ сильныхъ вѣрою и духомъ людей.

Успѣхъ проповѣди Павла не мало безпокоилъ іудеевъ особенно и потому еще, что проповѣдническій пунктъ былъ въ сосѣдствѣ съ синагогой. Ихъ ненависть изощрялась всячески въ козняхъ противъ Апостола. Воспользовавшись назначеніемъ новаго проконсула въ Ахаію, они руководимые Сосфеномъ, начальникомъ Коринѳской синагоги, замѣстителемъ обращеннаго ко Христу Криспа, большою шумною толпою бросились на Павла „и привели его предъ судилище, говоря, что онъ учитъ людей чтить Бога не по закону“ (Дѣян. XVIII, 12—13). Проконсуломъ былъ Галліонъ, человѣкъ мягкаго нрава, но справедливой разсудительности.—Іудеямъ не въ чемъ было обвинить Павла: гражданскихъ проступковъ они не могли подмѣтить, но старались однако религіозную распрю окрасить цвѣтомъ гражданского преступленія. Они имѣли ввиду, что религія ихъ была дозволена государствомъ, несмотря на то, что сами они были изгнаны изъ Рима. Религія же проповѣдуемая Павломъ, хотя и считалась іудейскаго происхожденія, но была противоположна іудейству, а потому, какъ неимѣющая съ нимъ ничего общаго, не можетъ считаться дозволенной, по тому дозволенію, какое дано іудейству. „Отсюда, дѣлаетъ выводъ Ф. В. Фарраръ, хотя, „не по закону“ ст. 18, значить „вопреки іудейскому закону“, дѣло такимъ путемъ могло быть подсудно римскому закону ¹⁾).

Подтасовавъ такъ дѣло, евреи рассчитывали, что проконсулъ приметъ въ немъ участіе, но тотъ, питая отвращеніе къ іудейскому народу, что было въ характерѣ у многихъ

¹⁾ „Жизнь и труды Св. Ап. Павла“ стр. 455 примѣч. 1-е.

римлянь и чѣмъ особенно отличался его родной братъ, извѣстный философъ Сенека, не захотѣлъ слушать доносчиковъ. Павелъ, не предвидя, какъ отнесется къ „дѣлу“ Галліонъ, приготовился было къ самозащитѣ, но проконсулъ не захотѣлъ слушать ни его, ни іудеевъ. Предоставивъ имъ самимъ разбираться въ религіозныхъ спорахъ, онъ, по словамъ книги Дѣяній, „прогналъ ихъ отъ „судилища“ (Дѣян. XVІІІ, 16). Тѣмъ и кончился судъ. Но предводитель іудейской шайки жестоко поплатился за доносъ отъ Коринѳянь, которые не меньше чѣмъ Римляне презирали іудеевъ. Коринѳяне ясно видѣли, что Павелъ не принадлежитъ къ іудеямъ. Пусть имъ было не извѣстно, что онъ имѣлъ титулъ римскаго гражданина, но фактъ его отдѣленія отъ синагоги свидѣтельствовалъ, что съ іудеями онъ не имѣлъ ничего общаго. Воспользовавшись скандальнымъ для іудеевъ окончаніемъ ихъ „дѣла“, Коринѳяне выместили свою злобу къ нимъ, схвативъ Сосфена избили его на глазахъ проконсула, который на это не обратилъ никакого вниманія (Дѣян. XVІІІ, 16).

Однако какъ ни легко и благополучно окончился этотъ инцидентъ, но онъ усилилъ тотъ осадокъ горечи въ душѣ Павла, который вызванъ былъ постояннымъ враждебнымъ отношеніемъ къ нему іудеевъ, не останавливавшихся, повидимому, ни передъ какимъ безсовѣстнымъ поступкомъ. Что это огорченіе на такое отношеніе къ нему соотечественниковъ было сильно въ душѣ его, мы видимъ изъ его сѣтованій въ посланіи къ Ѳесалоникійцамъ, писанномъ въ Коринѳѣ (I Ѳес. II 14—16).

Еще нѣсколько времени послѣ неудачной клеветы на него іудеевъ проконсулу (сколько—неизвѣстно, но по словамъ книги Дѣяній „довольно дней“ Дѣяній XVІІІ, 18), Павелъ пробылъ въ Коринѳѣ проповѣдуя.

Но забота о новонасаждаемой церкви была не единственною для Апостола. Онъ не оставлялъ своимъ попеченіемъ и другія христіанскія общины, которыя несмотря на то, что во главѣ ихъ стояли ближайшіе сподвижники Павла, все таки нуждались въ немъ самомъ, въ его руководственномъ наставленіи. И онъ ревниво оберегая цѣлость юныхъ христіанскихъ общинъ, зорко наблюдалъ за ними издалека. Личныя, частыя посѣщенія ихъ были неудобны главнымъ образомъ потому, что отнимали много времени, прерывая бла-

говѣстнической трудъ. И Павелъ нашелъ способъ тѣснаго общенія съ своими духовными чадами помимо личныхъ посвѣщеній ихъ. Это было духовное общеніе путемъ посланій-писемъ, которыя будучи написаны однажды, могли служить руководственнымъ назиданіемъ на будущее время и для многихъ поколѣній. Въ нихъ, онъ свободно могъ выразить мысли и чувства, волновавшія его, какъ проповѣдника, выразить такъ, какъ бы онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ слушающей толпой, не стѣняясь какой либо строгой системой и не замыкая живую рѣчь въ болѣе или менѣе сухія книжныя рамки.

Считаю нужнымъ по этому поводу процитовать одну страницу изъ Фаррара, которая устанавливаетъ ясный взглядъ на происхожденіе, характеръ и значеніе Ап. Павла. „Ни въ какой иной формѣ, читаемъ въ книгѣ „Жизнь и труды Ап. Павла (стр. 461—462), онъ не могъ такъ сильно выразить своихъ чувствъ. Одинъ христіанскій ученый сказалъ про него, что онъ одинъ изъ писателей, повидимому, писавшій не пальцами, не перомъ и не чернилами, но самимъ своимъ сердцемъ, самими своими чувствами. Въ его посланіяхъ отражалось все его внутреннее бытіе (Casaubon *Adversaria* ap. Wolt стр. 135) и это заставило блаж. Іеронима сказать, что въ посланіяхъ Павла слова походятъ на удары грома (*leg. ad. Romach. Ep. 48*), а Лютера, что выраженія Апостола подобны живымъ существамъ съ руками и ногами. Богословское значеніе этого факта огромно и, къ глубокому ущербу церкви, слишкомъ много оставлялось безъ вниманія. Богословы на рѣчи Ап. Павла смотрѣли такъ, какъ будто онъ выводилъ каждое слово съ логической аккуратностью, съ точностью ученаго человѣка и съ соблюденіемъ строгой формы, свойственной философу и догматисту. Но вообще его посланія противорѣчатъ такому невозможному и неправильному взгляду на нихъ. Эпистолярная форма отличается чрезвычайною свободой, отражаетъ на себѣ характеръ личности, бываетъ гибка и пригодна для выраженія чувствъ. Продиктованное посланіе походитъ на разговоръ, переданный вкратцѣ. Однимъ словомъ, эта форма давала Павлу наилучшую возможность остаться самимъ собою и съ наибольшею живостью напомнить его духовнымъ чадамъ, о полномъ

любви, страдающемъ, вдохновенномъ, тоскующемъ, грозномъ, страстномъ, смиренномъ, несклонномъ къ уступкамъ учителѣ, трудившемся среди нихъ, чтобы они были подражателями ему и Господу и чтобы отвратились отъ пустой обрядности или мертвыхъ идоловъ къ служенію истинному Богу, къ ожиданію съ неба Его Сына, воскресшаго изъ мертвыхъ,—Иисуса Христа, отвратившаго отъ насъ грядущій гнѣвъ“.

Таковъ смыслъ посланій. До насъ дошло четырнадцать посланій къ юнымъ въ вѣрѣ христіанскимъ общинамъ и сподвижникамъ. Исслѣдователи жизни Ап. Павла (какъ на прим., часто упоминаемый нами Фарраръ) приходятъ къ выводу, что ихъ было больше, но нѣкоторыя изъ нихъ были утрачены. Изъ числа извѣстныхъ намъ 14 посланій, первыми по времени писательской дѣятельности Апостола, являются два посланія къ Фесалоникійской общинѣ христіанъ Македоніи. Оба эти посланія писаны изъ Коринѳа, въ періодъ около двухлѣтняго пребыванія тамъ Павла, но когда именно, неизвѣстно. Вызваны они были нестроеніями въ вѣрѣ христіанъ, ихъ уклоненіями съ пути благочестія, что, впрочемъ, служило поводомъ къ написанію и всѣхъ посланій и что побудило Апостола въ недалекомъ времени по отбытію изъ Коринѳа, обратиться съ письменнымъ словомъ, къ его новопросвѣщеннымъ христіанамъ, съ которыми тамъ недавно еще онъ былъ лично. Но въ данномъ случаѣ характернымъ является то обстоятельство, что апостоль, подымая тяжкіе труды благосѣянія въ Коринѳѣ, перенося возмутительныя нападки іудеевъ, въ тоже время энергично слѣдилъ и за другими общинами, недавними плодами его трудовъ. Этимъ еще болѣе увеличивался, осложнялся его трудъ благосѣянія.

Между тѣмъ задачи апостольства влекли Павла далѣе. Въ Коринѳѣ онъ оставался столько, сколько было по его соображеніямъ надобно для того, чтобы можно сдать Коринѳскую церковь на руки своихъ сподвижниковъ. И когда это сдѣлалось возможнымъ, Павелъ оставилъ Коринѳъ, вручивъ тамошнихъ христіанъ попеченію надежныхъ сподвижниковъ. Скоро во главѣ сталъ Аполлосъ ученый еврей Александрійской школы, обращенный ко Христу Акилою. (Дѣян. XVIII, 24—28).

Книга Дѣяній, повѣствуя объ отбытіи Павла изъ Коринѳа, сообщаетъ намъ объ исполненіи имъ одного іудейскаго обряда—обѣта назорейства. Этотъ обѣтъ, состоявшій въ воздержаніи отъ вина и рощеніи длинныхъ волосъ, былъ принятъ Павломъ временно въ благодарность за избавленіе отъ какой то бѣды (какой-неизвѣстно, можетъ быть отъ ненависти іудейской бунта и т. п. или болѣзни, къ которой расположенъ былъ организмъ Павла).

Онъ говоритъ намъ не о симпатіяхъ его къ еврейскимъ установленіямъ, а о примирительномъ духѣ его располагающемъ іудеевъ къ переходу въ христіанство.

Съ выходомъ Павла изъ Коринѳа кончался срокъ положеннаго обѣта. Разрѣшить его надобно было въ Іерусалимѣ, но такъ какъ въ точно опредѣленное время почему либо нельзя было обѣщавшемуся попасть въ Іерусалимъ, то дозволялось остричь волосы раньше, сохранивъ ихъ для сожженія на жертвенникѣ въ храмѣ, и Павелъ остригъ свои волосы въ Кенхреяхъ. Тамъ находился храмъ, діакониссой въ которомъ была извѣстная Фива (Римъ XVI, 1), ревностная проповѣдница Христова ученія и спутница Павла.

Его сопровождали теперь Прискилла и Акила. Оставивъ ихъ въ Ефесѣ, Павелъ отправился въ Іерусалимъ, гдѣ между прочимъ предстояло ему завершить обѣтъ назорейства. Но, главнымъ образомъ, ему надобно было посѣтить апостольскій центръ, ту первую общину, которая положила начало всѣмъ остальнымъ. Посѣщеніе это совпадало съ праздникомъ Пятидесятницы, такъ что отправляясь туда, Павелъ заявилъ своимъ спутникамъ, что идетъ провести тамъ приближающійся праздникъ.

Изъ Іерусалима, Павелъ возвратился не прямо въ Ефесъ, что онъ и предвидѣлъ сказавъ своимъ спутникамъ: „къ вамъ же возвращусь опять, если будетъ угодно Богу (Дѣян. XVIII, 19). Посѣтивъ по дорогѣ въ Іерусалимъ Кесарію, онъ на обратномъ пути пошелъ чрезъ Антіохію, гдѣ пробылъ нѣсколько времени, въ Галатію и Фригію и посѣтилъ всѣ верхнія страны „отъ Ефеса утверждая въ вѣрѣ тамошнія общины. Наконецъ Павелъ прибылъ въ Ефесъ къ оставленнымъ тамъ спутникамъ.

Въ Ефесѣ Павелъ провелъ около трехъ лѣтъ. Это былъ городъ пользовавшійся извѣстностью въ языческой міео-

югии и болѣе упорядоченный, чѣмъ Коринѣъ, но въ немъ также процвѣталъ упадокъ нравовъ, покровительствуемый, какъ и въ Коринѣѣ, языческой религіей. Будучи важнымъ пунктомъ Азіи, онъ для миссіонерства имѣлъ большое значеніе и трудами Павла сдѣлался такимъ же для Азіи, какъ былъ Коринѣъ для Ахаіи. Этимъ и обусловливается столь продолжительное пребываніе въ немъ Апостола.

Подобно тому какъ въ Коринѣѣ, Павелъ и здѣсь не оставлялъ заботы о церквахъ. Будучи въ Коринѣѣ, онъ руководилъ письменно Ѳесалоникійцами, теперь, изъ Ефеса, ему пришлось писать къ Коринѣянамъ. До насъ дошло два посланія его къ Коринѣской общинѣ; изъ нихъ первое, на которомъ сосредоточено наше вниманіе, какъ то достоверно извѣстно, писано было именно въ Ефесѣ.

Оно вызвано было важными осложненіями. Шелъ уже третій годъ пребыванію Павла въ Ефесѣ и онъ рѣшалъ идти въ Македонію и Ахаію, оттуда въ Іерусалимъ, а затѣмъ, какъ говорилъ онъ, „побывавъ тамъ, я долженъ видѣть и Римъ (Дѣян. XIX, 21). Предположивъ такъ, онъ послалъ впередъ въ Македонію спутниковъ своихъ Тимоѳея и Ераста, изъ обращенныхъ Коринѣянь, чтобы тамъ они соединились съ нимъ. Въ расчеты апостола входило личное посѣщеніе Коринѣа. Положеніе тамошней юной церкви осложнилось такъ, что необходимо было со стороны апостола энергичное воздѣйствіе на слабыхъ въ вѣрѣ новообращенныхъ христіанъ, которые въ его отсутствіе вступили на путь соблазна и беззаконій. Тимоѳею долженъ былъ предварить посѣщеніе Павла и напомнить заблудшимъ забытое ими ученіе Христа.

Отправивъ Тимоѳея и Ераста, Павелъ вынужденъ былъ написать Коринѣянамъ посланіе безотлагательно, не откладывая упрежденія дѣлъ до личнаго посѣщенія. Это было предъ Пасхою. Послѣ Пятидесятницы, онъ предполагалъ посѣтить Коринѣъ и объ этомъ извѣщаетъ въ посланіи тамошнюю общину. Но ему пришлось уйти раньше изъ Ефеса и измѣнить свой прежній планъ, можетъ быть, въ силу случившихся событій. Въ городѣ вспыхнулъ мятежъ противъ Павла со стороны язычниковъ, но въ немъ принимали участіе и іудеи, всегдашніе и неизмѣнные враги апостола. Толпа привлекала Павла и его сотрудниковъ къ судилищу и громко кричала какъ будто бы дѣло касалось

какого либо важнаго преступленія. Власти отнеслись не съ особеннымъ участіемъ къ толпѣ и блюстителю порядка, давъ ей вдоволь накричаться, цемногими разумными словами усмирилъ мятежь (Дѣян. XIX 34—40). Волненіе утихло, но Павелъ, судя по преданіямъ, нѣкоторое время содержался, въ тюрьмѣ. Исполненная скорби душа его не могла далѣе оставаться въ Ефесѣ, гдѣ подъ конецъ тяжелаго миссіонерскаго труда ему пришлось перенести огорченіе большее, чѣмъ въ Коринѣѣ. Онъ отмѣнилъ свое рѣшеніе ждать Пятидесятницы и, простившись съ вѣрующими, покинулъ Ефесъ навсегда.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ измѣнилъ и самый планъ своего путешествія и хотя отправился въ Македонію, но до Коринѣа не дошелъ. Объ этомъ третьемъ миссіонерскомъ путешествіи его, книга Дѣяній не даетъ намъ много свѣдѣній. Оно было послѣднимъ въ жизни апостола. Приближалось время конца его трудамъ—узы въ Римѣ и мученическая кончина. Бросимъ бѣглый взглядъ на этотъ послѣдній періодъ благовѣстія ап. Павла. Посѣтивъ Македонію, онъ возвратился туда обратно изъ Эллады чрезъ Троаду и еще разъ обозрѣлъ и привѣтствовалъ христіанскія общины. Затѣмъ морскимъ путемъ Павелъ спѣшилъ въ Іерусалимъ и на пути обозрѣвалъ острова. Избирая морской путь какъ, быть можетъ, болѣе удобный и краткій, въ тоже время онъ избѣгалъ возвращенія въ Ефесъ. Но будучи на островѣ Милитѣ, онъ собралъ туда пресвитеровъ Ефесской церкви и преподалъ имъ трогательное послѣднее наставленіе. Далѣе, чрезъ острова и Кесарію Павелъ достигъ Іерусалима. Тамъ ждали его бѣды отъ іудеевъ. Павелъ предчувствовалъ это, и многіе вѣрующіе предупреджали его, но ихъ предупрежденія не отклонили его намѣренія. И наконецъ Павелъ подъ стражею былъ отправленъ въ Римъ.

Этотъ періодъ жизни Апостола, собственно отъ оставленія Ефеса до прибытія въ Іерусалимъ, такъ кратко очерченъ въ Книгѣ Дѣяній, что оставляетъ широкое поле догадкамъ и такихъ догадокъ о немъ сложилось не мало. Есть предположеніе, на основаніи нѣкоторыхъ мѣстъ посланій (напр. 2 Тим. IV, 20), что Павелъ былъ вторично въ Коринѣѣ, но прямыхъ указаній на это нѣтъ. Во всякомъ случаѣ посѣщеніе Коринѣа, по предначертанному въ первомъ посланіи къ тамошней общинѣ плану, не состоялось.

За то въ посланіяхъ съ достаточною ясностію говорится о томъ, что Павелъ велъ дѣятельно сношенія съ Коринѳеомъ, посылая туда своихъ сподвижниковъ. Кромѣ Тимоѳея туда отправленъ былъ Титъ. Онъ имѣлъ полномочіе сообщить о томъ впечатлѣніи, какое произвело на Коринѳянъ посланіе Павла (Тит. III, 12). Какъ Тимоѳею, такъ и Титъ посылаемы были собирать пожертвованія для бѣдныхъ іерусалимскихъ христіанъ, которыя представлять долженъ былъ Павелъ. Онъ неоднократно это дѣлалъ, время отъ времени посѣщая Іерусалимъ. Выходя изъ Ефеса, онъ предпринялъ пятое по счету путешествіе туда. На дорогѣ онъ долженъ былъ встрѣтиться съ Тимоѳеемъ и Титомъ, получить отъ нихъ сборы и узнать вѣсти о Коринѳѣ, нестроеніе котораго заставляло апостола сильно болѣть душой. По отбытіи изъ Ефеса, Павелъ встрѣтился съ Тимоѳеемъ въ Македоніи вскорости, но гдѣ именно, объ этомъ книга Дѣяній умалчиваетъ, по крайней мѣрѣ, мы видимъ его въ числѣ учениковъ, собравшихся въ Троадѣ. Но продолжая путь по Македоніи, Павелъ ожидалъ встрѣтить Тита. Безпокойство за Коринѳъ было сильно. Сильныя выраженія посланія внушали ему безпокойство за возможность разлада, особенно въ виду особеннаго характера Коринѳянъ, а это весьма печалило Апостола, въ духѣ котораго былъ миръ, которымъ обуславливалось его страстное желаніе пріобрѣтать вѣрующихъ. Наконецъ, онъ встрѣтился съ Титомъ, гдѣ именно, неизвѣстно, и утѣшился отрадною вѣстью, что слово его нашло откликъ въ сердцахъ Коринѳянъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, Коринѳяне выражали недовольство на то, что Павелъ измѣнилъ свое намѣреніе быть у нихъ лично. Сообразно съ полученными извѣстіями, Павелъ продиктовалъ Тимоѳею второе посланіе къ Коринѳянамъ и вновь послалъ туда Тита въ сопутствіи другаго ученика (какого—неизвѣстно, см. 2 Кор. VIII, 16—19). также съ полномочіемъ собирать пожертвованія.

Вотъ кругъ тѣхъ данныхъ,—отношеній Павла къ Коринѳеу, дѣятельности его и обстоятельствъ времени,—въ которомъ заключается исторія перваго посланія къ церкви Коринѳской.

Переходимъ къ изображенію обстоятельствъ, побудившихъ къ писанію посланія и краткому обзору содержанія его.

Вѣсти о печальномъ состояніи Коринѳской церкви, Па-

велъ получилъ, какъ и выше было замѣчено, отъ разныхъ лицъ: отъ „домашнихъ Хлоинныхъ“ (1 Кор. I, 11), вѣроятно вольноотпущенниковъ вѣрующей знатной Коринѣянки Хлои, уполномоченныхъ Коринѣяиъ Стефана, Фортуната и Ахайка (—XVI, 17—18) и нѣкоторыхъ другихъ частныхъ лицъ (—V 1). Кромѣ того прибылъ оттуда въ Ефесъ Аполлосъ, который какъ нельзя лучше и достовѣрнѣе могъ познакомить Павла съ происшедшими событіями. За три года отсутствія Павла изъ Коринѣа, въ немъ произошло много перемѣнъ. Вліяніе его высокой личности, удерживало Коринѣяиъ отъ возвращенія къ прежнимъ языческимъ нравамъ. Теперь оставленное язычество стало пробуждаться въ нихъ. Они все чаще и чаще стали оглядываться на покинутую ими жизнь веселую, безпечную, полную удовольствій и она манила ихъ къ себѣ. Фарраръ поэтически картинно говоритъ о вліяніи на христіанъ Коринѣяиъ соблазна: „почему имъ не принимать участія въ какой нибудь веселой брачной процессіи въ сумеркахъ и не послушать веселыхъ шутокъ? Почему имъ не посмотрѣть на танецъ іеродуль на какомъ нибудь праздникѣ въ храмѣ Акрокоринѣа?... Почему имъ не смотрѣть теперь, предаваясь сладкимъ мечтамъ, на свѣтлыя лица юныхъ боговъ, украшенныхъ гирляндами изъ розъ и гіацинтовъ, а нужно смотрѣть только на лицо скорбное Нѣкоего, увѣнчаннаго вѣяномъ изъ терній?! О, какъ трудно было имъ избрать тернистый путь въ Царство Божіе!... Въ теченіе трехъ лѣтъ они не видѣли руки, указывавшей имъ на небо. Съ нѣкоторыми изъ Коринѣяиъ случилось тоже, что съ Израилемъ, когда Моисей пребывалъ на Синаѣ: они сѣли, чтобы ѣсть и пить, и встали, чтобы играть“¹⁾).

Нѣтъ, конечно, основанія понимать слова Фаррара такъ, что будто бы некому было поучать благочестію Коринѣяиъ. У нихъ были руководители, поставленные Павломъ, но самого Павла не было съ ними, а въ этомъ была вся суть: никто не могъ замѣнить апостола съ его живою проповѣдію Царствія Божія.

Религіозныя вѣрованія ихъ, по мѣрѣ уклоненія ихъ на путь порока, затемнились и во многомъ они не могли совершенно разбираться. А то, что осталось въ ихъ представ-

¹⁾ Фарраръ. Цитов. сочин. стр. 536.

леніи о христiанскомъ ученiи, они не представляли себѣ ясно, самодовольно считая для себя понятнымъ.

За разъясненіемъ непонятнаго имъ въ христiанскомъ ученiи, они обратились къ Павлу. Посланіе свое они отправили съ Стефаномъ, Фортунатомъ и Аханкомъ. Оно не дошло до насъ, но о томъ, что оно послано было, мы достоверно можетъ заключать изъ содержанія перваго посланія къ Коринѣянамъ, гдѣ Павелъ, повторяя предложенные ему вопросы, разбираетъ ихъ, дѣлая, смотря по обстоятельствамъ, то разъясненія, то внушенія за высокоуміемъ тона вопросовъ. Повидимому, они весьма недобросовѣстно желали скрыть свои дѣйствительныя ошибки въ забвеніи истины, маскируя самодовольнымъ заявленіемъ, что она имъ извѣстна (напр. 1 Кор. VІІІ 1, XI, 2).

Но то, что писано было въ этомъ посланіи, далеко не отражало дѣйствительнаго состоянія Коринѣской общины. Домашніе Хлои (прибывшіе вѣроятно въ Ефесъ по своимъ дѣламъ, т. к. о специальномъ ихъ прибытіи туда мы ничего не знаемъ), и другіе частные, но достоверные слухи и наконецъ Аполлосъ объяснили Павлу, что и какъ было на самомъ дѣлѣ. Первымъ, что бросилось въ глаза Апостолу и болѣе всего было прискорбно для него, это—раздѣленіе Коринѣянъ на партіи и ярый антагонизмъ между ними.—Послѣ пребыванія въ Коринѣѣ Павла, туда пришло много учителей—„тысячи наставниковъ“ по буквальному выраженію его, которые проповѣдуя, повидимому, одно съ нимъ ученіе, были враждебны ему и внесли страшную путаницу въ религіозныхъ понятіяхъ. И когда эта путаница широко развилась, то и послѣдователи Павла стали къ ней невольно причастны. Аполлосъ былъ хорошо освѣдомленъ въ истинахъ Евангельскихъ, онъ продолжалъ, такъ сказать, дѣло Павла, но будучи ученымъ, говорилъ о Христѣ болѣе съ ученой каеедры, чѣмъ Павелъ, который, по его собственному отзыву, „приходилъ возвѣщать свидѣтельство Божіе не въ превосходствѣ слова или мудрости“, ибо рассудилъ среди Коринѣянъ дать свидѣтельство „незнающимъ ничего кромѣ Иисуса Христа, и притомъ распятаго“ (1 Кор. II 1, 2). Аполлосъ былъ „мужъ краснорѣчивый и свѣдущій въ писаніяхъ“, (Діян. XVIII, 24) и говорилъ о Христѣ съ точки зрѣнія учености. При другихъ обстоятельствахъ, это послужило бы подспорьемъ къ

простой, безыскусственной проповѣди Павла, но теперь, при наличности въ Коринѣхъ многихъ учителей, слушатели его сгруппировались въ особую партію, называясь его именемъ. Получился невольный соблазнъ. Что же касается другихъ партій, то вожаки ихъ имѣли предвзятую цѣль повредить авторитету Павла, причемъ сильно вредили проповѣди Христовой. Но будучи не учителями подвижниками въ истинномъ смыслѣ, а самозванцами, они, конечно, не обращали на это вниманія. Это были іудео-христиане, т. е. христиане, обращенные изъ іудеевъ и державшіеся іудейскихъ обычаевъ, рѣзкихъ до крайней щепетильности въ обращеніи съ язычниками. Павелъ ревностный обличитель іудейства, врагъ наружно святыхъ фари́сеевъ, простой въ обращеніи съ язычниками, вызывалъ у нихъ къ себѣ ненависть. Кроме того, онъ былъ не похожъ во многомъ на другихъ апостоловъ и въ особенности на Ап. Петра, называвшагося среди Іудеевъ Кифою. Такъ напр., жизнь его была до крайности проста и ему не сопутствовали женщины, сопровождавшіе Кифу и другихъ. Выставляя это на видъ нетвердымъ въ вѣрѣ Коринтянамъ, новые учителя породили среди нихъ партію съ именемъ Кифы. Была еще партія Христовыхъ, отвергавшая авторитетъ всѣхъ апостоловъ.

Вопросъ о партіяхъ и ихъ составѣ разсматривается все-сторонне въ нашей и западной богословской наукѣ. По поводу его имѣется немало сужденій, дающихъ притомъ подробную характеристику состоянія церкви Коринтской. Но мы не имѣемъ ея ввиду. Это предметъ тщательнаго анализа посланія, который не входитъ въ кругъ нашихъ задачъ. Наша цѣль, опредѣляемая характеромъ всей работы, не детальный разборъ посланія, но только обзоръ его.

По своему содержанію, посланіе состоитъ изъ двухъ частей, хотя и неравныхъ между собою. Первые шесть главъ написаны на основаніи сообщеній домашнихъ Хлои и другихъ лицъ о состояніи Коринтской церкви, остальные 10—имѣютъ ввиду посланіе Коринтской общины. Съ 7-й главы, Апостолъ прямо начинается отвѣты на вопросы, словами „а о чемъ вы писали ко мнѣ“ (—VII 1) и затѣмъ ведетъ рѣчь, повидимому, сообразно въ вопросамъ посланія, мѣстами повторяя то, о чемъ говорилъ выше (X 23 = VI, 12).¹⁾

¹⁾ Впрочемъ основательно раздѣляетъ первое посланіе къ Корин-

Привѣтствовавъ Коринѳянъ отъ себя и отъ имени Сосфена (какъ видно изъ посланія, иначе зачѣмъ упомянуть именно онъ, а не кто другой, Тимофей напр.), Павелъ „умоляетъ“ Коринѳянъ бжтв въ единодушїи и упрекаетъ за раздѣленїя. Обличая партїи, (не ихъ сущность и различїя, а духъ ихъ позорящїй единство Церкви), онъ разъясняетъ значенїе учителей вѣры, которые должны быть лишь служителями Христа и строителями тѣла Божїихъ, а не проповѣдывать въ свое имя. „Я насадилъ, говоритъ онъ между прочимъ, Аполлосъ поливалъ, но возрастилъ Богъ“ (Ш, 6). Затѣмъ онъ говоритъ о простотѣ своей проповѣди и необходимости проповѣдывать просто, доказываетъ ничтожество человѣческой мудрости и укоряетъ Коринѳянъ въ гордости и самомнѣнїи. Посылая къ нимъ Тимофея для назиданїя въ вѣрѣ, Павелъ обѣщаетъ при личномъ посѣщенїи испытать „Не слова возгордившихся“, а силу вѣры ихъ. И если не обрѣтетъ ея, то грозно обличитъ. Чего же ждуть самодовольные Коринѳяне—слова ли обличенїя или кротости и любви (I—IV главы)? Развратность ихъ достигла такой степени, что нѣкто изъ ихъ среды имѣетъ женою жену своего отца. Узнавъ это изъ частнаго достовѣрнаго источника, Апостоль предлагаетъ этого беззаконника единодушно извергнуть изъ своей среды и поучаетъ воздерживаться отъ разврата (гл. V). Сдѣлавъ наставленїе, не обращаться за разрѣшенїемъ споровъ и тяжбъ къ язычникамъ, Павелъ снова возвращается къ тому же вопросу о грѣховности разврата, заповѣдуя блюсти чистоту тѣла (гл. VI).

еянамъ на двѣ части проф. Богданевскїй („Первое посланїе св. Апост. Павла къ Коринѳянамъ“ („Труды Кїев. Дух. Акад.“ 1907 г. № 3). Другїе (напр. Сабатье Le Apotre Paul p. 157) дѣлятъ это посланїе на 3 части (I—VI гл. вопросы общїе, VII—X, частные вопросы Коринѳянъ, —XI—XVI—вопросы внутренней жизни). Но это неправильно и неправоильность очевидна изъ одного только чтенїя посланїя безъ комментариевъ. Также неосновательно и еще болѣе чѣмъ въ указанномъ случаѣ, дѣлится посланїе на 4 части Ивановымъ, авторомъ учебника „Обозрѣнїе посланїй Апостольскихъ“ (1 порицанїе распрїи и защита проповѣди Ап. Павла I—V гл., 2 обличенїе въ нарушенїи чистоты и доброй нравствен. V—XI, 3 христ. богослуж. и дух. даров. XI—XIV гл. 4—Ученїе о воскрес. мерт. и закон. наставл. XV—XVI гл.). Это—дѣленїе произвольное. Такимъ образомъ можно дѣлить посланїе на сколько угодно частей, по числу трактуемыхъ въ немъ вопросовъ.

Во второй части, отвѣчая на вопросы, Апостолъ учить о бракѣ и безбрачїи (гл. VII), объ идоложертвенномъ (—VIII), о власти своей какъ Апостола и содержанїи служащихъ алтарю (гл. IX), объ удаленїи отъ идольскихъ жертвъ (гл. X), о благочинїи во время богослуженїй (гл. XI), о духовныхъ дарованїяхъ (гл. XII), о любви—сущности всего добраго (гл. XIII), о дарахъ пророчества и языковъ (гл. XIV), о воскресенїи мертвыхъ и побѣжденїи ада и смерти Господомъ (гл. XV), о сборахъ въ пользу церкви, скоромъ прибытїи своемъ въ Коринѣи и даетъ заключительныя наставленїя (гл. XVI).

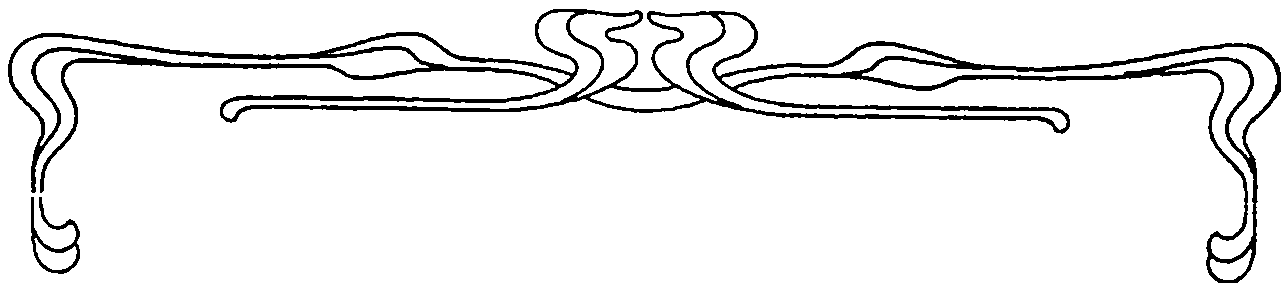
Таково содержанїе посланїя ¹⁾.

Все оно отъ вступительныхъ словъ до заключительнаго привѣтствїя проникнуто духомъ любви, высокимъ похваламъ которой отведено даже особое специальное мѣсто посланїя (XIII глава). Проповѣдь любви слышится въ каждой строчкѣ посланїя, даже и тамъ, гдѣ апостолъ грозитъ и обличаетъ. Самыя сильныя его обличенїя продиктованы любовїю, ибо чѣмъ инымъ какъ не любовїю объясняется его отеческая забота о юной общинѣ? Неудивительно, что посланїе возымѣло спасительное дѣйствїе на Коринѣянъ, хотя Апостолъ и опасался неудовольствїя. Кого не могла тронуть эта возвышенная проповѣдь—великій гимнъ любви всепобѣждающей, который проскальзывая между словъ всего посланїя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ звучитъ съ особенною силою! Эта рѣчь о любви, по превосходному выраженїю Фаррара, должна быть записана золотыми буквами въ сердцѣ всякаго христіанина.

Священ. Григ. Н. Корсунъ.

¹⁾ Есть гипотеза, существующая только въ западной наукѣ, которой придерживается и Фарраръ (цитов. сочин. 537), что первому посланїю къ Коринѣянамъ, предшествовало одно посланїе Апостола Павла нынѣ потерянное, но построена эта гипотеза на такомъ шаткомъ выводѣ изъ словъ перваго посланїя, что нѣтъ никакого основанїя допускать ее. Первое посланїе къ Коринѣянамъ есть именно первое, раньше котораго не существовало иныхъ. Правда, на армянскомъ языкѣ есть посланїе Павла, предварившее якобы первое, но его подложность овидѣтельствуется даже самъ Фарраръ, сторонникъ вышеприведенной гипотезы.

Совѣсть какъ голосъ Верховной Правды.

(Продолженіе *).

III.

Классическимъ мѣстомъ новозавѣтнаго ученія о совѣсти является изреченіе ап. Павла: „Когда язычники, не имѣющіе закона, по природѣ законное дѣлаютъ, то, не имѣя закона, они сами себѣ законъ. Они показываютъ, что дѣло закона написано въ сердцахъ у нихъ, о чемъ свидѣтельствуетъ совѣсть ихъ и мысли ихъ, то обвиняющія, то оправдывающія одна другую“ (Рим. 2, 14, 15).

Въ этихъ словахъ ап. Павелъ приписываетъ совѣсти весьма характерную дѣятельность и придаетъ ей характерное значеніе—свидѣтельства: „язычники показываютъ, что дѣла закона написаны у нихъ въ сердцахъ, о чемъ свидѣтельствуетъ совѣсть ихъ“. Совѣсть здѣсь уподобляется какъ бы непосредственному знанію (видѣнію или слышанію) о тѣхъ внѣшнихъ предметахъ и событіяхъ, которыхъ мы бываемъ свидѣтелями—очевидцами; такое знаніе не предполагаетъ какого либо сужденія или умозаключенія; оно только, какъ говорятъ, констатируетъ фактъ. Совѣсть есть непосредственное знаніе, видѣніе или слышаніе того, что есть и совершается въ насъ, и сила убѣдительности этого „показанія“ или „свидѣтельства“ совѣсти есть наивысшая для того, кто на него опирается. На эту силу неоднократно указываетъ ап. Павелъ (2 Кор. 1, 29; Рим. 9, 1—3), на нее

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 16 за 1910 годъ.

ссылается также всякій человѣкъ, какъ на послѣднюю инстанцію, когда хочетъ убѣдить другого въ истинности того, что онъ утверждаетъ.

Отсюда понятно, какъ несправедливо воззрѣніе тѣхъ, которые называютъ совѣсть умомъ, хотя-бы только практическимъ, и: наводятъ на мысль или прямо высказываются, что совѣсть, какъ умъ, совершаетъ процессъ познаванія нравственныхъ истинъ. Это послѣднее мнѣніе положительно опровергается ученіемъ ап. Павла, который, говоря о совѣсти, ясно отличаетъ ее отъ мыслей, возникающихъ на основаніи ея „свидѣтельства“. Представленія и образующіяся изъ нихъ мысли (понятія, умозаключенія) не суть уже, по Апостолу, совѣсть,—онъ ясно отличаетъ ее отъ совѣсти: „язычники показываютъ, что дѣла закона написаны „у нихъ въ сердцахъ, о чемъ свидѣтельствуется ихъ совѣсть и (сверхъ того) мысли ихъ, то обвиняющія, то оправдывающія одна другую“. Всѣ эти мысли суть обнаруженія не совѣсти, а познавательныхъ силъ человѣка, работающихъ надъ содержаніемъ совѣсти. Эти-то мысли, или—точнѣе—познавательныя силы человѣка, его разумъ, служатъ органомъ естественнаго нравственнаго законодательства, мысль о которомъ ап. Павелъ проводитъ въ словахъ: „когда язычники, не имѣющіе закона, по природѣ законное „дѣлаютъ, то, не имѣя закона, они сами себѣ законъ“.

Такимъ образомъ, совѣсть, которая, какъ мы видѣли, не можетъ быть отнесена къ проявленіямъ человѣческаго ума, по этой самой причинѣ не можетъ быть, строго говоря, отождествляема также и съ нравственнымъ закономъ, ибо законъ есть правило дѣятельности, есть сужденіе, т. е. соединеніе понятій, выраженное въ формѣ требованія, задачи для воли человѣка; а такое или иное соединеніе ихъ и выраженіе есть дѣло ума и свободы человѣка, но не дѣло его совѣсти. Совѣсть для всякаго нравственнаго закона есть только „показатель“ матеріала, „свидѣтель“ того, что во всякомъ нравственномъ сужденіи составляетъ его предикатъ: добрый, злой, честный, безчестный, великій, благородный, низкій, справедливый, несправедливый и т. д., и это понимается законодательнымъ умомъ лишь настолько, насколько чувствуется сердцемъ и желается волею, и насколько эти чувствованія и желанія сознаются или состав-

ляютъ совѣсть человѣка. Вотъ—въ этой-то своей основѣ, т. е. въ глубоко-сердечномъ чувствованіи и сознаніи,—совѣсть и является, несомнѣнно, голосомъ Верховной Правды Божіей или—Высочайшаго Божественнаго суда, который „показываетъ“ или „свидѣтельствуетъ“ въ глубинѣ души (сердца) человѣка о томъ, что добро и зло въ его мысляхъ, чувствахъ и поступкахъ.

Правда, мы слышимъ на это возраженіе, что совѣсть не основательно называется иногда въ богословскихъ системахъ намѣстникомъ Бога въ духѣ человѣка, голосомъ Божиимъ, окомъ Божиимъ. Говорятъ, что совѣсть по своей общей и основной психологической формѣ есть не что иное, какъ нравственное сознаніе (*ἐπιείκεια*—отъ *εἶδα*, я знаю—съ предл. *συν*—со-знаю; также *conscientia*—отъ *scio* съ предл. *con*=со-знаю; ср. нѣм. *Gewissen*), ¹⁾ и какъ сознаніе, она есть личное сознаніе человѣка: мы сознаемъ наши чувствованія и желанія, нравственныя чувствованія и желанія суть наши чувствованія и желанія, а не чувствованія и желанія другого Высшаго Существа въ насъ. Если бы не мы себя, а Божественная Личность сознавала Себя въ нашихъ чувствованіяхъ и желаніяхъ, то этимъ уничтожалося бы единство нашего сознанія и нашей личности, а съ нею и личная нравственность. Слѣдствіемъ грѣха первыхъ людей было, между прочимъ, и то, что Богъ отдѣлился отъ нихъ, потому что они отдѣлились отъ Бога; но несмотря на это отдѣленіе отъ Бога, въ людяхъ живо было нравственное чувство (стыда и страха) или совѣсть, которая не могла быть голосомъ Божиимъ; голосъ Божій былъ, дѣйствительно, слышенъ и падшимъ, т. е. Адаму и Евѣ, но не въ совѣсти ихъ, а въ чрезвычайномъ явленіи Бога,—„голосъ Господа, ходящаго въ раю“ (Быт. 3, 8). Что нравственное чувство дано намъ отъ Бога, это еще не даетъ права,—говорятъ,—называть и признавать совѣсть голосомъ Божиимъ въ человѣкѣ....

Но мы позволяемъ себѣ не согласиться съ подобнымъ мнѣніемъ. Дѣло въ томъ, что возрѣніе на совѣсть, разсмат-

¹⁾ См. I. Л. Янышевъ. Ученіе о нравственности, 90, 91 стр. Иванъ Поновъ. „Естеств.-нравственный законъ“. Москва 1897 г. 173, 176 стр.

ривающее ее, какъ голосъ Божій въ человѣкѣ, является, быть можетъ, неправильнымъ только въ чисто формальномъ отношеніи, какъ несогласное съ основною психологической формой совѣсти, по которой она является не болѣе, какъ только личнымъ нравственнымъ сознаниемъ человѣка; но, вѣдь, нравственное сознание, вообще, очень тѣсно связано въ человѣкѣ съ его религіознымъ сознаниемъ. И нравственное чувство, лежащее въ основѣ совѣсти, несомнѣнно, имѣетъ самую тѣсную связь съ религіознымъ самосознаниемъ человека: вотъ въ этой то области (религіознаго самосознанія) и беретъ начало то глубоко—сокровенное чувство, которое мы иначе не можемъ назвать, какъ голосомъ Божиимъ или голосомъ Верховной Иправды въ совѣсти человѣка ¹⁾. Мы не

¹⁾ Такое воззрѣніе на совѣсть находитъ для себя подтвержденіе и въ ученіи отцовъ и учителей Церкви. Такъ Оригенъ считаетъ совѣсть отношеніемъ нашего духа къ Богу и представляетъ это отношеніе, какъ законъ Божій (О началахъ, 3). Въ своихъ комментаріяхъ онъ обсуждаетъ вопросъ: что апостолъ называетъ „совѣстью“ (Римл. 2, 14, 15): то-же ли это, что сердце или душа, или это какая нибудь иная субстанція?—и приходитъ къ заключенію, что это—духъ (*spiritus*), духовная природа человѣка. Подъ этой духовной природой Оригенъ разумѣетъ Высшее Начало въ человѣкѣ, удерживающее его отъ проявленія злыхъ склонностей (*Jn. Job. 32, 11*). Тертуллианъ представляетъ совѣсть, какъ первоначальное сознание человѣка о Боге—*animae a primordio conscientia Dei* (*Adv. Marc. 1, 10*). Григорій Назіанзинъ указываетъ на существованіе въ душѣ человѣка особаго внутренняго судилища—*τὸ εὐδον βῆμα*, гдѣ человѣкъ какъ бы слышитъ судъ Божій надъ своими поступками. По I. Златоусту, совѣсть представляетъ для человѣка естественный способъ Богопознанія—*τρόπος τῆς θεωγνωσίας*; св. отецъ изображаетъ совѣсть, какъ верховнаго судью и неподкупнаго свидѣтеля, котораго человѣкъ всегда и всюду носитъ съ собою (*Бесѣд. 17 на кн. Бытія. Подр. см. объ этомъ статью А. И. Лепарскаго—„Ученіе св. I. Златоуста о совѣсти“—„Хр. Чтеніе“ 1898 г. Январь*). Влат. Августинъ часто упоминаетъ о доброй и злой совѣсти, но послѣднюю въ человѣкѣ, по мнѣнію Августина, самъ по себѣ не можетъ умиротворить (*In psalm. 45*). Вообще съ точки зрѣнія своего ученія о глубокомъ поврежденіи грѣхомъ человѣческой природы, нуждающейся для своего возрожденія въ исключительныхъ дѣйствіяхъ Божественной благодати, Августинъ отвергаетъ въ человѣкѣ самостоятельную, безъ Божественнаго воздѣйствія,—дѣятельность совѣсти. Въ эпоху схоластики заслуживаетъ вниманія ученіе о совѣсти мистиковъ—Абелярда и Бернарда. Абелярдъ (первый—написавшій самостоятельную этику) въ своихъ разсужденіяхъ относится съ глубокимъ уваженіемъ къ совѣсти, какъ къ высшему,

можемъ, конечно, опредѣлить, гдѣ и когда, именно, кончается въ совѣсти голосъ человѣческаго чувства и начинается голосъ Божій, но въ глубинѣ души своей и сердца мы можемъ знать и чувствовать, что голосъ нашей совѣсти (если только мы намѣренно не заглушаемъ и не подавляемъ его) весьма часто какъ бы сливается съ голосомъ Высочайшей Правды Божіей, который звучитъ въ насъ несравненно болѣе высокими и сильными тонами, чѣмъ какой бы то ни было голосъ человѣческой. „Се стою у двери“, говоритъ Господь, „и стучу. Если „кто услышитъ голосъ Мой и отворитъ дверь, войду къ нему и буду вечерять съ нимъ, и онъ со мною“. (Апок. 3, 20). И этотъ голосъ Божій въ совѣсти вовсе не нарушаетъ единства нашего сознанія и не уничтожаетъ нравственной личности, подобно тому какъ всемогущая и неограниченная воля Божія, дѣйствующая въ мірѣ и человѣкѣ, не уничтожаетъ ограниченной воли человѣческой.

Въ жизни очень часто встрѣчаются люди, которые, во что-бы то ни стало, стремятся отдѣлнить свое нравственное чувство отъ религіознаго и заглушить въ своей совѣсти голосъ Божій. „Я вѣрю въ нравственный долгъ“, но не вѣрю въ Бога, говорятъ лучшіе изъ атеистовъ, и подвигами самообладанія и самопожертвованія иногда доказываютъ, что они говорятъ искренно. Но вѣрять въ нравственный долгъ

религіозному началу въ человѣкѣ (*Nosce te ipsum*, с. 3). Бернардъ разсуждаетъ о совѣсти, какъ особаго рода принудительной силѣ въ человѣкѣ: суду совѣсти подлежатъ даже безпорочные, голосъ совѣсти—голосъ Божій, призывающій человѣка къ покаянію; свидѣтельство совѣсти—это слово духа истины; оно увѣряетъ нашъ духъ, что мы—дѣти Божіи. Лютеръ училъ, что осуждающая совѣсть съ ея мученіями есть чувство нравственнаго разлада человѣка съ Богомъ (*Ed. Walch. IV, 653*); въ актѣ совѣсти самъ Богъ входитъ въ общеніе съ человѣкомъ (*IV, 3; VIII, 2371* и пр.); по сему послѣдній болѣе всего связанъ со своею совѣстью, чѣмъ съ какимъ нибудь другимъ нравственнымъ началомъ или властью; въ актѣ совѣсти совершается, по Лютеру, постоянное, неизмѣнное снисхожденіе Бога къ человѣку, какъ къ своему творенію: въ совѣсти человѣка обитаетъ св. Духъ и коренится вѣра человѣка въ Бога. Лютеръ строго различаетъ совѣсть отъ врожденнаго человѣку нравственнаго закона: хотя нравственный законъ глубоко вѣдренъ въ сердцахъ людей, но онъ приходитъ въ сознаніе человѣка только при свѣтѣ совѣсти и управляетъ человѣкомъ только въ актѣ совѣсти (*II, 2227; VIII, 2371*).

и жертвовать для него собственностью, честью, жизнью, всѣмъ на землѣ значить тоже, что и нравственную силу признавать высшею на землѣ, такую силу, которой все земное должно быть предпочтено и подчинено, какъ низшее, слѣдовательно—значить вѣрить въ побѣду добра надъ всѣмъ, что ему противоборствуетъ. А признавать нравственную силу высшею и вѣрить въ ея побѣду надъ зломъ—значить то же, что вѣрить въ личнаго Бога (ибо по сознанию всѣхъ психологовъ нравственное начало не можетъ существовать внѣ личности) и въ нравственное міроуправленіе Провидѣнія, которое не допуститъ, чтобы подвигъ служенія долгу и добру былъ напраснымъ трудомъ (1. Кор. 15, 58).

Никто изъ философовъ не понималъ такъ ясно и не изобразилъ такъ краснорѣчиво независимость нравственныхъ требованій долга отъ какихъ бы то ни было, тѣмъ болѣе—религіозныхъ мотивовъ, какъ Кантъ, котораго „Автономія“ и „Категорическій императивъ“ составляютъ славу нѣмецкой философіи; и однако, не находя въ мірѣ правды и справедливости, которой требуетъ нравственный долгъ, Кантъ вынужденъ былъ подкрѣпить нравственную „автономію“ тѣмъ, что отъ бытія нравственнаго закона онъ заключалъ къ бытію Бога и безсмертію души: отъ несовершенной правды и справедливости земной и человѣческой онъ долженъ былъ поднять свой взоръ выше—къ Высочайшей Правдѣ Божественной.

Но то, что Кантъ представлялъ себѣ лишь туманно, ясно выражено въ Словѣ Божіемъ: „То угодно Богу, говорить ап. Петръ, „если кто, помышляя о Богѣ, переноситъ скорби, страдая несправедливо“,—точнѣе съ греческаго, слова: „помышляя о Богѣ“, читаются: „по сознанию“, или буквально—„по совѣсти Бога,“—„διὰ συνείδησιν Θεοῦ“ (1 Петр. 2, 19). Говоря о совѣсти, какъ сознаниіи Бога—*συνείδησις Θεοῦ*,—Апостоль подтверждаетъ изложенное нами выше понятіе о ней, не какъ объ особенной духовной силѣ (напр., умственной), которая возвыщаетъ только нравственный законъ, но какъ объ общемъ сознаниіи, въ которомъ отражаются и религіозныя чувства и представленія. Вместе съ тѣмъ ап. Петръ учитъ, что сознание достоинства добродѣтели возможно только въ сознаниіи общенія съ Богомъ—и при томъ только со Христомъ Богомъ, потому что Христосъ-Богъ есть не только

личный Духъ, отличный отъ міра и владѣющій всѣмъ міромъ, есть не только Правда и Любовь, какъ онъ явился въ искупленіи рода человѣческаго, но и Премудрая и Всемогущая Сила, всѣ судьбы міра и человѣка направляющая къ одной цѣли—полной славы и торжеству добра и правды въ вѣчной жизни. Только христіанство, призывая всякаго человѣка, „грядущаго въ міръ“, въ общеніе съ Богомъ и въ Богъ со всѣмъ міромъ и человѣчествомъ, открываетъ ему, съ одной стороны, тайну зла, какъ господство въ мірѣ эгоизма и чувственности, съ другой,—спасаетъ его отъ этого зла, объявляетъ въ его совѣсти помилованіе ему Вѣчной Правдой и Любовью и даетъ ему право и силы участвовать въ созиданіи царства Божія, какъ здѣсь—на землѣ, гдѣ зло только мало-по-малу уступаетъ власть надъ собою нравственному закону, такъ и въ вѣчной славы, гдѣ нѣтъ числа обителямъ добродѣтели. Наконецъ, только христіанство, вводя человѣка въ дѣйствительное общеніе съ Богомъ, Первообразомъ Добра и Источникомъ силы его, въ то же время напутствуетъ и благословляетъ человѣка на борьбу со зломъ, запечатлѣвая человѣка знаменіемъ креста, какъ символомъ самоотверженія и страданія именно за добро, за исполненіе нравственнаго долга. Видѣть поруганіе и попираніе добродѣтели и не отчаяваться въ ней, переносить страданія, какъ выражается апостоль, „не справедливыя“,—по истинѣ можно только въ общеніи съ Богомъ—Высочайшимъ Добромъ и Высочайшей Правдой, которыя открываются и даютъ себя чувствовать ближе всего въ сердцѣ или въ совѣсти христіанина.

И нигдѣ значеніе совѣсти въ этомъ смыслѣ не раскрывалось съ такой полнотою и величіемъ, какъ въ жизни древняго христіанскаго общества. Святость и чистота нравственной жизни христіанъ первенствующей церкви немислимы, говоритъ Гофманъ, безъ предположенія особеннаго дѣйствія въ нихъ (христіанахъ) совѣсти, возрожденной, освященной и просвѣщенной дарамъ Св. Духа (*μαρτύριον συνεδέχθησαν ἐν πνεύματι ἁγίῳ*). До вступленія въ христіанство человѣкъ падалъ подъ бременемъ совѣсти, упрекавшей его за печестивую жизнь и не зналъ о цѣли, трудныхъ подвиговъ благочестія. Въ христіанствѣ же онъ вѣровалъ въ искупленіе и спасеніе своею благодатію Сына Божія и, какъ залогъ этого искупле-

нія ощущать и сознавать въ себѣ возрожденную Св. Духомъ совѣсть, которая раскрывала ему чувство истинной добродѣтели, прежде неизвѣстной ему по опыту. Воздержаніе отъ излишествъ, самоотверженіе, умерщвленіе своихъ страстей, любовь къ Богу и ближнимъ, даже любовь къ врагамъ,—всѣ эти добродѣтели, неизвѣстныя въ языческомъ мірѣ, казались христіанамъ послѣ прежней порочной и себялюбивой жизни какимъ-то небеснымъ благомъ и служили источникомъ радостей неизвѣданныхъ, потому что, исполняя ихъ, христіанинъ въ первый разъ чувствовалъ одобреніе совѣсти за трудность ихъ исполненія, въ первый разъ сознавалъ ясную цѣль своихъ нравственныхъ поступковъ и ощущалъ въ душѣ миръ съ Богомъ. Отсюда понятно, почему, напр., въ древне-христіанской литературѣ ¹⁾ понятіе о совѣсти ставили въ тѣсную связь съ понятіемъ о просвѣщеніи и озареніи человѣка свыше: совѣсть понималась, какъ голосъ Божій, какъ свидѣтельство совѣсти въ Духѣ Святомъ, — *μαρτύριον τῆς συνείδησας ἐν πνεύματι ἁγίῳ*, или короче, — какъ свидѣтельство Духа — *μαρτύριον τοῦ πνεύματος*. О совѣсти, какъ извѣстномъ нравственномъ органѣ души человѣка здѣсь не было даже и рѣчи ²⁾.

Сообразно съ такимъ высокимъ значеніемъ истинная или, какъ ее называетъ апостолъ Павелъ, „благая“, „чистая“ (*καθαρά*—1 Тим. 3, 9; Дѣян. 23, 1), совѣсть ³⁾ всегда обнару-

1) См. выше—примѣчаніе.

2) Hofmann, Die Lehre von Gewissen. § 6, s. 39--40.

3) Нужно замѣтить, что въ Св. Писаніи упоминается также и совѣсть порочная (*πνηρά*) или худая (Евр. 10, 22), оскверненная (*μεμασμένῃ*—Тит. 1, 15), сожженная (1 Тим. 4, 2: здѣсь человѣкъ, вообще, называется „сожженнымъ въ совѣсти“—*κακαυτηριασμένος*), немощная или заблуждающаяся (1 Кор. 8, 7--13: „совѣсть идоловъ“—*συνείδησις τοῦ εἰδώλου*, т. е. признаніе идоловъ за дѣйствительно существующія силы). Всѣ эти различныя качества и названія совѣсти, въ строгомъ смыслѣ, не могутъ быть относимы къ совѣсти: они скорѣе относятся къ различнымъ степенямъ развитія и качествамъ нравственнаго чувства и ума человѣка, который (т. е. умъ) можетъ, конечно, погрѣшать или „заблуждаться“ въ своихъ нравственныхъ сужденіяхъ... По мѣрѣ нормальнаго или ненормальнаго развитія нравственнаго чувства и нравственной свободы человѣка, совѣсть можетъ только болѣе или менѣе ясно и сильно или болѣе или менѣе слабо ощущать и сознавать тѣ или другія нравственныя движенія человѣка, но во всякомъ случаѣ совѣсть всегда остается не чѣмъ другимъ, какъ

живають слѣдующія главныя свойства: 1) Не мы располагаемъ совѣстью, но совѣсть располагаетъ нами,—другими словами, она обладаетъ повелительностью надъ человѣкомъ. Кантъ въ заключеніи своей „Критики чистаго разума“ изображаетъ совѣсть такимъ могущественнымъ нравственнымъ началомъ, предъ которымъ должна преклоняться и преклоняется всякая противоборствующая склонность въ человѣкѣ. Между всѣми земными силами, говоритъ Лютардъ, мы не знаемъ никакой высшей, чѣмъ совѣсть; мы всѣ склоняемся предъ ея авторитетомъ (Luthardt, Zur Ethic. Betrachtungen über das Gewissen. 1888, s. 8). Поэтому справедливѣе всего назвать силу совѣсти не-земной, а высшей, небесной силой и признать за ея авторитетомъ высочайшій авторитетъ голоса Божія въ человѣкѣ. Всякому извѣстны случаи, гдѣ совѣсть одерживала и одерживаетъ верхъ надъ, такъ называемыми, требованіями разсудка, личными интересами и расчетами, какъ въ жизни нравственной, такъ и религіозной. Исторія мученичества за религіозныя убѣжденія представляетъ много примѣровъ такого рода. „Раздирайте тѣло

только „свидѣтельствомъ“, „показаніемъ“ (Римл. 2, 15) или признаніемъ того, что совершается во внутреннемъ нравственномъ мірѣ человѣка, а это признаніе, по своему существу, не можетъ быть хорошо или дурно, а можетъ быть только болѣе или менѣе сильно или слабо. Когда нравственное развитіе человѣка совершается нормально, совѣсть внимательно слѣдитъ за всѣми движеніями духа, является самымъ бдительнымъ стражемъ нравственнаго преслѣянія человѣка, и тогда въ ней ясно можетъ слышаться голосъ Божій, награждающій человѣка неизрѣченнымъ внутреннимъ миромъ и душевнымъ спокойствіемъ. Такимъ образомъ рождается совѣсть благая, чистая, добрая, непорочная (*ἀπρόσκοπος* Дѣян. 24, 16). Ненормальное нравственное развитіе человѣка, наоборотъ, дѣлаетъ его совѣсть „порочной“, „лукавой“ (какова, напр., совѣсть фарисеевъ, лицемеровъ), „оскверненной“. „Для чистыхъ все чисто, говоритъ ап. Павелъ, а для оскверненныхъ и невѣрныхъ нѣтъ ничего чистаго, но осквернены и умъ ихъ и совѣсть“ (Тит. 1, 15). Крайнее притупленіе нравственныхъ силъ человѣка можетъ даже совсѣмъ заглушать совѣсть (1 Тим. 4, 2; ср. Мѣ. 6, 22). Такое состояніе можетъ продолжаться иногда довольно долгое время. Но есть и предѣлы его. Совѣсть начинаетъ, наконецъ, говорить и нерѣдко съ такою (какъ выражаются—„сверхъестественною“) силою, что человѣкъ гибнетъ въ смертельномъ страхѣ и отчаяніи: тогда явно уже въ совѣсти слышится голосъ Верховной и Высочайшей Правды Божіей, Которая творитъ свой судъ надъ преступнымъ человѣкомъ.

наше, если угодно“, писать въ свое время Тертуллианъ,— „пригвоздите ко кресту, повергайте въ огонь,—христіанинъ все готовъ претерпѣть, ибо онъ соблюдаетъ правду и вѣрность Богу“ (Русск. пер. I, 69). В. Кипарисовъ называетъ это свойство совѣсти „естественной свободой“ („О свободѣ совѣсти“ 1883 г., 14 стр.). Какъ таковая, совѣсть есть высшее нравственное начало,—самоопредѣляющееся и независимое отъ внѣшнихъ вліяній, ни даже отъ воли субъекта, обладающаго совѣстью. Древніе церковные писатели не разъ обращаются къ этой „естественной свободѣ“ совѣсти, называя ее, въ общемъ смыслѣ, „свободою души“ (Іоаннъ Златоустъ. Слова на разные случаи. 4, 296; Кирилль Алекс. Дѣян. Всед. Соб. I т., 775 и пр.). І. Л. Янышевъ очень характерно называетъ это свойство совѣсти, — по отношенію къ спеціально нравственной дѣятельности, — „безусловною невольностью нравственнаго чувства („Ученіе о нравственности“, 92 стр.). Являясь неумолимымъ судьей и громко и властно обличая человѣка въ преступленіи, совѣсть можетъ быть также и авторитетнымъ защитникомъ человѣка добродѣтельнаго: тогда онъ, такъ сказать, подъ покровомъ высшей власти является совершенно безопаснымъ въ своей совѣсти и можетъ противостоять цѣлому свѣту¹⁾. Посему-то ап. Петръ и говоритъ: „имѣйте добрую совѣсть, дабы тѣмъ, за что злословятъ васъ, какъ злодѣевъ, были постыжены порицающіе ваше доброе житіе во Христѣ“ (1 Петр. 3, 16).

2) Совѣсть въ человѣкѣ не можетъ оставаться недѣятельной и требуетъ обнаруженія ея убѣжденій. Христіанство главнымъ признакомъ христіанской совѣсти поставляетъ обнаруженіе христіанскихъ убѣжденій, или внѣшнее исповѣданіе вѣры (Рим. 10, 10), какъ необходимое условіе пребыванія въ христіанствѣ. „Всякое убѣжденіе, говоритъ Винэ (Essai p. 47), „которое мы боимся высказать, не достойно этого имени. Ибо, если совѣсть не нудитъ насъ объявить наше убѣжденіе, то гдѣ будетъ доказательство того, что совѣсть именно связываетъ убѣжденіе человѣка²⁾? Посему-то ап. Павелъ и говоритъ: „отвергнувъ скрытныя постыдныя дѣла, не прибѣгая къ хитрости и не искажая Слова Божія, а открывая истину, представляемъ себя совѣсти всякаго че-

1) Scharling. Christliche Sittenlehre. § 11, s. 143. Ausg. 1892.

2) В. Кипарисовъ, „О свободѣ совѣсти“, 19 стр.

ловѣка предъ Богомъ“ (2 Кор. 4, 2). И въ другомъ мѣстѣ: „зная страхъ Господень, мы вразумляемъ людей, Богу же мы открыты; надѣюсь, что открыты совѣстямъ вашимъ“ (2 Кор. 5, 11). Мужіе, братіе,—воскликаетъ ап. Павелъ на судѣ предъ синедріономъ: „я всею доброю совѣстью жилъ предъ Богомъ до сего дня“ (Дѣян. 23, 1).

3) Наконецъ, дѣло совѣсти совершенно чуждо всякихъ корыстныхъ побужденій: совѣсть совершенно независима отъ нихъ. Ап. Павелъ во 2 посл. къ Кор. пишетъ: „похвала наша сія есть, свидѣтельство совѣсти нашей, что мы въ простотѣ и богоугодной искренности, не по плотской мудрости, но по благодати Божей жили въ мірѣ, особенно же у васъ“ (1, 12). „Моя награда, подобно сему говоритъ св. Григорій Богословъ (послѣ продолжительной борьбы съ еретиками), одно исповѣданіе: иной не ищущи и не искаль, потому что добродѣтель должна быть безкорытна, если хочетъ быть такою добродѣтелью, у которой въ виду одно добро“. Единственное основаніе и конечная цѣль всѣхъ дѣйствій, исходящихъ изъ совѣсти, состоитъ въ стремленіи удовлетворить требованіямъ Высочайшей Правды Божіей: на этомъ свойствѣ совѣсти, очевидно, основывается то, часто встрѣчающееся опредѣленіе ея, что она есть внутреннее чувство мира въ душѣ съ Богомъ, испытываемое нами при соблюденіи нравственнаго закона и чувство скорби и страданія при нарушеніи этого закона, какъ голоса Божія въ совѣсти человѣка.

Въ Новомъ Завѣтѣ обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что слова „совѣсть“ мы нигдѣ не слышимъ ни изъ устъ Спасителя, ни изъ устъ Евангелистовъ (за исключеніемъ Евангелиста Іоанна, 8 гл., 9) и нигдѣ въ Новомъ Завѣтѣ это слово не упоминается въ отношеніи къ Лицу Іисуса Христа. Поэтому нѣкоторые богословы и моралисты (утверждающіе, что совѣсть вызвана къ жизни только со времени грѣхопаденія, оставаясь послѣдовательными) говорятъ, что къ Господу, какъ безгрѣшному, не имѣетъ отношенія то, что мы называемъ совѣстью¹⁾.

Но этотъ взглядъ едва-ли можетъ быть признанъ правильнымъ. Утвержденіе существованія совѣсти во Христѣ имѣетъ то важное значеніе, что это утверждаетъ за Нимъ и

1) І. Янышевъ. „Ученіе о нравственности“. 222—223 стр.

полную человѣческую личность во всемъ значеніи этого слова: какъ истинный человѣкъ, Іисусъ Христосъ необходимо имѣлъ и совѣсть. Если бы Онъ не имѣлъ ея, то нельзя было бы сказать, что Онъ съ воплощеніемъ раздѣлилъ съ нами все человѣческое, что Онъ былъ „искушенъ по всяческимъ (кромѣ грѣха)“. Когда Господь говорилъ Іоанну, отказавшемуся крестить Его: „остави нынѣ, тако бо подобаетъ намъ исполнить всяку правду“,—когда Онъ отражалъ въ пустынѣ искушителя,—когда Онъ слышалъ обращенныя къ Нему соблазнительныя слова ап. Петра; „пощади себя, да не будетъ этого съ тобою“,—и давалъ апостолу отвѣтъ,—то Онъ дѣйствовалъ непосредственно по голосу своей совѣсти. Колѣбанья, раздумья, конечно, въ Немъ не было; но Онъ ощущалъ въ душѣ своей голосъ Высочайшей Правды: уклонись отъ зла и твори добро. Далѣе—отрицаніе во Христѣ совѣсти отрицало бы въ Немъ возможность нравственнаго развитія, но изъ Евангелія извѣстно, что І. Христосъ развивался въ этомъ смыслѣ: „Христосъ растяше и крѣпляшеся духомъ“,—говоритъ Евангелистъ, а нравственное развитіе возможно только въ томъ случаѣ, если есть и проявляется совѣсть. Итакъ, на этомъ основаніи мы скорѣе должны согласиться съ тѣми, которые І. Христа называютъ олицетворенною Совѣстью человѣчества: Христосъ-Спаситель есть недоступный идеаль, безусловный образецъ и относительно всего того, что касается совѣсти, только зеркало Его совѣсти никогда не помрачало никакое дыханіе, и голосъ Божественный въ Его совѣсти вполне совпадалъ съ голосомъ Его безгрѣшной человѣческой природы.

Что же касается того, что мы не встрѣчаемъ въ Евангеліяхъ слова—совѣсть, то нужно замѣтить, что, хотя это слово и не упоминается въ ученіи І. Христа, но Спаситель очень часто и очень ясно указываетъ на факты совѣсти (см. напр. Мѡ. 6, 22). Весьма яркое изображеніе дѣйствія совѣсти мы находимъ, напр., въ притчѣ Господа о блудномъ сынѣ. А обличительная рѣчь Спасителя къ фари́сеямъ (Мѡ. 28) до такой степени ясно обращается къ ихъ совѣсти и такъ сильно осуждаетъ эту послѣднюю, что здѣсь, справедливо замѣчаетъ Гассъ, не требуется даже и самаго слова—совѣсть ¹⁾. Съ Божественнымъ спокойствіемъ, по съ страш-

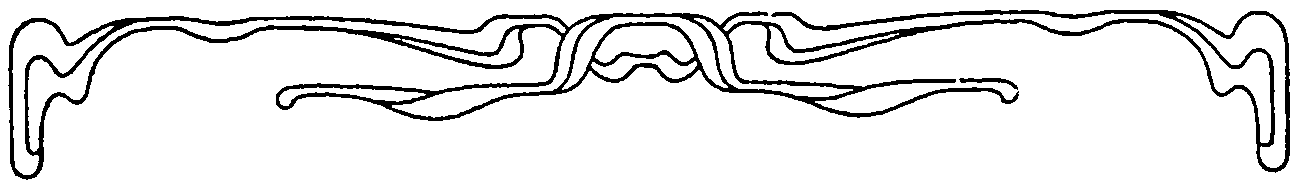
1) Gass. Die Lehre vom Geirssen S. 16.

ною торжественностью и беспощадною правдою Господь изображаетъ въ этой рѣчи предъ народомъ все богопротивное фарисейское лицемеріе, всю ихъ пагубную ложь и отвратительное пустосвятство. Все, въ чемъ Господь при разныхъ случаяхъ упрекалъ книжниковъ, собрано здѣсь въ одно: ни одна страсть не оставлена безъ обличенія, ни одно заблужденіе и лжеученіе—безъ осужденія, и все представлено въ такомъ видѣ, что нельзя было не слышать и не видѣть истины. Особенно же гордый, честолюбивый характеръ фарисеевъ, ихъ лицемеріе и лживость, ихъ упорство въ своей испорченности изображены такъ живо и сильно, какъ только можетъ изобразить языкъ человѣческой. Эту грозную рѣчь и теперь нельзя читать въ св. Евангеліи безъ сердечнаго трепета,—безъ того, что бы, читая это: „горе вамъ книжники, фарисеи-лицемеры“, не обратиться и къ своей совѣсти и не заглянуть въ собственное сердце: нѣтъ-ли тамъ чего нибудь похожаго на тѣ пороки, коими были заражены древніе фарисеи, не живутъ ли и въ насъ тѣже пороки: и лицемеріе, и гордость, и тщеславіе, и самолюбіе, и корыстолюбіе, и хищеніе, и зависть, и злоба, и братоубійство, за которыя Господь отступился отъ евреевъ, сказавъ грозное: „се оставляется домъ вашъ пустъ“. Вся рѣчь Спасителя къ фарисеямъ, по-истинѣ, есть голосъ Высочайшей Божественной Правды, обращенный къ человѣческой совѣсти: такія рѣчи, какъ эта, не остаются безъ дѣйствія и произносятся только тѣми, кои на то пришли въ міръ, чтобы свидѣтельствовать въ сердцахъ и совѣсти людей Высочайшую Истину и умереть за нее.

Николай Богословскій.

(Продолженіе будетъ).

СПИРИТИЗМЪ.

(Опытъ изслѣдованія вопроса съ точекъ зрѣнія: естественно-научной, исторической, философской и христіанской).

(Продолженіе *).

Съ 20 по 29 сентября 1895 г. съ цѣлію выясненія вопроса о телекинетіи произведены были еще наблюденія надъ опытами извѣстнаго медиума Евзапіи Паладино. Наблюдающая коммиссія приняла всѣ мѣры предосторожности. Опыты происходили въ залѣ прекрасно освѣщенномъ стоящею на столѣ лампою. Въ программы и экспромптомъ Евзапіи предложено было, не дотрогиваясь до обыкновенныхъ вѣсовъ для писемъ, произвести давленіе на площадку ихъ. Евзапія расположила обѣ руки надъ площадкой въ разстояніи 3 или 4 сантиметровъ отъ ней и сдѣлала нѣсколько слабыхъ движеній сверху внизъ. Сначала площадка была неподвижна; вскорѣ она стала одновременно съ руками колебаться, наконецъ, когда Евзапія опустила руки, площадка опустилась до конца, насколько позволяло устройство вѣсовъ, а когда Евзапія расположила обѣ раскрытыя руки въ двухъ вертикальныхъ плоскостяхъ съ двухъ сторонъ вѣсовъ и стала двигать руками въ горизонтальномъ направленіи, то и вѣсы, повинаясь невидимой силѣ, стали скользить по столу и наконецъ упали съ него на полъ.

Что человѣческой организмъ есть источникъ того движенія, сила котораго противопоставляется силѣ тяготѣнія—доказывается еще и тѣмъ, что сенситивность служитъ не только для проявленія свѣта ода, но и для передачи его

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 16 за 1910 годъ.

силы. Рейхенбахъ говоритъ, что при не сенситивныхъ столы не вращаются вовсе, при смѣси послѣднихъ съ сенситивами—вращаются слабо, а когда участвуютъ одни сенситивы, то явленія достигаютъ высшей степени эффектности. Изъ другихъ физическихъ условій на успѣшность явленій вліяютъ: теплота и сухость воздуха. Употребленіе вина также помогаетъ усиленію столоверченія и подвыпившіе сенситивы выглядятъ совершенно огненными. Ослабляютъ одическое излученіе и связанныя съ нимъ явленія:—болѣзни, половые эксцессы, дурное расположеніе духа, а особенно—скептическое настроеніе. Кто не вѣритъ въ возможность подобныхъ явленій, тотъ никогда не можетъ ихъ и вызвать ¹⁾:

Послѣднее замѣчаніе въ связи съ открытіемъ Рейхенбаха безотносительно къ спиритизму, даетъ богатую пищу для богословскаго мышленія. Въ самомъ дѣлѣ, если сидящіе за стукающимъ столомъ не вѣрятъ въ возможность его стуковъ и связанныхъ съ ними явленій, то хотя стуки (безпорядочные, можетъ быть и будутъ, но никакихъ явленій не произойдетъ. Если вѣрятъ, то изъ нихъ обильно выдѣляется одъ и заявляетъ себя, какъ внѣшне—дѣйствующая сила. Если вѣрятъ, то свѣтятся, а не вѣрятъ, не свѣтятся. Какъ будто, гдѣ вѣра, тамъ и одъ и по мѣрѣ вѣры; какъ будто одъ является тою оболочкою, чрезъ посредство которой вѣра себя проявляетъ и внѣшне, *физически* дѣйствуетъ. Пытливая мысль невольно ставитъ при этомъ предъ сознаніемъ библейскія параллели.—„Я почувалъ силу, исшедшую изъ Меня“, сказалъ Иисусъ Христосъ, когда прикоснулась къ Его одеждѣ кровоточивая... Сіяло лице Моисея, даже днемъ... Сіяющимъ ореоломъ окружаетъ благочестивая мысль христіанскія лики святыхъ на иконахъ... Сіялъ, какъ солнце ликъ Христа при Преображеніи, а одежды были бѣлы, какъ снѣгъ... Вѣрующій Ап. Петръ держится на водѣ, а усумнившійся тонетъ... Если будете имѣть вѣру, какъ зерно горчичное, сказалъ Христосъ Апостоламъ, то скажете горѣ: поднимись и ввергнись въ море, и послушаетъ Васъ...

1) Дьяченко: „Изъ обл. тоинств.“ с. 394. Проф. Тюри ограничиваетъ значеніе этого фактора. См. Фламмаріона: „Невид. силы“, с. 204.

Открытие Рейхенбаха привело нѣкоторыхъ послѣдователей его къ любопытнымъ выводамъ. Кому неизвѣстна, напр., суевѣрный взглядъ на, такъ называемый, *дурной глазъ*. Въ основѣ этого суевѣрія, говорятъ, лежитъ *физическое*, реальное явленіе. Глаза человѣка, говорятъ, обладаютъ способностію видѣлять особенно сильно одическую (электромагнитную) силу, а если это сенситивъ, то дѣйствіе этой силы прямо осязательно. Всѣмъ извѣстно, что пристальный, устремленный въ затылокъ, взглядъ заставляетъ человѣка обернуться назадъ. Дѣйствіе этой силы тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе сопротивленія представляетъ объектъ воспринимающій. Вотъ почему, говорятъ, *глазенью* легче поддаются выздоравливающіе послѣ изнурительной болѣзни и особенно слабыя и нервныя дѣти.

Датве.—Есть, говорятъ, опыты доказывающіе существованіе разницы въ одической силѣ мужскаго и женскаго пола. Если мы поставимъ, напр., рядомъ двухъ мужчинъ или двухъ женщинъ, то для обоихъ совершенно безразлично, гдѣ кто стоитъ: съ правой или лѣвой стороны. Но зато обыкновенно они чувствуютъ неловкость, если, стоя рядомъ, обращены лицами въ противоположныя стороны. Отчего? Оттого, что при послѣднемъ положеніи соединены обѣ правыя, или обѣ лѣвыя стороны, т. е. однородныя по характеру выдѣляемыхъ лучей,—голубые—съ правыхъ боковъ и красные—съ лѣвыхъ; однородныя-же электричества, (одическіе лучи видъ электрическихъ) какъ извѣстно, взаимно отталкиваются. У индивидовъ-же разныхъ половъ дѣло обстоитъ далеко не такъ просто: уже при одномъ помѣщеніи женщины съ правой стороны мужчины, оба чувствуютъ себя не совсѣмъ ловко, и только при помѣщеніи женщины съ лѣвой стороны оба чувствуютъ себя хорошо. Объясненіе этому можно найти въ предположеніи, что въ общемъ мужчина представляется болѣе магнитно-положительнымъ и женщина болѣе магнитно-отрицательной, и что оба вмѣстѣ они такимъ образомъ образуютъ фізіологическую магнитную пару или батарею. Тогда въ первомъ случаѣ (женщина справа) общій токъ въ батарее (отъ + къ —), слѣва на право, будетъ обратный, чѣмъ въ каждомъ элементѣ, тогда какъ во второй позиціи (женщина слѣва) общій токъ совпадаетъ съ токомъ cadaго элемента—справа на лѣво. Вотъ почему мужчинѣ пріятнѣе вести даму съ лѣвой стороны (какъ это дѣлается по

всей Европѣ), тогда какъ при гуляніяхъ съ другими мужчинами обыкновенно люди не обращаютъ на это никакого вниманія.

Еще наблюденіе относительно физиологической стороны поцѣлуевъ.—Сенситивы говорятъ, что верхняя губа человѣка свѣтитъ голубыми лучами, а нижняя болѣе красными. Тоже имѣетъ отношеніе и къ верхнему и нижнему вѣку глаза. Здѣсь причина, говорятъ, того, что поцѣлуй въ лѣвую щеку пріятнѣе, чѣмъ въ правую, такъ какъ при поцѣлуѣ болѣе приходитъ въ соприкосновеніе верхняя губа, а она гетерономна (разнородна по характеру лучей) съ лѣвой щекой и изономна (однородна) съ правой ¹⁾.

Хотѣлось-бы знать, почему любовь услаждаетъ поцѣлуй, а ненависть отравляетъ хотя-бы то былъ поцѣлуй въ правую или лѣвую щеку—безразлично? Почему любящій получаетъ *физически—пріятное* ощущеніе даже отъ поцѣлуя изображенія или предмета любимаго существа? Почему вѣрующимъ пріятно лобызать иконы и вообще священные предметы? Почему они стремятся къ соприкосновенію съ святыней, какъ съ источникомъ благодатной силы? Почему, наконецъ, большинство чудесъ совершается чрезъ наложеніе рукъ или вообще чрезъ какое-либо физическое посредство? —Къ сожалѣнію, ни Рейхенбахъ, ни преемники его по развитію его теоріи этихъ вопросовъ предъ собой не ставили.

Нѣкоторые опыты Рейхенбаха были повторены Дюрвиллемъ, профессоромъ въ парижскомъ институтѣ магнетизма и массажа; открытіе его изслѣдовалось упомянутымъ Лондонскимъ Діалектическимъ Обществомъ.

Во Франціи провѣркою опытовъ его занялись Де-Раша, Шазаренъ, Декль, Люи и многіе другіе серьезные ученые. Всѣ они пришли къ тому заключенію, что свѣтящіяся волны, выдѣляемыя человѣкомъ и другими животными, вполнѣ реальны. Въ настоящее время существуетъ уже аппаратъ для наглядной демонстраціи этихъ волнъ; болѣе того, существуютъ уже снятыя съ нихъ фотографіи. Мы вправѣ, поэтому, смотрѣть на открытіе Рейхенбаха со всею научною серьезностію.

Чтобы судить, какое приложеніе можетъ имѣть открытіе Рейхенбаха къ объясненію явленій спиритизма, намъ остается сдѣлать нѣсколько заключительныхъ замѣчаній.

1) Докторъ Погорѣльскій. См. „Ребусъ“ 1898 г. № 3.

Мы знаемъ уже о способности человѣка посредствомъ свѣтовыхъ излученій выдѣлять изъ себя силу, способную дѣйствовать на разстояніи. Что эта сила всецѣло принадлежитъ организму, изъ него заимствуется, хотя и управляется и возбуждается душою, это съ ясностію видно изъ слѣдующаго.—Послѣ сеансовъ, Юма неразъ можно было видѣть лежащимъ на полу, блѣднымъ и неспособнымъ произнести ни одного слова. Явно, что онъ работалъ на сеансѣ на счетъ истощенія своего организма. Тоже было отмѣчено и относительно Евзапіи Паладино. Во время сеансовъ она часто стонала, потѣла, то блѣднѣла, то краснѣла, часто ея руки дѣлались холодными, какъ ледь. По мѣрѣ утомленія она проситъ объ уменьшеніи свѣта и образованіи цѣпи изъ присутствующихъ, которая для нея является резервуаромъ силы. Участники цѣпи также въ свою очередь устаютъ.

Далѣе.—Относительно Евзапіи также установлено, что она при вызваніи явленій движенія предметовъ производитъ слабыя движенія руками и ногами; что разъ движеніе предмета начались, то каждому сильному движенію медіума соотвѣтствуетъ одновременное ускореніе движенія предмета, которое не имѣетъ равнаго характера, а происходитъ толчками, причемъ эти движенія иногда бывають очень тонкія, напр., медіумъ перебираетъ на разстояніи клавиши рояля такъ, что каждому движенію руки соотвѣтствуетъ нота, играемая на инструментѣ. Еще одинъ фактъ установленный комиссіей.—Евзапія взяла одною рукою лѣвую кисть Сабатье (членъ комиссіи); а пальцами другой руки окружила его указательный палецъ; потомъ стала производить вокругъ этого, пальца поперемянные круговыя движенія, которымъ соотвѣтствовали звуки ключа, одновременно поворачивавшагося въ замкъ то въ ту, то въ другую сторону. Замѣчено также что помимо другихъ условій, холодная и дождливая погода препятствуетъ успѣху сеансовъ¹⁾.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что *связь явленій спиритизма съ причинами физическими и зависимость ихъ отъ нихъ—внѣ всякаго сомнѣнія.*

Замѣчательно, что и спиритизмъ воли и солидаренъ

1) Дьяченко: „изъ обл. тайствъ“ с. 283—287.

съ теоріей Рейхенбаха въ объясненіи своихъ физическихъ явленій. Онъ категорически отрицаетъ ихъ сверхъестественность или чудесность и говоритъ, что весь ихъ секретъ—въ свойствахъ периспиритальнаго флюида (ода), какъ воплощенныхъ, такъ и свободныхъ духовъ.

Приведемъ это спиритическое объясненіе.

„Во время жизни тѣла, говорятъ спириты, духъ вліяетъ на него посредствомъ своего периспри; все съ тѣмъ-же флюидомъ онъ проявляется, дѣйствуя на инертную матерію, производитъ шумъ, движеніе стола и другихъ предметовъ, которые онъ приподнимаетъ, опрокидываетъ или переноситъ. Въ этомъ явленіи нѣтъ ничего удивительнаго, если взять во вниманіе, что самые могущественные двигатели у насъ заключаются въ самыхъ разрѣженныхъ и даже невѣсомыхъ флюидахъ, какъ воздухъ, паръ, электричество.

Также при помощи своего периспри духъ заставляетъ медиума писать, говорить или рисовать. Не имѣя осязаемаго тѣла для своего проявленія, онъ пользуется тѣломъ медиума, заимствуя его органы, заставляя ихъ дѣйствовать, какъ-бы свое собственное тѣло, помощію изливаемыхъ на него флюидовъ.

Тѣмъ-же самымъ способомъ духъ дѣйствуетъ и на столъ заставляя его двигаться безъ опредѣленнаго смысла, или для сознательнаго выстукиванія, опредѣляющаго буквы азбуки, изъ которыхъ слагаются слова и предложенія,—явленіе, называемое *типологією*. Столъ здѣсь нечто иное, какъ орудіе, которымъ духъ пользуется, какъ и карандашемъ, заставляя его писать; онъ даетъ ему минутную жизненность, проникая его своимъ флюидомъ, но самъ вовсе не сливается съ нимъ. Когда сообщенія происходятъ такимъ способомъ, надо представлять себѣ духа не въ столѣ, а рядомъ съ нимъ, такъ-же, какъ-бы онъ былъ при жизни и такимъ-же, какимъ-бы увидали его, если-бы онъ могъ въ данную минуту сдѣлаться видимымъ. То-же самое и въ сообщеніяхъ посредствомъ письма: можно было-бы видѣть духа рядомъ съ медиумомъ, направляющимъ его руку или передающимъ ему свою мысль черезъ флюидическій токъ.

Если столъ отдѣляется отъ пола и виситъ въ воздухѣ безъ всякой точки опоры, духъ не поднимаетъ его силой руки, но окружаетъ и проникаетъ его какъ-бы флюидиче-

ской атмосферой, которая ослабляетъ силу тяготѣнія, какъ это дѣлаетъ воздухъ въ воздушныхъ шарахъ и бумажныхъ змѣяхъ. Флюидъ, которымъ онъ проникнуть, сообщаетъ ему на минуту особую легкость. Когда-же онъ пригвожденъ къ почвѣ, то онъ имѣетъ нѣкоторую аналогію съ пневматическимъ колоколомъ, подъ которымъ находится пустое пространство...

Понятно послѣ этого, что для духа не труднѣе поднять человѣка, чѣмъ поднять столъ, перенести предметъ изъ одного мѣста въ другое, или куда-нибудь его перебросить; эти явленія происходятъ по одному и тому-же закону.

Когда столъ кого-либо преслѣдуетъ, это не значитъ, что духъ бѣгаетъ, такъ какъ онъ можетъ спокойно оставаться на мѣстѣ, но онъ даетъ ему толчекъ флюидическимъ токомъ, помощію котораго заставляеть его двигаться по своему желанію.

Если раздаются стукі въ столъ или въ другомъ какомъ-нибудь мѣстѣ, это не значитъ, что духъ стучитъ рукой или какимъ-нибудь предметомъ; онъ направляетъ флюидическій токъ въ то мѣсто, гдѣ раздается стукъ, и производитъ такимъ образомъ дѣйствія электрическаго тока. Онъ умѣряетъ шумъ, какъ можно умѣрять звуки, производимые воздухомъ¹⁾.

Какъ видимъ, Рейхенбахъ подписался-бы подъ этимъ объясненіемъ цѣликомъ, если-бы здѣсь шла рѣчь о флюидѣ (одѣ) воплощенныхъ духовъ, т. е. людей, участниковъ сеанса, а не свободныхъ отъ плоти, какъ объ этомъ исключительно говорятъ спириты.

Намъ непонятна эта односторонность спиритической доктрины, какъ по существу, ибо флюидъ—тотъ-же флюидъ и у живаго человѣка и у освободившейся отъ плоти души и, слѣдовательно, можетъ дѣйствовать одинаково, такъ и въ виду прямого заявленія спиритовъ, что „спиритическіе феномены основаны на свойствахъ периспиритальнаго флюида, какъ воплощенныхъ, такъ и свободныхъ духовъ²⁾).

Теорія Рейхенбаха не столько объясняетъ, сколько показываетъ возможность нѣкоторыхъ спиритическихъ явленій безъ участія въ нихъ какихъ-либо духовъ. Движущая сила

1) Алланъ Кордокъ: „Бытіе“ с. 263--264.

2) Ibid. с. 263.

здѣсь дается въ одѣ, а разумность разныхъ движеній предметовъ зависитъ отъ медиума, который силою своей воли управляетъ одомъ. Но если мы припомнимъ, что бываетъ на спиритическихъ сеансахъ, то увидимъ, что и эта теорія обнимаетъ далеко не все, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ:—когда, напр. медиумъ впадаетъ въ состояніе транса и спитъ гипнотическимъ сномъ,—становится совершенно непонятною въ приложеніи къ явленіямъ спиритизма. Ибо какъ можетъ медиумъ двигать и управлять движеніями предметовъ, когда онъ не можетъ пошевелить ни однимъ изъ своихъ членовъ и послѣ пробужденія рѣшительно не помнитъ ничего, что происходило? А какъ приложить теорію ода къ такимъ напр. явленіямъ, какъ исчезновеніе предметовъ, или появленіе новыхъ? Какъ дѣйствуетъ ода въ тѣхъ случаяхъ, когда вещи выходятъ изъ запертаго сундука и помѣщаются въ другой, также запертый? Здѣсь, очевидно, приходится распротиться съ теоріей Райхенбаха и посмотрѣть, какія объясненія предлагаются для этихъ явленій другими теоріями.

Съ точки зрѣнія физики предметъ станетъ *невидимымъ*, если онъ будетъ поглощать или пропускать всѣ падающіе на него лучи и не будетъ ихъ отражать. Но чтобы приложить такое объясненіе исчезновенія предметовъ, нужно допустить участіе какой-либо сверхъестественной силы, приводящей предметъ въ такое состояніе, такъ какъ естественными средствами этого достигнуть нельзя. Значитъ объясненіе не годится.

Профессоръ физической астрономіи въ Лейпцигѣ, Цёлльнеръ для объясненія указанныхъ явленій въ 1877—78 г.г. выступилъ съ гипотезой „четвертаго пространственнаго измѣренія“. По этой гипотезѣ для насъ существъ трехмѣрнаго измѣренія предметы исчезаютъ тогда, когда они перемѣщаются въ четвертое измѣреніе и появляются вновь, когда изъ четырехмѣрнаго пространства переводятся въ трехмѣрное. Представимъ себѣ, говоритъ профессоръ, точку, помѣщенную на плоскости, внутри окружности. Двигая эту точку только въ означенной плоскости, т.-е. по двумъ измѣреніямъ, нельзя ее вывести за предѣлы круга. Для существа двухмѣрнаго, находящагося въ той-же плоскости, разрѣшеніе этой задачи представлялось-бы невозможнымъ и пере-

ность точки за кругъ былъ бы чудомъ. Но пользуясь третьимъ измѣреніемъ, мы рѣшаемъ эту задачу очень просто: приподнимаемъ точку съ плоскости (по третьему измѣренію) и переносимъ ее черезъ линію окружности. Для существа двухмѣрнаго моментъ поднятія точки съ плоскости являлся-бы моментомъ ея исчезновенія, а моментъ опусканія ея на плоскость—моментомъ ея чудеснаго появленія. Такимъ-же образомъ мыслимо для насъ, говоритъ Целльнеръ, хотя и не можетъ быть наглядно представлено, перенесеніе точки за предѣлы замкнутаго трехмѣрнаго пространства, напр. шара, въ которомъ была-бы помѣщена такая точка.

Гипотеза Целльнера въ свое время надѣлала много шума, но ни самъ Целльнеръ, ни его защитники не могли сдѣлать изъ своего мнимаго открытія чего-либо умопредставимаго, а научная критика скоро показала, что предположеніе Целльнера прямо немыслимо ¹⁾. Въ область тайны спиритизма, внося новый таинственный элементъ, эта гипотеза способна скорѣе еще болѣе запутать дѣло, чѣмъ его объяснить. Къ тому-же съ четырехмѣрнымъ пространствомъ могутъ оперировать по меньшей мѣрѣ существа четырехмѣрныя-же (если таковыя могутъ быть), т-е. сверхъестественныя, мы-же интересуемся въ данномъ случаѣ подыскать естественныя объясненія къ спиритическимъ феноменамъ.

Интересно отмѣтить, что послѣ выступленія Целльнера съ его гипотезой и духи стали поддерживать то-же ученіе, а ранѣе этого они ничего подобнаго не говорили, хотя о четвертомъ измѣреніи Целльнеръ заговорилъ далеко не первый ²⁾. Духи именно говорятъ, что только низшіе духи—существа четырехмѣрныя, въ высшихъ-же сферахъ число измѣреній возрастаетъ.

Есть и еще одна попытка для объясненія внезапнаго исчезновенія предметовъ изъ вида и изъ закрытыхъ хранилищъ. Говорятъ, возможно разложеніе предметовъ на ихъ атомы, а потомъ обратное соединеніе. Черезъ это предметъ сдѣлается невидимъ для глаза и получитъ способность пройти чрезъ какое-угодно препятствіе. Само собою понятно,

1) См. Подмора: „Спиритизмъ“ Т. II с. 201—205. Глаголевъ: „Матерія и Духъ“ с. 78—93. Буткевича: „Спиритизмъ“ „Вѣра и Раз.“ 1886 г. сент. с. 387—392; Правос. Обзор. 1881 г. с. 424—428.

2) Вѣр. и Раз. 1886 г. сент. с. 301.

что духи подтверждаютъ и эту мысль ¹⁾. Но спрашивается: какими естественными силами можно продѣлать подобный экспериментъ? Итакъ, предъ нами новое свидѣтельство безсилія научной мысли раскрыть тайну спиритизма.

На спиритическихъ сеансахъ летаютъ не предметы только, но часто и самъ медиумъ. Съ точки зрѣнія положительной науки даютъ такое объясненіе этому странному явленію.—Чтобы понять, говорятъ, причину левитаціи (такъ называется это явленіе), нужно считаться съ двумя фактами: что земля наэлектризована отрицательно, а наше тѣло—биполярно. Такимъ образомъ, если отъ какихъ-бы то ни было причинъ произойдетъ нарушеніе электрическаго равновѣсія въ нашемъ тѣлѣ, то неизбежно произойдетъ или увеличеніе или уменьшеніе его вѣса. Если равновѣсіе нарушится уменьшеніемъ электричества отрицательнаго, то земля будетъ сильнѣе притягивать электричество положительное и человекъ будетъ тяжелѣе, если наоборотъ, то земля будетъ его отталкивать и онъ будетъ легче, и если упражненіемъ можно выработать въ себѣ способность произвольнаго выдѣленія электричества того или другаго вида, въ томъ или другомъ количествѣ, то, значитъ, можно выработать въ себѣ способность летать. Извѣстно, что магнитизированіе и погруженіе человека въ сомнамбулическій сонъ сопровождается уменьшеніемъ его вѣса. Фактовъ этого рода внѣ спиритизма очень много.—Одинъ лунатикъ, рассказываетъ Битнеръ ²⁾, вставъ ночью, пробѣжалъ по морю двѣ мили и проплылъ, не просыпаясь, полторы, пока, наконецъ, его поймали; при этомъ его едва удалось привести въ сознаніе и разубѣдить, что онъ находится не на кровати. Сомнамбула Кернера выпрыгнула изъ окна втораго этажа безъ всякихъ для себя послѣдствій. Писатель Тритгеймъ говоритъ, что одинъ его ученикъ—лунатикъ, который спалъ съ нимъ въ одной комнатѣ, однажды всталъ ночью, ходилъ по немъ, топталъ его ногами, но отъ этого не чувствовалось никакой боли ³⁾. Къ той-же категоріи фактовъ по производящей ихъ причинѣ, очевидно, относится всѣмъ извѣстное состояніе неожиданнаго испуга, когда, говорятъ, „ноги при-

1) Прав. Обозр. 1881 г. с. 424.

2) „Вѣрить или не вѣрить“ Спб. с. 1899 г. 245—267.

3) Фламмаріонъ: „Невѣд. силы“ с. 108, 146.

растаютъ къ землѣ“, а волосы становятся „дыбомъ“; являющееся „ни съ того, ни съ сего“ чувство тяжести въ ногахъ или необыкновенной легкости.

Говорятъ, что чувство связанное въ организмѣ съ преобладаніемъ электричества отрицательнаго, сопровождающаго, по этой теоріи, сомнамбулическое, экстастическое состояніе медіумическаго транса и подобныя, очень пріятное. Это—ощущеніе какой-то необычайной „легкости“ и, какъ-бы отрѣшенности отъ своего организма, состояніе непередаваемаго „блаженства“.

Подобное состояніе дѣйствительно переживаютъ медіумы во время сеансовъ. Это извѣстно относительно Евзапін¹⁾, объ этомъ положительно заявляетъ медіумъ г-жа Юргенсонъ, говоря, что она „безъ этого жить не можетъ“.

Что-же изъ этого слѣдуетъ?

Во первыхъ, то, что состояніе левитаціи человѣческаго тѣла извѣстно и внѣ спиритизма (сомнамбулизмъ, лунатизмъ, отчасти—гипнотизмъ); второе,—что связь этихъ состояній съ процессами электрическими едва-ли можетъ быть оспариваема, хотя для летающихъ медіумовъ она фактически не установлена²⁾. Но пусть такъ; пусть медіумъ отталкивается къ потолку силою электричества, отчего-же онъ не разобьетъ голову объ потолокъ въ такомъ случаѣ? Если онъ научился управлять этою силой, то позволительно думать, что онъ не разъ пострадалъ-бы во время ученія, а этого мы не знаемъ, равно какъ не знаемъ и того, чтобы медіумы учились летанію заранѣе. Наоборотъ, положительно извѣстно, что полетъ медіума въ большинствѣ случаевъ для него самого является неожиданностію.

Электричество... Но какъ объяснить электричествомъ, напр. то, что Юмъ поднялся кверху; давая ему дорогу, предъ нимъ само собою открылось окно, онъ вылетѣлъ на улицу; опять само собою открылось второе окно и онъ

1) Фламмаріонъ: „Невѣд. силы“ с. 108, 146.

2) Что электричество не имѣетъ никакого отношенія къ движенію столовъ, это установлено: включивъ въ цѣпь экспериментаторовъ гальванометръ, мы увидимъ, что стрѣлка не испытываетъ никакого колебанія. Электрометръ остается безразличнымъ къ движеніямъ стола такъ-же какъ и компасъ. Фламмаріонъ: „Невѣд. силы“ с. 205; 147.

черезъ него обратно влетѣлъ въ домъ? Или—какъ съ летающими предметами—когда они въ тѣсномъ помѣщеніи уставленномъ всевозможными бьющимися бездѣлушками, въ полномъ мракѣ перелетаютъ съ мѣста на мѣсто, летаютъ надъ головами экспериментаторовъ, *не задѣвая никого и ничего?* Здѣсь мало электричества, ибо очевидна наличность разумной психической силы.

Изъ физическихъ явленій спиритизма, безспорно, самыми поразительными представляются явленія материализаціи отдѣльныхъ органовъ (головы, руки) или цѣлыхъ фигуръ. Было время, когда эти явленія отрицались оптомъ, какъ физически невозможныя и объяснялись обманомъ и фокусническими продѣлками. Многочисленныя разоблаченія мошенничествъ относящихся къ явленіямъ этого рода, конечно, давали всѣ основанія къ такимъ объясненіямъ. Въ наше время мы лишены права такимъ образомъ рѣшать этотъ вопросъ, и этого права насъ лишила фотографія. Въ самомъ дѣлѣ, когда наличность призрака констатируется участниками сеанса, но послѣ сеанса призракъ исчезаетъ совершенно безслѣдно, тогда—широкое поле для всякаго рода сомнѣній и объясненій, вѣдь сила внушенія и самовнушенія настолько велика, что въ буквальномъ смыслѣ несуществующее можетъ дѣлать существующимъ и измѣнять качества существующаго сообразно съ волей экспериментатора, прихлебывая, напр. воду, человѣкъ чувствуетъ, что онъ пьетъ молоко, кофе, пиво, вино и что угодно, сидя на стулѣ, онъ чувствуетъ, что сидитъ на горячихъ угольяхъ и т. п. ¹⁾ Совсѣмъ другое дѣло, когда выдѣленный на сеансѣ призракъ бываетъ пойманъ фотографической пластинкой. Стоитъ только поставить медиума и участниковъ сеанса въ условія физической невозможности прибѣгнуть къ какому либо грубому обману (выставить въ полумракѣ маску, манекена окутаннаго простыней и т. п.) и фотографическая пластинка—вѣрнѣйшій показатель реальности явленія. Многолѣтніе опыты въ этомъ направленіи фотографа Битиса изъ Клифтона (Англія), Доктора Томсона, Туллеса, Крукса, Фламмаріона и др. при условіяхъ самаго строгаго научнаго контроля, дали цѣлую серію фотографическихъ сним-

1) Примѣры этого см. у Карпентера: „месмеризмъ, одилизмъ“... с. 41—48.

ковъ съ *призраковъ* на спиритическихъ сеансахъ ¹⁾ и поставили этотъ вопросъ на почву научнаго, экспериментальнаго изслѣдованія. Исходной точкой въ данномъ отношеніи послужило то-же вышеупомянутое открытіе Рейхенбаха. Послѣднему и его преемникамъ, безотносительно къ спиритизму, удалось получить снимки одическихъ излученій изъ организма. Примѣненіе къ дѣлу гипнотизма внесло значительный свѣтъ въ это дѣло. Оказалось, что явленія мало доступныя для обыкновеннаго зрѣнія, становятся детально видимыми для зрѣнія человѣка загипнотизированнаго. Знаменитый сотрудникъ Дарвина, членъ Королевскаго Лондонскаго Общества, Альфредъ Уоллесъ подвергъ это обстоятельство серьезному изученію и пришелъ къ интереснымъ даннѣмъ.

Одною изъ новыхъ способностей человѣка загипнотизированнаго, говоритъ онъ, является такая чрезмѣрная чувствительность зрѣнія (гиперестезія), что субъектъ, когда онъ приходитъ въ законченное состояніе гипноза, видитъ, въ формѣ свѣтящаго пара или болѣе или менѣе окрашенныхъ лучей, истеченія, излучаемыя нѣкоторыми веществами, а въ особенности человѣческимъ тѣломъ. Допустимъ, что предъ нами субъектъ. А въ той степени гипнотическаго состоянія, когда онъ воспринимаетъ и сознаетъ все окружающее. Его чувства отличаются необыкновенною тонкостію ²⁾. Возьмемъ другаго субъекта В и въ присутствіи А станемъ воздѣйствовать на него пассами (гипнотизировать). Съ начала гипноза чувствительность у В исчезнетъ съ поверхности кожи, а свѣтящійся пушокъ, покрывавшій ее, по словамъ А, будетъ мало-по-малу разсѣиваться въ воздухѣ. Когда сонъ В будетъ глубже, то А увидитъ надъ кожей В въ разстояніи 8—4 сантиметровъ легкій туманъ, который мало-по-малу будетъ сгущаться и дѣлаться болѣе блестящимъ и наконецъ приметъ форму очень тонкаго слоя, который на указанномъ разстояніи окружитъ очертанія тѣла. Если *магнетизеръ* какимъ-нибудь образомъ воздѣйствуетъ на этотъ слой, В испытываетъ такое ощущеніе, какъ если-бы

1) Образцы снимковъ см. у Дьяченко: „Изъ обл. тайнств.“ с. 350—353. У Крукса: „Katie Klug, Historie de ses apparitions. Paris deumarie. 1899.

2) См. объ этомъ Лапшонн: „гипнотизмъ и спиритизмъ“ с. 37—71.

вліяли на его кожу, и не чувствуетъ ничего, если воздѣйствовать не на этотъ слой.

Если продолжать магнетизацію, А увидитъ, какъ вокругъ В образуется такимъ-же образомъ рядъ равноотстоящихъ слоевъ, а В будетъ чувствовать прикосновеніе, ожоги, уколы и т. д. только если будутъ воздѣйствовать на эти слои, которые чередуются иногда на пространство въ нѣсколько метровъ. Черезъ нѣкоторое, измѣняющееся время, обыкновенно послѣ 7 или 8 фазиса летаргїи, эти слои, интенсивность которыхъ развивается главнымъ образомъ на бокахъ субъекта, выливаются въ форму голубоватаго призрака, находящагося направо, на разстояніи приблизительно одного метра отъ субъекта. Этотъ призракъ быстро принимаетъ форму и положеніе правой половины тѣла субъекта и какъ тѣнь, повторяетъ всѣ движенія этого послѣдняго. Нѣкоторые субъекты видятъ съ этого момента свое собственное матеріальное тѣло такъ, какъ-бы они вышли изъ него вонъ и проявляютъ къ нему чувство презрѣнія. Новые пассы вызываютъ образованіе налѣво отъ субъекта и почти на томъ-же разстояніи, другаго полу-призрака, имѣющаго тѣ-же свойства, какъ и первый, но окрашеннаго въ красный цвѣтъ. Въ слѣдующей стадїи оба полупризрака мало-по-малу удлиняются въ сторону производящаго опытъ, излучая двигающійся свѣтъ и въ концѣ-концовъ соединяются вмѣстѣ, образуя настоящій призракъ съ голубой правой стороной и красной—лѣвой. Этотъ призракъ становится все болѣе и болѣе матеріальнымъ и все менѣе и менѣе *чувствительнымъ*, по мѣрѣ того, какъ флюидъ магнетизера замѣщаетъ (это по крайней мѣрѣ гипотеза, которую можно допустить) въ тѣлѣ субъекта собственный флюидъ послѣдняго, который экстеріоризуется въ двойникъ. Его одежды, которыя сначала представляли только незаконченную форму и напоминали тѣ бѣлые саваны, которые по традиціи приписываются призракамъ, выясняются, принимаютъ опредѣленныя формы, оставаясь въ то-же время прозрачными, какъ остальное астральное тѣло, сквозь которое ясновидящіе видятъ предметы, находящіеся позади. Субъектъ А не только видитъ его, но можетъ осязать рукой всѣ формы, причемъ В ощущаетъ прикосновеніе. Болѣе того, другіе бодрствующіе сенситивы, неспособные видѣть призракъ, могутъ такъ-же осязать его и испы-

тывать такое-же ощущение, какое производитъ матеріальное тѣло; другіе ограничиваются тѣмъ, что испытываютъ ощущение свѣжести, подобно легкому вѣтерку, когда они проникаютъ рукой въ пространство, занимаемое двойникомъ. Что касается В, то онъ постепенно утратилъ свои силы; онъ не можетъ болѣе двинуть ни однимъ изъ членовъ, но силой воли онъ способенъ заставить двигаться свое астральное тѣло, заставить его проникать сквозь стѣны и смутно видѣть такимъ образомъ все, что происходитъ въ сосѣдней комнатѣ.

Мы всегда, говоритъ Уоллесъ, прекращали наши опыты въ тотъ моментъ, когда субъекты не имѣли болѣе силъ говорить и руководить нами своими впечатлѣніями, но я полагаю, что если-бы у меня хватило смѣлости довести ихъ до потери сознанія, какъ произвольно выдѣляющіе двойниковъ медиумы, то было-бы возможно сдѣлать призракъ видимымъ и осязаемымъ для всѣхъ, а не для сенситивовъ только.

Что касается природы и свойствъ этихъ излученій, сгущающихся въ двойники, то Уоллесъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи такія наблюденія.

Эти истеченія проникаютъ черезъ одни тѣла и встрѣчаютъ препятствіе въ другихъ,—они пропитываютъ эти послѣднія. Къ этимъ веществамъ относятся вода, тѣла жирныя и студенистыя, какъ воскъ или бѣлокъ, мохнатая тѣла или съ рѣдкою тканью, какъ бархатъ или шерстяное вязанье. Въ этомъ случаѣ эти истеченія можно сравнить съ запахами или духами. Когда помѣщаютъ на мѣстѣ прохожденія свѣтовыхъ слоевъ призму прозрачнаго для нихъ вещества, напр., гипса, эти слои уклоняются съ пути.

Если-же поддержать поглощающее тѣло, напр., кусокъ воска у оконечностей руки экстеріоризующаго субъекта, потомъ удалить, то *субъектъ будетъ чувствовать всѣ ваши прикосновенія къ воску* въ оконечностяхъ руки: онъ ихъ будетъ чувствовать во лбу, если воскъ держали около его лба.

Это основной принципъ такъ называемаго колдовства.

Истеченія имѣютъ, по крайней мѣрѣ, два матеріальныхъ свойства: они могутъ быть осязаемы, когда они достаточно сконденсированы въ призракъ и въ формѣ призрака могутъ отражаться отъ зеркала. Поэтому нѣтъ ничего страннаго, что

они могутъ быть зафиксированы на фотографической пластинкѣ ¹⁾. Опыты послѣдняго рода дали Уоллесу удивительные результаты. Укажемъ одинъ изъ нихъ.

Клише было насыщено прикосновеніемъ къ субъекту, потомъ былъ произведенъ снимокъ. Послѣ этого на желатиновомъ слоѣ было сдѣлано на удачу двѣ царапины булавкой. Субъектъ, находившійся на разстояніи нѣсколькихъ метровъ отъ клише и не видѣвшій, что дѣлается съ послѣднимъ, испустилъ крикъ и быстро отдернулъ свою правую руку, на которой черезъ 2—3 минуты, появились двѣ подкожные красныя полоски. Когда пластинка была проявлена и закрѣплена, то увидѣли, что дѣйствительно царапины были произведены на кисти правой руки ²⁾.

Въ дополненіе къ опытамъ Уоллеса укажемъ еще на одно чрезвычайно важное по своему значенію, наблюденіе, сдѣланное въ 1889 г. инженеромъ Макъ-Нэбомъ. Во время одного сеанса, снимая фотографіи сопровождавшихъ его явленій, экспериментаторъ получилъ снимокъ призрака дѣвушки, появившійся рядомъ съ медіумомъ, который находился тогда въ летаргій. Показавъ послѣднему, по его пробужденію, эту фотографію, Макъ-Нэбъ былъ крайне удивленъ, когда медіумъ узналъ въ снимкѣ воспроизведеніе одного древняго рисунка, который когда-то поразилъ воображеніе медіума. Было явно, что это изображеніе, пребывая въ подсознаніи субъекта, объективировалось въ состояніи транса не въ формѣ галлюцинаціи, какъ это бываетъ во снѣ, а въ видѣ матеріализованной фигуры ³⁾.

Если такъ, то предъ нами новыя завоеванія въ таинственной области „духовъ“: они уже не нужны намъ для объясненія явленій матеріализаціи, не нужны даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда матеріализованная фигура не бываетъ фигурой медіума, а представляетъ изъ себя какую-либо другую личность дѣйствительно существовавшую или только воображаемую.

Конечно, до желательной ясности въ этой сферѣ еще очень далеко, но не въ этомъ дѣло: важно то, что съ точки зрѣнія экспериментальнаго метода есть возможность уста-

1) Журналъ „Спиритуалистъ“. 1909 г. Октябрь, стр. 483—486.

2) Ibidem. Ноябрь, стр. 521.

3) Дьяченко. „Изъ обл. таинств.“, стр. 358.

новить основные принципы этого рода явленій,—для матеріальной стороны явленій такимъ принципомъ является дематеріализація медиума путемъ излученія изъ него ода, а для внутренней и вмѣстѣ формальной (видъ призрака)—подобная-же экстеріоризація духовнаго содержанія медиума съ широкой утилизаціей необъятной области его подсознательнаго міра.

Не слѣдуетъ забывать, что на спиритическихъ сеансахъ присутствуетъ не медиумъ только и что, слѣдовательно, процессы дематеріализаціи и экстеріоризаціи въ извѣстной минимальной степени совершаются не по отношенію только къ личности медиума, но и по отношенію ко всякому присутствующему. Въ такомъ случаѣ общій выводъ изъ сказаннаго будетъ слѣдующій: матеріально и духовно въ призракъ не можетъ быть ничего такого, чего-бы не было въ медиумѣ, или въ комъ-либо изъ присутствующихъ, частице, —призракъ не можетъ сообщить что-нибудь такое, чего не знаютъ и никогда не знали никто изъ присутствующихъ на сеансѣ ¹⁾.

Здѣсь нить къ объясненію того, что призракъ иногда является въ видѣ умершаго человѣка, котораго желаютъ вызвать; что бамбуковая палочка, положенная на равный слой песка факиромъ, сама поднимается и чертитъ на песокъ фразу, задуманную европейцемъ; что *говорящій медиумъ* или *пишущій* иногда говоритъ о вещахъ, превышающихъ его пониманіе, говоритъ на разныхъ языкахъ, несомнѣнно ему неизвѣстныхъ. Но мы не знаемъ случая, когда-бы медиумъ заговорилъ на языкъ неизвѣстномъ никому изъ присутствующихъ.

Сказаннымъ исчерпываются всѣ попытки научной мысли проникнуть въ тайну спиритизма. Какъ видѣли, спиритизмъ въ наше время далеко не представляется такимъ чудеснымъ, какимъ онъ былъ въ древности. Однако было-бы поспѣшно утверждать, что чудесный, сверхъестественный элементъ изъ него изгнанъ совершенно. Непостижимаго здѣсь масса, да и то, къ разгадкѣ чего мы подыскали ключъ, развѣ можно считать экспериментально доказаннымъ? Болѣе того, даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ явленія объясняются

1) Впрочемъ, и этотъ выводъ не обнимаетъ всѣхъ фактовъ.

по законамъ физики, тѣмъ самымъ вовсе не исключается возможность присутствія въ нихъ элемента сверхъфизическаго. Объясните мнѣ, сказалъ одинъ ученый, какъ я поднимаю свою руку и я объясню вамъ, какъ руки поднимаютъ столъ на сеансахъ. Въ самомъ дѣлѣ, объясните, какимъ образомъ воля дѣйствуетъ на мускулы, мысль на органы тѣла? Мы привыкли къ этимъ и подобнымъ фактамъ, однако они по своей природѣ совершенно непостижимы для насъ. Силы психическія настолько-же реальны, какъ и физическія, химическія, механическія, но только онѣ еще болѣе таинственны, чѣмъ эти послѣднія. Человѣкъ менѣе всего знаетъ самого себя. Наличие силъ обуславливаетъ необходимость взаимодѣйствія ихъ. Человѣкъ искусственно разграничилъ ихъ на физическія, химическія, органическія и т. д.—въ природѣ всѣ они существуютъ вмѣстѣ, однѣ вторгаются въ область другихъ и постоянно перенлетаются. Организмъ, вторгаясь въ область неорганической природы, воспринимаетъ ее въ единство съ своей собственной и преобразуетъ сообразно съ своей природой. Такъ растеніе, усвоивъ минералъ, дѣлаетъ его частію своей органической природы. Какъ смотрѣть на это явленіе? Съ точки зрѣнія минерала оно—сверхъестественное, потому что происходитъ по законамъ высшаго для него естества; съ точки-же зрѣнія растенія оно естественно. То-же и съ человѣкомъ: его мысль, душа вторгается въ область физическаго міра и видоизмѣняетъ, комбинируетъ его законы и явленія по своему масштабу; это для него—естественно. Когда-же онъ замѣчаетъ, что онъ самъ является элементомъ въ рукахъ высшей его силы, что извѣстный кругъ явленій не имѣетъ достаточной причины въ его разумѣ и случайной комбинаціи неразумныхъ силъ природы,—онъ говоритъ о сверхъестественномъ вмѣшательствѣ. Этимъ не отрицается разумность и законмѣрность этихъ высшихъ силъ, но только утверждается, что онѣ дѣйствуютъ по своей логикѣ и по своимъ законамъ высшаго порядка. Отсюда слѣдуетъ, что констатированіе законсообразности вовсе не низводитъ явленія изъ высшаго въ низшій порядокъ, открытіе въ явленіяхъ спиритизма дѣйствія опредѣленныхъ законовъ само по себѣ вовсе не предрѣшаетъ вопроса о природѣ этихъ явленій. Равно не предрѣшаетъ этого вопроса и то, что спиритическія явленія сто-

ять въ несомнѣнной зависимости отъ множества физическихъ условій. Развѣ мысль, чувства человѣка не зависятъ отъ состоянія его организма? Развѣ человѣкъ приводитъ въ осуществленіе свои идеи не чрезъ посредство законовъ природы? Нѣтъ ничего поэтому страннаго въ томъ, что и высшія человѣка существа проявляютъ себя чрезъ посредство физическихъ процессовъ. Такимъ, образомъ, попытки къ физическому объясненію явленій спиритизма въ концѣ концовъ знакомятъ насъ только съ механизмомъ, съ аппаратомъ этихъ явленій, а не съ агентомъ или агентами, чрезъ нихъ дѣйствующими. Конечно и это интересно, какъ интересно знать устройство инструмента на которомъ разыгрываетъ музыкантъ, но интереснѣе узнать личность самого музыканта. Итакъ, кто-же эти невидимые дѣятели, проявляющіе себя въ странныхъ явленіяхъ спиритизма?

По внѣшнимъ дѣйствіямъ нельзя составить себѣ правильнаго представленія о личности,—о характерѣ ея можно только догадываться, предполагать; такъ и по внѣшней, экспериментальной сторонѣ спиритизма, можно только предположительно опредѣлить характеръ таинственныхъ дѣятелей его.

Мы уже видѣли, что эти дѣятели—существа разумныя, что въ большинствѣ случаевъ разумъ ихъ представляется какъ-бы суммою, концентраціей разумовъ экспериментаторовъ, т. е. какимъ-то непостижимымъ образомъ медиумъ становится, какъ-бы, хозяиномъ всѣхъ головъ, присутствующихъ на сеансѣ и свободно черпаетъ изъ нихъ мысли и образы даже ими давно забытыя. Естественно это или сверхъестественно?

Во всякомъ случаѣ—непостижимо.

А таинственная музыка, которая льется изъ пола, изъ потолка, изъ статуй, изъ сундука, когда нѣтъ музыкальнаго инструмента не только въ домѣ, но и въ цѣломъ кварталѣ ¹⁾).

А *приносъ* цвѣтовъ, коробокъ съ конфектами и др. предметовъ, *безусловно не бывшихъ въ залѣ* и появившихся въ немъ

¹⁾ Фламмаріонъ: „невѣдомыя силы природы“, с. 273; 278.

въ то время, когда двери были заперты и никто изъ экспериментаторовъ не шевелился? 1).

А появленіе въ двѣ—три минуты, во мракѣ рисунка акварелью еще не съ высохшими красками, причѣмъ ни одинъ мазокъ кисти не выходилъ за предѣлы нарисованныхъ линій? 2)

А сообщенія о фактахъ, происходящихъ въ данную минуту за сотни верстъ отъ медиума, когда потомъ провѣрка убѣждаетъ, что факты происходили именно такъ, какъ описалъ ихъ медиумъ? 3)

А писаніе почерками тѣхъ лицъ, духовъ которыхъ вызываютъ?

А появленіе письменныхъ отвѣтовъ при такихъ условіяхъ, когда листъ бѣлой бумаги забираютъ въ ящикъ или-же на глазахъ присутствующихъ при полномъ свѣтѣ помѣщаютъ между двумя аспидными досками, стеклянными пластинками и т. п.?

А голоса говорящіе, поющіе, передразнивающіе, кощунствующіе, раздающіеся изъ разныхъ мѣстъ комнаты?..

Все это загадочно, таинственно, непостижимо; все это съ очевидностію говоритъ объ участіи въ явленіяхъ спиритизма другихъ агентовъ, кромѣ лицъ присутствующихъ на сеансѣ. Сила фактовъ вынуждаетъ признать это. И если-бы къ этому выводу приходили только богословы, склонные все таинственное объяснять участіемъ духовъ?—Нѣтъ, къ нему приходятъ естествоиспытатели, врачи, натуралисты предубѣжденные противъ всего сверхъестественнаго. Знаменитый, напр., Круксъ, какъ извѣстно, не имѣющій ничего общаго съ мистикой, заявляетъ: „иногда разумная сила на сеансахъ имѣетъ такой характеръ, что приходитъ на мысль, что она не исходитъ ни отъ одного изъ присутствующихъ“ 4). Или въ другомъ мѣстѣ: „я наблюдалъ нѣсколько случаевъ, которые,

1) Ibidem с. 278. На сеансѣ, въ которомъ участвовалъ Фламмаріонъ, было констатировано, что *принесенныя въ запертый залъ маргаритки* были сорваны изъ цвѣточнаго горшка, который стоялъ въ концѣ корридора.

2) Ibidem с. 277.

3) Факты эти извѣстны и внѣ спиритизма подъ именемъ *телепатія*. См. Дьяченко: „изъ обл. таинств.“ 138—190.

4) Фламмаріонъ: „невѣд. силы“ с. 240.

какъ кажется, убѣдительно свидѣтельствуютъ о дѣйствии разумной силы, внѣшней и посторонней для всѣхъ присутствующихъ лицъ“) ¹⁾. Участіе въ спиритизмѣ, „невѣдомаго разума, независимаго отъ человѣка“ ²⁾ вынужденъ признать и Фламмаріонъ. Странное и удивительное явленіе, и исключительное, какъ говоритъ профессоръ Лаппони, униженіе гордости человѣческой небеснымъ правосудіемъ: тѣ, которые такъ настойчиво боролись съ сверхъестественнымъ въ его прекрасной и благородной оболочкѣ религіи, должны одними изъ первыхъ признать его въ наиболѣе грубой и низкой формѣ—въ явленіяхъ спиритизма!“ ³⁾

Если таинственныя, разумныя существа, проявляющія себя въ явленіяхъ спиритизма, сверхъестественны, то они могутъ быть или душами умершихъ, или Ангелами, или дѣволами. Спириты называютъ ихъ *душами умершихъ*. Что скажемъ мы на это?

По сочиненіямъ автора люди судятъ о содержаніи духа автора,—объ его идеалахъ, направленіи, стремленіяхъ, такъ и духовъ спиритизма можно узнать только изъ разсмотрѣнія ученія ихъ, *изъ критики философіи ихъ*. Этому вопросу мы и посвящаемъ слѣдующую главу. Впрочемъ и изъ разсмотрѣннаго уже матеріала, изъ анализа явленій спиритизма можно сдѣлать, нѣкоторые, относящіеся къ рѣшенію поставленнаго вопроса, выводы.

Говорятъ, что если въ явленіяхъ спиритизма дѣйствуетъ какая-либо разумная сила, помимо разумовъ участвующихъ въ сеансѣ, то это сила можетъ быть только дѣвольская, темная, что видно изъ того, что спиритическія явленія происходятъ обыкновенно во мракѣ и боятся свѣта. А если извѣстно, что одѣ, эта передаточная среда, чрезъ посредство которой только и можетъ проявить себя во внѣшнихъ дѣйствіяхъ высшая разумная сила, если извѣстно, что этотъ одѣ выдѣляется изъ человѣка въ интенсивной степени только во мракѣ и почти не выдѣляется при свѣтѣ?! Тогда приведенное умозаключеніе разрушается въ самомъ своемъ основаніи, ибо странно было-бы, напр., считать произведеніемъ дѣвольской силы всякую фотографію на томъ

¹⁾ Ibidem с. 243.

²⁾ Ibidem с. 288.

³⁾ „Гипнотизмъ и Спиритизмъ“ с. 160.

основаніи, что всякая фотографическая пластинка проявляется непременно во мракѣ и боится свѣта. Или, еще примѣръ: если въ проволоку, соединяющую два гальваническихъ элемента, вставить селенъ, то въ присутствіи свѣта тока не явится; исчезнетъ свѣтъ и гальванометръ покажетъ присутствіе электрическаго тока. Очевидно, не все, что дѣлается во мракѣ, дѣлается силою діавольскою и говорить, что въ спиритизмѣ, дѣйствуютъ *только* мрачные духи потому, что явленія спиритизма обыкновенно происходятъ *во мракѣ*, въ высокой степени неосновательно. Ктому же мы знаемъ, что *иногда* спиритическія явленія происходятъ и при полномъ свѣтѣ, какъ это бывало, напр., на сеансахъ Юма, медиума необыкновенной силы. Такъ что и съ этой стороны приведенное умозаключеніе является слишкомъ общимъ и слишкомъ поспѣшнымъ, чтобы отвѣчать истинѣ.

Усиленіе спиритическаго движенія ставятъ въ связь со всякаго рода протестующими, освободительными идеями. Вѣрно-ли это? Да, въ общемъ, исторически, можетъ быть и вѣрно, но это не даетъ права ни на какіе выводы,—явленія спиритизма усиливались тогда, когда люди удѣляли спиритизму болѣе вниманія и имѣли мѣсто въ кружкахъ самыхъ разнообразныхъ по настроенію, міровоззрѣнію, задачамъ и цѣлямъ.

Говорятъ, что духи спиритическихъ сеансовъ не выносятъ никакой святыни, богохульствуютъ, требуютъ удаленія креста и т. п.

Да, бываетъ это, но бываетъ и то, что они охотно читаютъ молитву, усиленно просятъ молиться за нихъ, поставить свѣчу, причаститься и т. п. Какъ объяснить это явленіе? По мнѣнію спиритовъ, это очень просто: столбомъ ода, исходящимъ изъ экспериментаторовъ, могутъ завладѣть и добрые и злы духи (души) въ зависимости отъ душевнаго состоянія присутствующихъ; вотъ почему то они учатъ молиться Богу, то богохульствуютъ.

Все это, повидимому, говоритъ за спиритизмъ. Въ цѣляхъ возможно полнаго объективнаго освѣщенія вопроса мы не считали себя въ правѣ замолчать указанныя соображенія, но та-же безпристрастность заставляетъ насъ указать и на соображенія, которыя не мирятся съ спиритической доктриной.

Въ самомъ дѣлѣ, обрати вниманіе читатель, на то, что на спиритическихъ сеансахъ являются духи разныхъ эпохъ и разныхъ народовъ, современники и участники великихъ историческихъ событій. Если это дѣйствительно души жившихъ тогда людей, то почему они намъ не сообщили *ни одного цѣннаго историческаго извѣстія*? А вѣдь, казалось-бы, чего-же лучше: вмѣсто того, чтобы рыться въ архивахъ, копаться въ землѣ: вмѣсто того, чтобы бесплодно спорить ломать перья для выясненія какого-либо историческаго факта или явленія, вмѣсто всего этого вызвать духъ какого-либо авторитетнаго современника выясняемаго факта и спросить: какъ дѣло было? Но попробуйте, вызовите и кромѣ тягучихъ логическихъ умозаключеній, да всѣмъ извѣстныхъ свѣдѣній ничего новаго отъ него не узнаете. Это наводитъ на мысль о томъ, что здѣсь неправда, подлогъ.

Далѣе, — спиритическая доктрина не психологична. Если смерть не измѣняетъ личности человѣка, то умершій естественно сохраняетъ прежнія чувства по отношенію къ живымъ, т. е. сохраняется прежняя любовь: прежняя привязанность, прежнее стремленіе быть въ постоянномъ общеніи. Эти чувства, говорятъ спириты, всегда были и есть у умершихъ по отношенію къ живымъ, но внѣ спиритизма умершіе, какъ духи, не имѣютъ физической возможности заявить о своемъ существованіи, о своихъ чувствахъ и мысляхъ такъ, чтобы все это восприняли живые, спиритизмъ-же даетъ имъ посредствующую среду и чрезъ то открываетъ возможность вступать въ сношенія съ живыми.

Прекрасно. Но если такъ, если мудростію человѣка просверлены въ разныхъ мѣстахъ дырочки въ небѣ и умершіе чрезъ посредство ихъ могутъ не только вступать въ переговоры, но и являться живымъ, то посуди, читатель, какой невыразимый переполохъ, какую давку, выражаясь образно, должно было произвести это открытіе среди обитателей загробнаго міра. Непроницаемое, стальное небо открыто въ нѣкоторыхъ пунктахъ (въ спиритическихъ кружкахъ), можно говорить съ живыми, видаться, обниматься, цѣловаться. Что должно было послѣдовать за этимъ открытіемъ?! Любящія существа, разлученныя смертію, друзья, матери, оторванныя отъ дѣтей, мужья — отъ женъ, благодѣтели человѣчества, всю жизнь служившіе ближнимъ своимъ знаніями, совѣтами,

помощію, — развѣ хотя-бы на минуту, могло-бы остаться незацѣтымъ то или другое изъ этихъ отверстій?! *И однако, они очень часто остаются совершенно не занятыми никѣмъ.* Сидятъ, сидятъ экспериментаторы за столомъ, призываютъ, призываютъ духовъ, а духи иногда совсѣмъ не являются; а если и являются, то часто говорятъ такъ мало и съ такой неохотой, что невольно заставляютъ усумниться въ тождественности ихъ съ тѣмъ, кого вызываютъ. Спириты скажутъ: мало ода, они не имѣютъ возможности заявить себя физически. Неправда, скажемъ мы, — ода вполне достаточно, ибо столъ стучитъ, иногда и очень энергично, а разумныхъ отвѣтовъ не даетъ; обѣщается давать отвѣты, заявляетъ, что вызываемый духъ здѣсь и *что онъ можетъ говорить*, а духъ опять не говоритъ. Почему?! Если эти духи — души, души нашихъ родныхъ, знакомыхъ, страстно любимыхъ людей, этого быть-бы не могло.

А какова цѣнность приведенныхъ выше соображеній, говорящихъ, повидимому, за спиритизмъ? Справедливость требуетъ сказать, что очень небольшая, ибо всѣ эти соображенія чисто внѣшняго характера. Въ самомъ дѣлѣ, что необходимо для явленій спиритизма тьмы *сама по себѣ* не рѣшаетъ еще вопроса о природѣ духовъ спиритизма, съ этимъ можно согласиться; но дѣлать отсюда выводъ, что эти духи *не могутъ быть* злыми духами, а суть души умершихъ, было-бы крайне поспѣшно и неосторожно, ибо это значило-бы составлять понятіе о лицѣ, его характерѣ и свойствахъ на основаніи той обстановки, въ которой это лицо *большію частію* встрѣчается. Уже и по отношенію къ чловѣку на основаніи такой логики можно впасть въ грубую ошибку, тѣмъ болѣе съ этой стороны можно ошибиться, если умозаключеніе будетъ касаться духа злобы, діавола. Мы знаемъ, что онъ въ своихъ цѣляхъ принимаетъ всевозможные виды, даже видъ ангела свѣта, поэтому не можемъ усматривать ничего несовмѣстимаго съ его природой даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ читаетъ молитву, проситъ за него помолиться, причаститься и поучаетъ возвышеннымъ нравственнымъ истинамъ, какъ это бываетъ на сеансахъ спиритизма. Тьмою-же, конечно, онъ можетъ пользоваться на общихъ основаніяхъ: потому что тьма способ-

ствують выдѣленію ода и черезъ это даетъ ему возможность проявлять себя въ дѣйствіяхъ физическихъ.

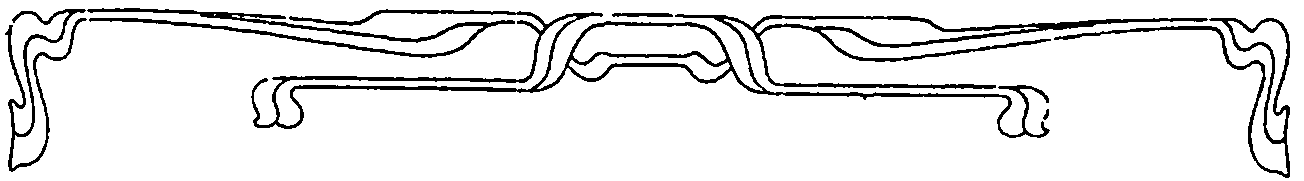
Итакъ. ученіе о томъ, что спиритическіе духи суть души умершихъ. встрѣчаетъ неустранимыя трудности, но послѣднія падаютъ, если мы допустимъ, что это хитрые, коварные духи, духи—обольстители, діаволы.

На основаніи физическихъ только явленій спиритизма по вопросу о духахъ спиритизма нѣтъ возможности придти къ выводамъ болѣе опредѣленнымъ, посему мы переходимъ къ анализу философіи спиритизма.

Свящ. Іоаннъ Дмитревскій.

Продолженіе будетъ).

Повѣсть Л. Андреева „Іуда Искаріотъ и другіе“ и Евангеліе.

(Психологія и исторія предательства Іуды) ¹⁾.

(Продолженіе) ^{*)}.

Повѣсть Андреева „Іуда Искаріотъ и другіе“ представляет собою рѣзкій обвинительный актъ противъ другихъ апостоловъ и апологію предателя ап. Іуды. Субъективнымъ освѣщеніемъ въ повѣсти евангельскихъ событій и въ особенности исторіи предательства Господа Андреевъ хочетъ показать на вѣковую ошибку челоуѣчества, со словъ и по примѣру „другихъ“ апостоловъ (стр. 83) клеймившаго своимъ презрѣніемъ и даже проклятіемъ одного изъ лучшихъ своихъ сыновъ, выдающагося апостола. По примѣру древнихъ сектантовъ-каншитовъ ²⁾, Андреевъ своею повѣстью хочетъ реабилитировать честь и достоинство Іуды отъ ошибочно навязанной ему роли презрѣннаго, низкаго предателя, въ лицѣ своего идейнаго и любящаго Іесуса предателя онъ видитъ смѣлаго, сильнаго, благороднаго и въ душевномъ смыслѣ красиваго челоуѣка, такъ сказать, сверхчелоуѣка.

Соотвѣтствуетъ ли Андреевское освѣщеніе евангельской

1). Публичная критико-апологетическая (съ характеромъ психологическимъ) лекція, прочитанная съ сокращеніями, въ Харьковскомъ театрѣ Коммерческаго Клуба, предъ духовнымъ концертомъ Архіерейскаго хора, 7 марта 1910 года.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 16 за 1901 годъ.

2) Каншиты (гностики) считали Іуду достойнымъ похвалы, потому что онъ изъ ревности о спасеніи міра предалъ Іесуса, только онъ одинъ зналъ, что слава Іесуса въ Его страданіяхъ и смерти за родъ челоуѣчскій (Irenaeus Adv. haeres. 1, 3, 3; 2, 20, 1).

исторіи Евангелію? Соответствуютъ ли созданныя Андреевымъ литературные образы „другихъ“ апостоловъ, самого Іисуса Христа и Іуды тѣмъ же образамъ Евангелія и самая исторія предательства той же исторіи Евангелія?

При сличеніи литературныхъ образовъ съ евангельскими, копій съ оригиналами, оказывается, что между тѣми и другими почти нѣтъ сходства. Если это копіи, то весьма плохія, тенденціозно вымышленныя фантазіей Андреева, не похожія на оригиналы. Въ этомъ легко можно убѣдиться изъ приведенныхъ нами характеристикъ Андреевымъ „другихъ“ апостоловъ, самого Іисуса и, наконецъ, самого Іуды.

„Другіе“ апостолы тенденціозно изображены Андреевымъ какъ люди умственно и нравственно близорукіе, даже глупые, внимающіе прекрасному ученію Христа, но безсильныя понять и осуществить его въ жизни, мелочно-самолюбивые и тщеславные, плотскіе, матеріалисты. Пассивные и трусливые, они оставили Христа и чрезъ то оказались предъ Нимъ лжецами и Его предателями. Чтобы достигнуть легкимъ путемъ эффекта, — рельефно отъннть отъ „другихъ“ апостоловъ Іуду, — Андреевъ измыслилъ много новыхъ, совершенно неизвѣстныхъ изъ Евангелія, отрицательныхъ сторонъ въ ихъ характерѣ и съ цѣлью окончательнаго дискредитированія „другихъ“ стеръ всѣ положительныя черты съ ихъ личности. *Евангельскіе апостолы лишены апостольскаго и человѣческаго величія, отъ нихъ въ повѣсти Андреева остались почти одни имена* ¹⁾. Характеристику „другихъ“ апостоловъ Андреевъ начинаетъ съ ап. Петра, перваго изъ Апостоловъ, представителя апостоловъ.

Твердо вѣрующаго Евангельскаго Петра, *камня вѣры,*

¹⁾ Въ своей характеристикѣ „другихъ апостоловъ“ Андреевъ сгустилъ краски Ницшеанской характеристики христіанъ, этихъ забитыхъ, трусливыхъ, жмущихся подобно ягнѣтамъ другъ къ другу, терпѣливыхъ, не имѣющихъ силы отметить врагамъ, рабовъ. „Они заявляютъ, что ихъ злосчастье есть знакъ и отмѣтка избранниковъ Бога — дескать, именно любимыхъ собакъ-то и бьютъ“. „Мы, хорошіе, мы одни праведные. Ненавидятъ они не враговъ своихъ, нѣтъ! — они ненавидятъ „неправду“, „нечестіе“, ихъ вѣра, ихъ надежда — это не надежда на отмщеніе, на сладкій хмѣль отмщенія (еще Гомеръ говорилъ, что онъ слаще меда), нѣтъ, ихъ надежда — это побѣда Бога, праведнаго Бога, „надъ нечестивыми“ „что имъ служить утѣшеніемъ отъ всѣхъ страданій жизни — это фантазмагорія уже теперь предвку-

Андреевъ дѣлаетъ физически-громаднымъ камнемъ, богатствомъ-силачемъ, не говоримъ уже о той уличной грязи, которой онъ его забрасываетъ. Исповѣданіе евангельскимъ Петромъ божества Сына Божія Андреевъ сводитъ на исповѣданіе Его человѣчества (стр. 19), на вѣру въ особенную красоту и близость къ Богу Андреевскаго Христа, и тѣмъ обезцѣниваетъ вѣру апостола и принижаетъ самого апостола. Вѣра въ нравственное сыновство Андреевскаго Христа и вѣра въ Божество Евангельскаго Христа не соизмѣримы. Чтобы подняться, хотя бы и временно, на высокую ступень вѣры въ твердомъ исповѣданіи еванг. Петромъ Божества Христа, не смотря на Его внѣшнее уничиженіе и видпмый образъ раба (Фил. 2, 7), требуется особенно-чистое сердце, способное къ лицезрѣнію Бога въ жизни (Мѡ. 5, 8), „Блаженъ ты, Симонъ Іонинъ,—отвѣтилъ Евангельскому Петру Христосъ,—потому что *не плоть и кровь* тебѣ открыли это, но Отець Мой, сущій на небесахъ“ (Мѡ. 16, 7). Тайну Божества нельзя воспринять плотью и кровью, плотскимъ разсудкомъ, не переживая въ себѣ, въ своемъ сердцѣ Божественнаго въ жизни, фактически, дѣйствительно не уподобляясь Богу. Нельзя видѣть *отреченія* отъ твердой вѣры въ послѣдующихъ словахъ ап. Петра, когда онъ говорилъ, какъ соблазнитель (Мѡ. 16, 22, 23), не желая *крестныхъ* страданій для Господа. Въ апостолѣ Петрѣ на время заговорила его человѣческая природа, въ глубинѣ души не желавшая *такого* страданія никому, тѣмъ болѣе любимому имъ Божественному Учителю. Въ духѣ ученія Ветхаго Завѣта (напр. кн. Іова) ап. Петръ полагалъ, что земное уничиженіе Христа должно служить для Него переходной ступенью къ откровенію внѣшней Его славы. Духовная вѣра также развивается по законамъ внутренней эволюціи, возрастая изъ силы въ силу и достигая мѣру возраста Христова (Еф. 4, 13). Впослѣдствіи ап. Петръ своимъ троекратнымъ отреченіемъ отъ Христа во дворѣ первосвященника фактически еще болѣе поколебался въ своей прежней вѣрѣ, но это колебаніе въ вѣрѣ въ Сына *Божія*, вызванное страхомъ и желаніемъ быть свидѣтелемъ суда надъ Христомъ, отреченіе отъ Него, психологически понятно шаемаго будущаго блаженства“ (Лихтенберже. Философія Ницше, стр. 137—138). Андреевъ къ этой характеристикѣ христіанъ, прибавилъ отъ себя, еще много плоскаго, субъективнаго.

и заслуживаетъ прощенія тѣмъ болѣе, что этотъ грѣхъ отреченія отъ своего Учителя былъ оплаканъ Петромъ въ глубокомъ раскаяніи (и изшедъ вопль плакася горько — Лук. 22, 62), но колебаніе вѣры (какъ у Андреевскаго Петра) въ *человѣческое* достоинство Христа, въ Его особенную душевную красоту въ моментъ крестныхъ страданій, мученичества *человѣка-Христа* за Его ученіе, свидѣтельствовало бы о низкомъ уровнѣ земной вѣры апостола, о плотской, матеріалистической его натурѣ.

Это колебаніе въ вѣрѣ въ Сына Божія Евангельскаго Петра было *временное*, на время ослабѣвшая вѣра опять вскорѣ возгорѣлась яркимъ пламенемъ, и Петръ дѣйствительно выполнилъ слова къ Господу „съ Тобою, Господи, я готовъ въ темницу и на смерть“ (стр. 57), страдалъ и былъ неоднократно заключаемъ за Христа въ темницу, пошелъ вмѣстѣ со Христомъ на смерть и такую же позорную — распятіе на крестѣ, съ тѣмъ отличіемъ отъ Христа, что по глубокому смиренію упросилъ распять себя *стремглавъ*. За твердую вѣру и любовь ко Христу Петръ заплатилъ жизнью, кровью, чего такъ настойчиво требовалъ отъ „другихъ“ Іуда. Совершенно произвольно необыкновенную духовную энергію Евангельскаго Петра Андреевъ подмѣнилъ физической. Апостольское достоинство Петра было восстановлено за нимъ даннымъ ему уполномочіемъ отъ Воскресшаго Христа — пасти Его овецъ (І. 21, 15—18), принять ихъ подъ свое нравственное руководство и покровительство и въ этой роли апостола Христа, пастыря замѣнить *человѣчеству* самого Христа. Такая чрезвычайная, высокая духовная миссія не могла быть дана апостолу, умственно и нравственно недалекому, какимъ Петръ представляется у Андреева. Физической силы богатыря для этой миссіи было и не нужно, для нея требовался *человѣкъ* съ не обыкновенной духовной энергіей, твердо вѣрившій въ истину, какъ камень и, какъ камень, твердый волею и характеромъ.

Андреевъ, характеризуя „другихъ“, тенденціозно замалчиваетъ, отвергаетъ весь новый періодъ жизни апостоловъ, начавшійся съ Воскресенія Христа и продолжавшійся до самой кончины апостоловъ, *нерѣдко* мученической, періодъ, характеризующійся пробужденіемъ съ Воскресенія Христа въ душѣ апостоловъ твердой, несомнѣвающейся вѣры въ Бо-

жество Спасителя и желанія неотступнаго, не смотря ни на какія человѣческія гоненія и преслѣдованія, слѣдованія за Нимъ, даже до смерти.

Вторымъ апостоломъ, на котораго также брошена Андреевымъ большая тѣнь, является самый близкій ко Христу и Имъ наиболѣе любимый ученикъ *Іоаннъ*, по Андрееву, красивый самовлюбленный ¹⁾ эгоистъ, мечтатель, ревниво охраняющій свое особенное право на первенство въ небесномъ царствѣ Мессіи. Андреевъ въ своей характеристикѣ Іоанна своеобразно использовалъ извѣстное повѣствованіе Евангелія о томъ, какъ мать сыновъ Зеведеевыхъ и, слѣдовательно, Іоанна вмѣстѣ съ ними (Мѡ. 20, 20---24) и они сами (Мр. 10, 35) обратились однажды къ Іисусу Христу съ просьбой дать имъ первыя мѣста въ будущемъ царствѣ Мессіи. Но эту *временную* народную вѣру учениковъ Христа въ Него, какъ земнаго Мессію, эту *начальную* ступень ихъ вѣры, Андреевъ обратилъ въ *постоянную*. По Евангелію, св. ап. Іоаннъ своей душевной красотой наиболѣе приближался къ Самому Христу, изъ всѣхъ апостоловъ онъ былъ посвящаемъ Христомъ въ нѣкоторыя Его тайны (напр. въ тайну предательства Господа Іудой). Съ глубокимъ созерцаніемъ тайнъ царствія Божія Евангельскій Іоаннъ соединялъ высокую христіанскую любовь, ап. Іоаннъ—апостоль любви по преимуществу. Онъ одинъ чуждъ упрека во временномъ оставленіи Господа, онъ одинъ съ Божьей Матерью находился при крестѣ Христа, раздѣляя Его и ея необыкновенную скорбь. Его завѣтъ „дѣти любите другъ друга“ есть повтореніе на всѣ вѣка завѣта Христа ²⁾.

¹⁾ „Іудѣ вмѣстѣ съ авторомъ, повидимому, особенно не нравится въ Іоаннѣ его не лишенная самолюбванія, не мужская, а женственная какая-то хорошестъ“ (*М. Невѣдомскій*. Объ искусствѣ нашихъ дней, стр. 183).

²⁾ Утвержденіе *Невѣдомскаго*, что „морализмъ никогда почти не чуждъ, именно того самолюбванія, той хорошести, которую Іуда ненавидитъ въ Іоаннѣ“ (тамъ же) не состоятельно: характеристика Андреевымъ ап. Іоанна крайне субъективна, неправильна. На высшей ступени христіанская любовь,—олицетворявшаяся въ Евангельскомъ Іоаннѣ,—есть самозабвеніе, самоотреченіе (Мѡ. 16, 24. 20, 27. 28. Рим. 15, 1), соединенное съ глубокимъ смиреніемъ : „Если говоримъ, что не имѣемъ грѣха, обманываемъ себя и истины нѣтъ въ насъ“ (1 І. 1, 8. ср. 2, 9. 10), а не самодовольная хорошестъ.

Въ саду Гефсиманскомъ Петръ, Іаковъ и Іоаннъ, предъ самымъ взятіемъ Іисуса Христа, пережили лишь общую немощь плоти (склонность ко сну), но не вели между собою описанной у Андреева плотской бесѣды. Смертельная скорбь Христа повергла ихъ въ глубокую печаль, такъ что они не могли бороться со сномъ. (Мѡ. 26, 37. 38. Мр. 14, 35—40).

Въ своемъ *Матѡеѣ*—Андреевъ, очевидно, осмѣпляетъ Евангелиста Матѡея за его цитированіе ветхозавѣтныхъ изреченій, особенно пророчествъ о Мессіи, связывающихъ Новый Завѣтъ съ Ветхимъ, что было необходимо для христіанъ изъ Іудеевъ, которымъ Еванг. Матѡеѣй писалъ свое Евангеліе, и мытаря Матѡея или Левія, который отъ радости избранія его въ апостолы пригласилъ Христа въ домъ и предложилъ Ему скромное угощеніе, въ чемъ Андреевъ произвольно усмотрѣлъ страсть объяденія.

Но болѣе всѣхъ другихъ апостоловъ Андреевъ осмѣиваетъ Евангельскаго *Тому*, дѣлая его посмѣшищемъ своего Іуды за его тупой, глупый умъ. Но въ дѣйствительности характеристической чертой Еванг. Тومی являлось лишь нѣсколько большее его сомнѣніе въ мірѣ чудеснаго, стремленіе осязать чудесное перстами, открыто притомъ заявляемое. „Если не увижу на рукахъ Его ранъ отъ гвоздей, и не вложу перста моего въ раны отъ гвоздей, и не вложу руки моей въ ребра Его, не повѣрю“ (І. 20, 25)—вотъ его отвѣтъ ученикамъ, убѣждавшимъ его въ томъ, что они видѣли Господа. По свойству его особеннаго ума и характера, Томѣ было лишь труднѣе, чѣмъ другимъ (І. 20, 20), скрыть въ глубинѣ своей души человѣческое сомнѣніе въ чудо явленія Воскресшаго Господа, но когда вмѣстѣ съ другими и ему явился Воскресшій Господь, то Тома воскликнулъ: „Господь Мой и Богъ Мой“ (І. 20, 28). „Тома вѣритъ не только въ то, что Христосъ воскресъ своимъ тѣломъ, но и въ то, чего не могъ онъ ни видѣть, ни осязать—въ божество Христа и въ Славу Его, какъ Единороднаго отъ Отца Сына Божія“¹⁾. Чувственный фактъ свидѣтельства Господа (а можетъ-быть только видѣнія—І. 20, 27—29) былъ не основаніемъ, а лишь точкою опоры для его нечувственной вѣры. Евангельскій Тома только болѣе, чѣмъ другіе, не довѣрялъ

¹⁾ М. Д. Муретовъ (Богосл. Вѣст. 1899, 1, 172).

своей человѣческой природѣ, преувеличивалъ собственную общечеловѣческую слабость (ср. I. 14, 5), но вовсе не былъ похожъ на Θому Андреева.

Умъ всѣхъ апостоловъ, хотя не былъ обремененъ эллинскою и Іудейскою премудростію и въ этомъ смыслѣ былъ чистымъ, младенческимъ умомъ, но былъ открытъ болѣе, чѣмъ образованные умы для глубочайшаго постиженія Христовыхъ тайнъ и тайнъ жизни (Мѡ. 11, 25) Теоретически, „другіе“, галилеяне, можетъ быть, меньше знали, чѣмъ Андреевскій Іуда, странствующій іудей, отверженецъ человѣчества, знавшій жизнь съизнанки, но они постигали истину и добро практически, въ противоположность Андреевскому Іудѣ, постоянно удаляясь отъ лжи и зла въ жизни. Лукавая „мудрость міра сего“ часто „есть безуміе предъ Богомъ“ и часто, чтобы быть мудрымъ въ вѣкѣ семъ, нужно быть безумнымъ“ (1 Кор. 3, 19, 20), т. е., нужно отказаться отъ суетнаго умствования міра (21). По сравненію съ другими апостолами, мудрость Андреевскаго Іуды, его умствование было именно безуміемъ предъ Богомъ, это мудрость „суетная“, цѣнящая голую силу и энергію, лживая, плоская, циничная.

Всѣхъ апостоловъ коллективно Іуда и Андреевъ обвиняютъ во лжи и фактическомъ предательствѣ. Они лгали, когда говорили о своей любви ко Христу, своею же пассивною любовью они Его предали.

Ложь апостоловъ заключалась развѣ только въ томъ, что они въ теченіе всей земной жизни Христа оставались вѣрными Его ученію о непротивленіи злу насиліемъ, по этому ихъ поведеніе было пассивно, въ немъ отсутствовала всякая месть. Правда, была единичная попытка активной обороны Христа ап. Петромъ въ Гефсиманскомъ саду, но Христомъ она была осуждена съ самаго начала. И съ точки зрѣнія реального соотношенія силъ активная защита Іисуса Христа отъ воиновъ горстью апостоловъ была бы безуміемъ¹⁾.

1) Вполнѣ умѣстно будетъ привести разсужденіе на эту тему критика изъ лѣваго лагеря А. Луначарскаго. сильно считающагося съ такимъ фактомъ, какъ насиліе. „Что апостолы, особенно Петръ, вели себя во время страданій Христа непохвально—это такъ. Но откуда было у нихъ взяться мужеству? Особенно агрессивному? Не самъ ли Іисусъ приучилъ ихъ къ тактикѣ платить добромъ за зло?“

Андреевъ фактическое предательство видитъ тамъ, гдѣ нагло и безцеремонно не лгутъ, какъ лгалъ его Іуда, спасая однажды жизнь Іисусу, и гдѣ въ минуты смертельной опасности не пускаютъ въ ходъ когтей, не хватаютъ за руки врага и не душатъ его въ своихъ объятіяхъ. Но для людей идеи, для истинно-добрыхъ людей, самоотверженныхъ христіанъ, есть другаго рода самооборона, указанная Христомъ, обезоруживаніе врага кротостью, терпѣніемъ, подставленіемъ другой щеки подъ ударъ врага, мученичество, средство, болѣе соотвѣтствующее природѣ добра, внутренне-красиваго и сильнаго, ему меньше всего нуженъ поддерживающій его физическій мечъ. Апостолы повинны въ оставленіи Христа, во временномъ какъ бы забвеніи Его, въ большомъ колебаніи ихъ вѣры, а не въ томъ, что отвергли активную оборону, за которую такъ агитировалъ Андреевскій Іуда. Фактическое предательство тамъ, гдѣ дѣйствительно предають свой предметъ любви—Христа Его врагамъ, хотя бы и съ особенною цѣлью.

Если поведеніе апостоловъ логически и психически объясняется ихъ вѣрностью Христу и Его идеямъ, то брошенная Андреевымъ тѣнь на апостоловъ должна неминуемо упасть на Христа. Совершенно справедливо обвиняетъ Андреева Мережковскій, что его, легкомысленный ударъ по „другимъ“ апостоламъ есть ударъ рикошетомъ по Христу, научившему ихъ поступать по Его завѣтамъ. „Не себя, а всѣхъ остальныхъ учениковъ Христовыхъ считаетъ Іуда „предателями“—Отъ нихъ, будто-бы, начнется „порода малодушныхъ и лжецовъ“. Но почему же отъ учениковъ, а не отъ самого Учителя? Вѣдь они только приняли то

не противиться злу? Не исцѣлилъ ли Онъ ухо Малха? Не запретилъ ли употребленія меча? Не сослался ли, наконецъ, болѣе чѣмъ на 10 легионовъ ангеловъ, которые Отецъ пошлетъ по первому Его слову? „Есть ли у васъ оружіе?“ „Господи! вотъ два меча“. „Довольно! сказалъ Іисусъ Христосъ и, вѣроятно, улыбнулся скорбно. Если и теперешній пролетаріатъ часто съ ужасомъ смотритъ на свои два меча... то гдѣ ужъ было рыбалямъ озера Тиверіадскаго, надо было избрать другую тактику. Эта тактика была мученичество, терпѣніе и вѣрность себѣ, своимъ принципамъ. Она чуть не побѣдила міръ. Даже побѣдила (Литературный Распадъ, I, III. Іуда, или о цѣнности члѣовѣчества, стр. 157—7).

чему Онъ училъ. Если они во лжи, то Христосъ ложь“¹⁾. Между тѣмъ, Христосъ рѣзко выдѣляется Андреевымъ изъ другихъ, какъ Единственный объектъ исключительной любви къ Нему Іуды.

И опять эта любовь Іуды ко Христу—внутренно противорѣчива. Этика Христа и этика Іуды діаметрально противоположены. „Христосъ говоритъ: любите враговъ вашихъ“.—Кто любитъ, говоритъ Іуда,—тотъ душитъ врага и кости ломаетъ у него“. Христосъ отдалъ себя въ жертву за міръ.—„Жертва—это страданіе для одного и позоръ для всѣхъ“ говоритъ Іуда... „Я побѣдилъ міръ“, говоритъ Христосъ. Не Ты а я, отвѣчаетъ Іуда. Кто вырветъ побѣду изъ рукъ Искаріота?“²⁾. „Я иду къ Тебѣ... Мы вмѣстѣ съ Тобою, обнявшись какъ братья, вернемся на землю“—говоритъ Іуда, но въ тоже время на огнѣ Христова ада общаетъ ковать желѣзо, ковать желѣзо и разрушить Его небо (стр. 84). Андреевскій Іуда въ дѣйствительности не любитъ Христа, какъ Его идейный врагъ или антихристъ.

Страстная любовь Іуды ко Христу является у Андреева не мотивированной дѣйствительными чертами характера Андреевскаго Христа. Вопреки мнѣнію критика *Рейснера*³⁾,

1) Д. С. Мережковскій. Въ обезьяньихъ лапахъ, стр. 93.

2) Тамъ-же.

3) „Интересны нѣкоторые намеки у Л. Андреева по поводу самого Іисуса, какъ будто и Ему хочетъ приписать поэтъ (?) нѣкоторыя черты сверхчеловѣка, познавшаго всю глубину презрѣнія (?) къ человѣку и человѣчеству. Такой (?) оттѣнокъ имѣютъ слова самого Іисуса, которыя Онъ говоритъ предъ предательствомъ въ Гефсиманскомъ саду: „Душа моя скорбитъ смертельно“ и зоветъ уснувшихъ учениковъ побыть съ Собой хотя бы послѣдній разъ. И еще раньше не Онъ ли сказалъ любимому ученику: говорю тебѣ Петръ, не пропоешь пѣтухъ сегодня, какъ ты трижды отречешься отъ Меня“ (*Рейснеръ*. Л. Андреевъ и его социальная идеалогія, стр. 111. С.-Петербургъ. 1909). Предположеніе чисто субъективное, невѣрное. „Но если есть что-нибудь не Евангельское, ишетъ Ницше, такъ именно понятіе героя, сверхчеловѣка“. „Какъ разъ противоположное всякой борьбѣ, всякому чувствованію себя бойцемъ, сдѣлалось тутъ инстинктомъ: неспособность къ сопротивленію становится здѣсь моралью, блаженство въ мирѣ, кротости, въ неспособности быть врагомъ. Дѣлать изъ Іисуса героя!“ „Вотъ практика, завѣщанная Имъ человѣчеству: Его поведеніе предъ судьями, предъ сыщиками, предъ обвинителями и всякаго рода клеветой и издѣвательствомъ,—Его поведеніе

мы, основываясь на самомъ содержаніи повѣсти Андреева, утверждаемъ, что въ Андреевскомъ Христѣ нѣтъ чертъ сверхчеловѣка, которыя любитъ Андреевскій Іуда. Христосъ изображается Андреевымъ, въ лучшемъ случаѣ, какъ раціоналистическій Іисусъ Ренана, какъ Христосъ на картинахъ Полѣнова. Онъ много думаетъ, мало говоритъ и почти ничего не дѣлаетъ, въ Немъ необыкновенно развита жизнь чувства, парализующая Его волю. Воля Андреевскаго Іисуса настолько ничтожна, что его Христосъ не могъ даже протестовать противъ недостойныхъ шутокъ и поведенія Іуды и только хмурился (стр. 41). Сантиментальнымъ описаніемъ послѣднихъ дней жизни Іисуса среди учениковъ, Андреевъ сочиненному имъ Іисусу, ничего общаго не имѣющему съ Богочеловѣкомъ Евангелія, выдалъ *testimonium paupertatis* въ психическомъ смыслѣ слова. Глава, описывающая миленькія привычки Андреевскаго Іисуса, Его любовь къ дорогому мѣру и вину, молоденькимъ цвѣтамъ и зелененькой травкѣ, несдерживаемый хохотъ надъ веселыми шутками Петра ¹⁾—верхъ литературнаго верхоглядства и грубой противорѣчивости автора. Предъ созданной имъ каррикатурой Христа его герой Іуда исповѣдуется въ своей исключительной любви и всячески Его идеализируетъ ²⁾. Такой Іисусъ

на крестѣ. Онъ не сопротивляется, Онъ не защищаетъ своего права, не дѣлаетъ ни одного шага, который предохранилъ бы Его отъ самаго крайняго, даже болѣе того, Онъ вызываетъ его. И Онъ проситъ, Онъ страдаетъ, любитъ съ тѣми тѣхъ, которые дѣлаютъ Ему зло“ (Антихристъ, стр. 75. „Прометей“. 1907). Послѣ, въ особенности изъ исторіи суда надъ Христомъ, мы узнаемъ всю субъективность характеристики Еванг. Христа Ницше, но Андреевъ, несомнѣнно, въ *такихъ* приблизительно чертахъ описываетъ своего Іисуса.

1) Маленькое замѣчаніе о смѣхѣ Христа. „Христосъ, пишетъ *Розановъ*, никогда не смѣялся. Я не помню, улыбался ли Христосъ. Печать грусти, пепельной грусти—очевидна въ Евангеліи. Радости въ немъ есть, но совершенно особенныя, схематическія, небесныя; радости съ неизмѣримой высоты надъ землею и человѣчествомъ. Въ томъ то и дѣло, что Евангеліе дѣйствительно не *земная* книга, и все земное въ высшей степени трудно связуемо съ нимъ въ одинъ узелъ; не связуемо иначе, какъ искусственно и временно“ (Проблемы новаго религіознаго сознанія. О сладчайшемъ Іисусѣ и горькихъ плодахъ міра. Стр. 34. „Русская Мысль“, 1908, январь).

2) „Іуда, будто-бы, любитъ Іисуса, не Христа, не Сына Божія, а человѣка такъ себѣ, „хорошаго“, можетъ быть, даже „лучшаго изъ

не можетъ служить предметомъ совершающейся чрезъ Него міровой трагедіи. Объектомъ міровой трагедіи можетъ быть только Евангельскій Христосъ, Воплотившееся на землѣ Слово Божіе, Высочайшая Истина и Добро, Богочеловѣкъ, въ Божественной любви Своей положившій душу за „други своя“, за людей, ими распятый на крестѣ, но и Воскресшій изъ гроба. „Мертвый Христосъ—абсурдъ. Христосъ не Богочеловѣкъ—нелѣпость“. „Кто исповѣдуетъ мертваго Христа человѣка, кто вѣруетъ въ смерть и возводитъ ее въ идеалъ и конечную цѣль человѣчества, кто поклоняется безобразію скелета, наслаждается зловоніемъ трупа и вдохновляется ложью и кривдою смерти: имъ Живой Христосъ Богочеловѣкъ предоставляетъ какъ мертвецамъ погребать своихъ мертвецовъ (мертвыя мечты и вожделѣнія) и съ ними себя самихъ, какъ мертвецовъ“ (Мѡ. 8 22) ¹). Христіанинъ живетъ о Господѣ, въ надеждѣ на вѣчное общеніе съ Богомъ.

По сличеніи Андреевскаго Іуды съ Іудой Евангелія также оказывается, что въ Андреевскомъ Іудѣ мы имѣемъ грубую *поддѣлку*, такъ сказать, фальсификацію Евангельскаго Іуды, копию, всего менѣе похожую на оригиналь. Хотя Іуда по замыслу автора,—единственный изъ апостоловъ, не принадлежащій къ обыкновенной моральной категоріи людей и, какъ необыкновенный человѣкъ-герой, стоитъ внѣ какихъ-либо рамокъ и оцѣнки, но до своего предательства аморальный Іуда представляется авторомъ необыкновеннымъ человекомъ лишь въ смыслѣ отрицательномъ, какъ человѣкъ исключительный по своей безнравственности. У Іуды до апостольства не было ни личныхъ, ни семейныхъ привязанностей, онъ только презираетъ и со всѣми враждуетъ. Іуда *апостоль*—попрежнему отвратительный скептикъ-пессимистъ, безобразный лгунъ и шутъ, злословъ и циникъ.

Хотя изъ Евангелій мы имѣемъ весьма мало свѣдѣній объ Іудѣ до его апостольства и до преданія имъ Господа,

людей“, но все-таки бесполезнаго мечтателя, галилейскаго пастушка, фарфоровую куколку, „прелестнаго учителя; *charmant docteur*, во вкусѣ Ренана: Петръ, Петръ, развѣ можно слушать Его? Развѣ понимаетъ Онъ что-нибудь въ людяхъ, борьбѣ“ (*Мережковскій*. Въ обезьяньихъ лапахъ, стр. 93).

1) М. Д. Муретовъ. Э. Ренанъ и его „Жизнь Іисуса“, стр. 339. С.-Петербургъ. 1908.

—его безпримѣрное въ исторіи преступленіе предательства Господа какъ бы заслонило собою у Евангелистовъ его прежнюю личность,—но и самыхъ краткихъ данныхъ Евангелій достаточно вполнѣ для доказательства произвольно измышленной характеристики Андреевымъ Іуды. Въ Евангелии не содержится никакихъ основаній для исключительно-отрицательной характеристики личности Іуды.

Къ полному имени Іуды Симонова въ Евангельскомъ спискѣ двѣнадцати апостоловъ Христа присоединяется прозвище Іуды-Искаріотъ (Ἰσκαριώθ или по древнему толкованію ὁ ἀπὸ Καριώτου), но оно имѣетъ географическій смыслъ, и указываетъ на происхожденіе Іуды изъ г. Каріота въ Іудеѣ, чѣмъ Іуда отличался отъ другихъ апостоловъ и особенно отъ апостоловъ съ тѣмъ же именемъ (таковыхъ среди 12 апостоловъ было еще двое—Іуда Симонъ Іаковлевъ, по прозванію Леввей-Θаддей, и Симонъ Іуда, по прозванію Канаанитъ— Мө. 10, 2—4. Мар. 3, 16—19. Лук. 6, 14—16). Помѣщеніе прозвища—Искаріотъ рядомъ съ другимъ „предатель“ (Мө. 10, 4. Мар. 3, 19. Лук. 6, 16), утвердившимся за Іудой уже послѣ фактическаго предательства имъ Господа и на память о немъ, указываетъ на связь предательства Іуды съ происхожденіемъ Іуды изъ Іудеи, гдѣ находился національный и религіозный центръ всей Палестины-Іерусалимъ¹⁾.

Единственный апостоль-іудей, Іуда болѣе, чѣмъ другіе

1) Единственнымъ, *кажущимся* основаніемъ для отрицательной характеристики Іуды до его апостольства можетъ служить объясненіе его прозвища „Искаріотъ“ въ психологическомъ смыслѣ слова. „Искаріотъ“ (Ἰσκαριώθ), по сопоставленію его съ прозвищемъ другого Іуды Леввеемъ или Θаддеемъ, т. е., человѣкомъ сердечнымъ, душевнымъ, милымъ, можетъ обозначать противоположныя черты характера Іуды: „Искаріотъ“, т. е., мужъ вражды, противленія, упрямый человѣкъ, самолюбовъ, фанатикъ (М. Муретовъ. „Іуда Искаріотъ“, „Богословскій Вѣстникъ“, 1905, іюнь—августъ, стр. 548). Но и въ такого рода толкованіи прозвища „Искаріотъ“ не содержится указанія на тѣ отрицательныя стороны личности, какія выдвинуты у Андреева. Здѣсь, въ этомъ психологическомъ истолкованіи географическаго прозвища Іуды, подчеркивается лишь постепенно развивавшаяся въ предателѣ Іудѣ вражда къ личности страдающаго, униженнаго Мессіи, противленіе духовному характеру Его царства, упрямое, настойчивое до фанатизма преслѣдованіе своей цѣли предательства Лже-Мессіи, какимъ сталъ казаться Іудѣ Христосъ, Его врагамъ, виднымъ представителямъ іудейской религіи и народа.

апостолы, жители Галилеи (Д. 1, 11), гдѣ было смѣшанное населеніе и замѣчалась уже нѣкоторая ассимиляція съ языческимъ населеніемъ, могъ быть типичнымъ представителемъ еврейскаго племени, его исторіи и духовныхъ особенностей, его вѣрованій и напряженныхъ земныхъ Мессіанскихъ чаяній. Можетъ быть, „Іуда Искаріотъ самымъ именемъ своимъ, весьма популярнымъ среди іудеевъ, обязанъ былъ особенному политически-религіозному одушевленію и національно-патріотическому направленію своей семьи“¹⁾.

Предательство Іудею Господа Его врагамъ—виднымъ представителямъ іудейской религіи и народа—первосвященникамъ и старѣйшинамъ народа постепенно развивалось изъ его строго-іудейской вѣры въ Мессію и земной характеръ Его царствованія²⁾.

Національныя и историческія особенности жизни еврейскаго народа наложили особенную печать на Мессіанскія ожиданія народа, принявшія ко времени Христа земной, чувственный характеръ. Царство Мессіи потерявшіе національную независимость іудеи представляли преимущественно матеріальнымъ и національнымъ, временемъ матеріальнаго благополучія и національнаго развитія народа, при сохраненіи имъ традиціонной ветхозавѣтной вѣры съ послѣдующими наслоеніями ея въ видѣ преданія старцевъ и фарисейства, фарисейской привязанности къ буквѣ закона и обрядности. Отъ царства Мессіи іудеи ожидали богатыхъ вечереи (Лук. 14, 15), чудеснаго питанія ихъ небеснымъ хлѣбомъ на-подобіе манны (І. 6, 30—34) и необыкновеннаго плодородія земли (Апок. Варуха, кн. Эноха); изъ чудесъ Христа іудеямъ всего болѣе правилось чудо насыщенія имъ народа въ пустынѣ,

1) М. Муретовъ. „Іуда Предатель“, стр. 547.

2) Такъ освѣщаютъ предательство Іуды: проф. М. Муретовъ въ своемъ капитальномъ трудѣ объ Іудѣ Предателѣ, печатающемся въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ (1905, іюнь—августъ, сентябрь; 1906 (янв.), 1907 (декабрь) и 1908 (январь) и проф. М. Тартевъ въ книгѣ „Жизнь и ученіе Христа“, которыми (и въ особенности первымъ) мы пользуемся, какъ единственно-научными пособіями, помогающими воссозданію по Еванг. даннымъ психологіи и исторіи Іудина предательства. Замѣтка Д. И. Богданшевскаго объ Іудѣ Предателѣ, помѣщенная въ „Правосл. Богослов. Энциклопедіи“ (т. VIII, приложение. С.-Петербургъ. 1907),—краткая.

за что они готовы были провозгласить Христа національнымъ земнымъ царемъ (І. 6, 15).

Самого Мессію іудеи представляли необыкновеннымъ человѣкомъ, обильно надѣленнымъ чрезвычайными дарами неба для исполненія Его народной миссіи, всемогущимъ чудотворцемъ (Мѡ. 16, 1. І. 7, 31), дѣйствующимъ въ духѣ религіозной традиціи, охраняющимъ, а не разрушающимъ субботу (І. 9, 16), лично свободнымъ отъ внѣшняго уничиженія, крайней бѣдности, лишеній и страданій, Который въ моментъ голода способенъ былъ бы камни претворить въ хлѣбы (Мѡ. 4, 3—4). Критеріемъ мессіанскаго достоинства Христа іудеи считали количественное обиліе (І. 7, 31) сотворенныхъ Имъ для народа чудесъ съ характеромъ земныхъ благодѣяній, отъ Христа іудеи требовали „знаменій съ неба“, чудесъ на подобіе манны (І. 6, 34. Мар. 8, 12. Мѡ. 16, 1). Больше всего имъ была чужда страдальческая роль Мессіи-Христа, Его смерть, Истинный Мессія, по народнымъ вѣрованіямъ, пребываетъ во вѣкъ (І. 12, 34. Мѡ. 16, 21, 22). Самыя духовныя пророчества о Мессіи и Его страданіяхъ (Ис. 53, Пс. 21) іудеи понимали въ духѣ земныхъ чаяній, относя ихъ къ себѣ, къ народу въ цѣломъ (Лук. 24, 25, 26).

Все апостолы и Іуда іудей въ особенности въ началѣ своего апостольства были плоть отъ плоти и кость отъ кости своего народа, носителями его вѣрованій и идеаловъ, но съ тѣмъ отличіемъ отъ народа, что ихъ вѣра въ Мессію была выше и влеченіе къ Христу сильнѣе. Іуда вовсе не былъ худшимъ іудеемъ, отверженцемъ своего народа, когда вступилъ въ общество Іисуса Христа и былъ избранъ Имъ въ апостолы. Онъ былъ однимъ изъ двѣнадцати, т. е., однимъ изъ самыхъ приближеннѣйшихъ ко Христу учениковъ Его. По духовнымъ свойствамъ Іуда, какъ и другіе двѣнадцать, былъ, очевидно, выше своей іудейской среды, выше большинства другихъ послѣдователей Христа. Самый фактъ избранія изъ многихъ учениковъ и послѣдователей Христа Іуды и вмѣстѣ съ другими данная ему, какъ апостолу, важнѣйшая миссія—проповѣдывать Евангеліе царствія Божія, исцѣлять больныхъ и воскрешать мертвыхъ, говорить уже объ его особенной Мессіанской вѣрѣ и пламенной ревности вмѣстѣ съ другими послужить работникомъ Христа на обильной человѣческой нивѣ, ждавшей такого рода дѣятелей (Мѡ.

9, 36—38. 10, 1). Высшая духовная миссія апостоловъ не была только теоретической, она осуществлялась всѣми апостолами и, слѣдовательно, Іудой фактически (хотя со стороны Іуды, можетъ быть, не въ полномъ объемѣ, напр., исключая чудесъ и въ особенности такихъ, какъ воскрешеніе мертвыхъ, для чего требовалась исключительная вѣра¹⁾ путемъ дѣйствительной проповѣди, дѣйствительно совершавшихся апостолами (по крайней мѣрѣ 11 апостолами) чудесъ, дѣйствительнаго отреченія всѣхъ отъ привязанности къ деньгамъ и собственности. Они не должны были брать, какъ другіе, съ собою ни золота, ни серебра, ни мѣди, ни суммы въ дорогу, ни двухъ одеждъ, ни обуви, ни посоха (Марк. 6, 12, 13. Лук. 10. Мѣ. 10, 9—10). Іуда пока не составлялъ исключенія изъ другихъ апостоловъ.

Общей чертой у Іуды съ другими была также долго удерживавшаяся у другихъ связь съ народной вѣрой въ земнаго Мессію.

Старыя національныя и религіозныя вѣрованія чело-вѣка, народныя идеалы и чаянія, не могутъ скоро исчезнуть изъ души чело-вѣка и надолго еще сохраняютъ свою власть надъ чело-вѣкомъ и по вступленіи его въ новую среду или общество людей, живущихъ новыми чувствами и идеями. Апостолы, какъ это ясно видно изъ Евангелія, не составляли исключенія изъ этого психологическаго закона постепенной эволюціи чело-вѣческихъ вѣрованій и убѣжденій. Прошлое имѣло надъ ними власть въ теченіе долгаго промежутка времени. Предъ самымъ Вознесеніемъ на небо Воскресшаго Господа одиннадцать апостоловъ Христа спрашивали Его: не въ сіе ли время, Господи, возстановляешь Ты царство Израилю (Д. 1, 6). До самаго сошествія на нихъ Св. Духа чувствовалась въ ихъ вѣрѣ во Христа, какъ Сына Божія,

1) Впрочемъ, проф. М. Д. Муретовъ („Іуда Предатель“—„Богословскій Вѣстникъ“ 1905, 9, 555), вопросъ о чудесахъ въ примѣненіи къ Іудѣ рѣшаетъ утвердительно, безъ ограниченія. Но хотя Евангеліе и говоритъ съ одной стороны о возможности чудесъ призываніемъ лишь имени Іисуса Христа, но съ другой стороны говоритъ и о необходимости для совершенія чудесъ особенной вѣры (Мѣ. 17, 16. 17, 20). Процессъ предательства, несомнѣнно, постепенный, можетъ быть въ концѣ вполнѣ сознательнымъ отверженіемъ Христа и при предположеніи, что Іуда былъ только зрителемъ чудесъ Христа и другихъ апостоловъ.

старая закваска: народной вѣры іудейства, по временамъ, принимавшая острый характеръ. Въ этомъ отношеніи характерной представляется попытка первоверховнаго ап. Петра, отъ себя и другихъ только что исповѣдовавшаго вѣру въ Божественное достоинство Христа, не смотря на Его внѣшнее уничтоженіе, отклонить Божественнаго Учителя отъ мыслей Его, высказанныхъ Имъ вслухъ, о необходимости для Него крестныхъ страданій. Отозвавши Христа въ сторону, тотъ же ап. Петръ началъ прекословить Ему: „будь милостивъ къ себѣ, Господи! да не будетъ этого съ Тобою!“ По отвѣтнымъ словамъ Христа, Петръ явился въ этотъ моментъ сатаной, соблазнителемъ Христа на легкой путь внѣшней славы (Мѡ. 4, 10) и думалъ не о томъ, что Божіе, но что человѣческое, т. е., мыслилъ какъ іудей, въ духъ народнаго Мессіанскаго идеала (Мѡ. 16, 21. 22). И послѣ, когда говорилъ имъ Іисусъ Христосъ о томъ же, т. е., о необходимости *крестныхъ* Своихъ страданій, они, т. е., всѣ двѣнадцать апостоловъ „ничего не поняли изъ этой Его рѣчи; слова сіи были для нихъ сокровенны, и они не уразумѣли сказаннаго“ (Лук. 18, 31—34). Тогда же подошла къ Іисусу Христу Саломія, отъ себя и своихъ двухъ сыновей—апостоловъ Іакова и Іоанна просившая о самыхъ лучшихъ мѣстахъ для ея сыновей въ Его царствѣ (Мѡ. 20, 21); и хотя остальные десять апостоловъ вознегодовали за это на двухъ братьевъ, но не по существу ея просьбы, а за одностороннее *личное* направленіе, за несправедливое выдѣленіе изъ среды всѣхъ двухъ (Мѡ. 20, 21—24). До послѣдняго момента жизни Спасителя, крестной Его смерти, ученики Его, подобно Клеопѣ и Лукѣ, „надѣялись, что Онъ есть Тотъ, который долженъ избавить Израиля“ (Лук. 24, 19—21). Съ большими трудностями и медленной постепенностью совершался въ душахъ всѣхъ апостоловъ процессъ перерожденія ихъ старыхъ вѣрованій въ Мессію въ вѣру въ собственномъ смыслѣ духовную, до самаго сошествія Св. Духа они не могли воспринять во всей полнотѣ и глубинѣ въ свою душу духовный страдальческій образъ Мессіи.

У Іуды, какъ апостола—іудея, типичнаго представителя іудейства и его земныхъ Мессіанскихъ чаяній, эта свойственная всѣмъ апостоламъ земная черта ихъ вѣры въ Мессію должна была выражаться въ еще большей степени, пока

не приобрѣла матеріалистическій характеръ, разрѣшившись послѣ суда надъ Христомъ въ скептическую вѣру, приведшую къ самоубійству предателя. Различіе между Іудой и другими апостолами заключалось лишь въ томъ, что въ то время какъ у другихъ подъ вліяніемъ внутренняго фактора, параллельно съ большимъ проникновеніемъ въ сущность „духа“, народный чувственный идеаль Мессіи все болѣе и болѣе принималъ духовный характеръ, спиритуализировался, у Іуды апостола совершался процессъ обратный—росло невѣріе въ духовнаго Мессію Христа и за невѣріемъ crescendo росла національная черта еврейства—его приверженность къ земнымъ благамъ. Конечно, процессъ невѣрія Іуды во Христа, какъ истиннаго Мессію, былъ медленнымъ, постепеннымъ и совершался безъ скачковъ, по психическому закону эволюціи идей и чувствъ. Полное разочарованіе во Христвъ, какъ Мессіи, могло наступить не ранѣе болѣе или менѣе полного, обстоятельнаго ознакомленія предателя со Христомъ и съ истиннымъ характеромъ Его ученія и дѣятельности. Іуда предаетъ Христа послѣ того, какъ для него выяснилась вся противоположность личности Мессіи—Христа и Его неземной дѣятельности народному чувственному Мессіанскому идеалу.

Іуда апостоль предатель Спасителя врагамъ Его, виднымъ представителямъ іудейскаго народа и религіи, не какъ идейный пессимистъ ницшеанецъ, разрѣшающій предательствомъ и страданіями Христа проблему безсмыслія жизни людей въ настоящемъ и надѣющійся на синтезъ со Христомъ въ будущемъ человѣчества, а какъ іудей, защищавшій мнимую правду іудейства—націоналистическій идеаль Мессіи, но послѣ суда надъ Христомъ разочаровавшійся и въ іудействѣ, и въ жизни. Трагедія предательства Іуды есть трагедія постепеннаго невѣрія апостола іудея въ Божественное духовное ученіе Христа и неземной характеръ Его царствія.

Хотя съ самаго начала своего апостольскаго служенія Іуда Искаріоть, ничѣмъ не выдѣлявшійся изъ среды другихъ апостоловъ, и не носилъ въ своей душѣ идеи предательства, но изначальная іудейская вѣра апостола и напряженное ожиданіе имъ земнаго Мессію таили въ себѣ опасность будущаго непониманія имъ миссіи Христа, Его лич-

ности, ученія и царствія и ихъ неправильной національно-эгоистической оцѣнки.

Вмѣстѣ съ іудейскимъ народомъ Іуда пережилъ всѣ фазисы своего постепеннаго внутренняго расхожденія со Христомъ, Его ученьемъ и дѣятельностью. Онъ началъ іудейскою вѣрою въ чудеса Христа, въ которыхъ онъ видѣлъ земныя благодѣянія Мессіи для его народа, подъ вліяніемъ чудесъ Христа, особенно многочисленныхъ въ первомъ періодѣ Его общественнаго служенія и ученія Его, онъ пережилъ въ своей душѣ необычайный подъемъ общеіудейскихъ Мессіанскихъ чаяній, онъ страстно желалъ видѣть осуществившимися чрезъ Христа, необыкновеннаго Учителя и Чудотворца, свои и земныя мессіанскія чаянія народа, и когда его интимныя іудейскія стремленія и идеалы фактически не только не осуществились въ послѣдующей дѣятельности Христа, а были имъ даже осуждены и отвергнуты, какъ противорѣчающія духовному характеру Мессіи и Его царствія, Іуда перешелъ отъ неисполвившихся чаяній въ новый фазисъ вѣры—невѣрія въ духовнаго небеснаго Мессію и ненависть ко Христу, обманувшему вѣру апостола.

Основаніями этой ненависти предателя ко Христу были: духовный, неземной характеръ личности Мессіи-Христа, Его ученія и Его царствія, разрывъ Христа съ традиционными религіозными вѣрованіями народа, отрицаніе національныхъ и земныхъ Мессіанскихъ чаяній народа, и рѣзко іудейскій основной характеръ Іуды, съ рѣзко выраженною у него, какъ личности, національною страстью сребролюбія, т. е., личной эгоистической привязанностью предателя къ видимымъ, матеріальнымъ благамъ. Какъ возвышенно самодуховное ученіе Христа, требовавшее въ качествѣ идеала жизни полнаго отреченія отъ себя, отъ своего эгоистическаго я, отреченія отъ матеріальныхъ благъ міра, (Мѡ. 16, 24—25. Л. 14, 26—27), поклоненія Богу духомъ и истиною, религіи внутренней и духовной, а не внѣшняго исполненія буквы закона и пунктуальныхъ обрядовъ традиціонной религіи, любви ко всѣмъ и даже врагамъ, служенія, а не владычества (Мѡ. 20, 25—28), такъ и сама жизнь Христа—Мессіи, Сына Божія во внѣшнемъ уничиженіи и въ зракѣ раба (Фил. 2, 7), во всемъ фактически подтверждавшая Его ученіе, не могли вмѣститься

въ узко-національной матеріалистически-настроенной душѣ Іуды Искаріота, и психологическое расхожденіе съ Мессіей—Христомъ должно было начаться вскорѣ.

Въ первый разъ соблазнъ личностью Мессіи—Христа и Его ученіемъ рѣзко проявился въ душѣ Іуды Искаріота послѣ Капернаумской бесѣды Христа о хлѣбѣ жизни, когда іудеямъ было отказано въ чувственномъ знаменіи съ неба, подобномъ маннѣ и сказано „жестоко“ слово о необходимости вкушенія всѣми вѣрующими плоти Сына Человѣческаго и питія Его крови для достиженія вѣчной жизни (І. 6, 53—60), т. е., о необходимости фактически-полнаго участія вѣрующихъ въ крестныхъ страданіяхъ Христа, путемъ душевнаго и факческаго переживанія ихъ въ себѣ силою самоотверженной вѣры и любви къ страдающему Мессіи. Такая рѣчь Христа для всѣхъ вѣрующихъ въ Него имѣла значеніе кризиса, необходимаго для отдѣленія „духовныхъ“ отъ „плотскихъ“ (ст. 63), и съ этого времени многіе изъ учениковъ Его отошли отъ Него и уже не ходили съ Нимъ“ (І. 6, 66), возвратились опять въ лоно старой іудейской вѣры и ея упованій; и хотя фактически никто изъ двѣнадцати учениковъ Христа не откололся тогда отъ Христа, не оставилъ Его, но соблазнъ, вражда къ духовному Мессіи—Христу, проникли и въ ихъ среду, въ душу наиболѣе воспримчиваго къ нему апостола Іуды Искаріота. Іисусъ „отъ начала зналъ, кто суть невѣрующіе, и кто предастъ Его“ и наисповѣданіе Петромъ отъ имени всѣхъ Его Христа Сыномъ Божіимъ „отвѣчалъ имъ: не двѣнадцать ли васъ Я избралъ? но одинъ изъ васъ діаволь. Это говорилъ онъ объ Іудѣ Симоновѣ Искаріотѣ, ибо сей хотѣлъ предать Его, будучи одинъ изъ двѣнадцати“ (6, 71), замѣчаетъ ев. Іоаннъ.

Итакъ, съ этого момента ап. Іуда-Искаріотъ—предатель Мессіи Христа въ своей душѣ, но не окончательно еще созрѣвшій для своего преступленія. Если бы у Іуды были порваны *всѣ* внутреннія связи со Христомъ, то непонятнымъ представлялось бы продолжающееся нахожденіе Іуды въ обществѣ Іисуса Христа, отсрочка факческаго его предательства, экономство *одно* въ бѣдной общинѣ Христа не могло бы удерживать Іуду. Если предатель не удалился подобно многимъ другимъ, то, очевидно, въ душѣ его еще оставалась нѣкоторая, хотя и весьма слабая, надежда на раз-

рѣшеніе своего глубокаго соблазна личностью Мессіи—Христа дальнѣйшею Его дѣятельностью. Личность Христа, Кроткаго Агнца, Упокоителя всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, несравнимаго съ книжниками и фарисеями учителя (Мѡ. 7, 29) и необычайнаго чудотворца, была слишкомъ велика, чтобы такъ скоро порвать съ Нею всѣ связи и возненавидѣть діавольскою ненавистью. Слово „діаволъ“, по сопоставленію его съ названіемъ Христомъ Петра „сатаной, соблазномъ“ (Мѡ. 16, 23), можетъ не имѣть своего полного значенія въ примѣненіи его къ Іудѣ.

Тѣмъ не менѣе кризисъ вѣры въ душѣ Іуды почти совершился и въ отрицательную сторону, въ сторону возвращенія Іуды апостола къ старой вѣрѣ іудейства и практическаго матеріализма іудея. Дальнѣйшее пребываніе со Христомъ для внутренно отпадшаго отъ Него Іуды являлось почти однимъ большимъ лицемѣріемъ, такъ сказать, упражненіемъ въ будущемъ нагло-лицемѣрномъ предательствѣ. Когда у Іуды почти не оставалось никакой надежды на то, что Христосъ—Мессія реабилитируетъ Себя чисто-іудейскою дѣятельностью Мессіи,—по крайней мѣрѣ, эта надежда падала съ каждымъ событіемъ послѣдняго общественнаго служенія на землѣ Господа,—Іуду могло связывать со Христомъ почти исключительно его экономство, ношеніе имъ „ковчежца и вметаемыхъ“ въ него добровольныхъ пожертвованій на содержаніе этой общины (І. 12, 6). Но эта оставшаяся чисто-хозяйственная функція ап. Іуды, прежде не привлекавшая къ себѣ особеннаго вниманія апостоловъ, теперь, когда порваны были почти всѣ нравственныя связи у Іуды со Христомъ и вѣрными Ему апостолами, изъ функціи общественной, изъ орудія общественнаго служенія всѣмъ, превращалась постепенно въ орудіе также личнаго, эгоистическаго служенія себѣ.

Взятое въ связи съ исторіей предательства, экономство Іуды можетъ быть разсматриваемо, какъ показатель матеріалистической натуры предателя. Экономство или казначейство Іуды, связанная съ нимъ хозяйственныя и житейскія заботы, эта житейская проза и обращеніе въ сферѣ земного, матеріальнаго въ ущербъ безраздѣльному служенію апостола, было опасностью именно для Іуды, оно должно было еще болѣе налагать матеріалистическій отпечатокъ на его іудей-

скій характеръ и развивать въ немъ черты Марѣина разсудка, числовую разсчетливость и эгоистическую бережливость. Въ послѣдней же стадіи своего эконоинства Іуда, по выразительному свидѣтельству ап. и ев. Іоанна, сдѣлался уже фактическимъ воромъ, хотя въ то время только подозрѣваемымъ имъ въ воровствѣ, онъ дѣйствительно не заботился о нищихъ, хотя и распинался за нихъ на словахъ.

Противъ символическаго помазанія Маріею драгоцѣннымъ муромъ Христа на Его погребеніе изъ всѣхъ учениковъ рѣзко протестовалъ „Іуда Симоновъ Искаріотъ, который хотѣлъ предать Его, сказавъ: для чего бы не продать это муро за триста динарѣвъ и не раздать нищимъ“ (І. 12, 4. 5), Высокая нравственная поэзія предсмертной эстетической любви ко Христу самоотверженно любящей Маріи эгоистично-разсчетливому, обманувшемуся во Христѣ Іудѣ была не только не понятна, но и ненавистна: къ Іисусу Христу, какъ обреченному на смерть Мессіи, онъ питалъ противоположное другимъ чувство ненависти. Когда отпадаютъ идеальные мотивы, тогда господствуютъ личные, эгоистическіе, часто прикрываемые предъ другими людьми, въ особенности честными, добрыми, заботой объ общественномъ благѣ. „Сказалъ же онъ это, добавляетъ евангелистъ, не потому, чтобы заботился о нищихъ, но потому, что былъ воръ: онъ имѣлъ при себѣ денежный ящикъ и носилъ, что туда опускали“ (І. 12, 3). Съ отреченіемъ отъ Христа и духовнаго апостольства, ап. Іуда опять возвращается назадъ къ мірскому, житейскому, къ заботамъ о сребрѣ, пицѣ и оставленной собственности, къ вопросу о матеріальномъ обезпеченіи себя. Сребролюбіе, это спеціально іудейская страсть Іуды, играетъ далеко не послѣднюю роль въ его фактическомъ предательствѣ¹⁾. Не важны, конечно, полу-

1) Проф. М. Д. Муретовъ сребролюбіе Іуды, этотъ не главный факторъ въ предательствѣ Іудой Господа, низводитъ по его значенію до крайне ничтожнаго фактора. Наоборотъ, проф. Д. И. Богдасhevскій въ своей замѣткѣ „Іуда Предатель“ (Прав. Бог. Энцикл., т. VIII) въ сребролюбіи Іуды видитъ самый *главный* факторъ предательства имъ Христа. „По ясному указанію Евангелистовъ, онъ продалъ Господа по сребролюбію (Мѣ. 26, 15. Мр. 14, 10 11. Л. 22, 5), для скупца Іуды даже сравнительно малая сумма, какъ 30 серебряниковъ (23—25) могла показаться соблазнительною“ (стр. 688), но такую незначительную сумму Іуда могъ бы безнаказанно взять изъ

ченныя Іудой отъ враговъ Христа 30 сребренниковъ, сумма незначительная, но, какъ увидимъ позже, *предназначенно-опредѣленная*, а важна надежда Іуды на открывающуюся для него съ предательствомъ Христа перспективу *лучшаго земнаго существованія*, послѣ возвращенія его, предателя, въ старую среду іудейства и оказанной имъ важной услуги высшимъ представителямъ іудейской религіи и народа. Предавая Христа прежде всего по глубоко идейному побужденію, какъ *Лже-Мессію*, Іуда Искаріотъ дѣйствуетъ также и эгоистически, не забывая и о вознагражденіи себя за ничтожный сравнительно трудъ донесенія первосвященникамъ объ удобномъ мѣстѣ взятія Христа воинами и слугами, что было священной обязанностью, вмѣненной синедріономъ каждому Іудею: „если кто узнаетъ, гдѣ Онъ будетъ, то объявилъ бы, дабы взять Его“ (І. 11, 57). Еще до предательства Іуды синедріонъ Іерусалимскій, состоявшій изъ старѣйшинъ, книжниковъ, фарисеевъ и первосвященниковъ народа (Анны и Каіафы) рѣшилъ хитростью взять Господа и предать смертной казни, только не на праздникъ, а послѣ, изъ боязни народнаго возмущенія (Мѡ. 26, 3—5 Мр. 14, 1. 2. Л. 22, 1 2), которое казалось имъ дѣломъ вполне возможнымъ послѣ того, какъ они были свидѣтелями торжественной встрѣчи народомъ Христа, какъ Сына Давидова, какъ царя Израилева (Л. 19, 38).

Не только Вифанская вечеря, но и всѣ событія послѣдней недѣли имѣли рѣшающее вліяніе на предательство Іудой Христа. Они разрушили окончательно послѣднюю иллюзію предателя—его слабую вѣру въ обнаруженіе земнаго величія Христа, въ открытіе вѣшняго славнаго царства Мессіи.

Смѣлость враговъ, не скрывавшихъ своего рѣшенія взять и казнить Іисуса (І. II, 47—53), и особенная осторожность Христа, проводившаго ночи въ Вифаніи и Гефсиман-кассы эконома, и какимъ образомъ возможно было избраніе низкаго сребролюбца въ апостолы Господа и отношеніе его къ сребренникамъ по достиженіи цѣли (Іуда съ презрѣніемъ бросаетъ сребренники и налагаетъ на себя руки). Для правильнаго истолкованія указанныхъ мѣстъ нужно имѣть въ виду отсутствіе торгашества со стороны Іуды, указаніе Евангелиста на сатану, какъ главнаго виновника предательства (Л. 22, 3), и общій характеръ предателя, выясняющійся изъ многихъ другихъ мѣстъ Евангелія.

скомъ саду, а не въ Іерусалимѣ (Л. 22, 37), Его какъ бы укрывательство отъ враговъ, все чаще повторяемыя печальныя рѣчи о крестныхъ страданіяхъ Мессіи (Л. 18, 28—38), предреченіе истиннымъ послѣдователямъ гоненій, и даже смерти (Л. 21, 12—19), единственное утѣшеніе ихъ обѣщаніемъ непонятнаго іудею *небеснаго* блаженства (Мѡ. 25, 31—46), сравнительно рѣдкое совершеніе чудесъ, отказъ отъ требуемыхъ отъ Него знаменій Мессіи (Л. 20, 1—8), рѣшительный отказъ вообще отъ національно-политическаго идеала іудейскаго Мессіи (Л. 20, 19—26. Мр. 10, 41—45 І. 12, 1—11),—все это, какъ и символическое помазаніе Его муромъ на погребеніе на вечери, несомнѣнно, усиливало прежнее невѣріе Іуды въ Мессіанское достоинство Христа до *plus ultra* и толкало предателя въ старую среду іудейства съ его религіей, храмомъ, богослуженіемъ, жертвами и земными національными чаяніями.

Наконецъ, начавшіяся торжественныя приготовленія народа къ великому, религіозному и національному, празднику Пасхи еще болѣе должны были говорить о силѣ іудейства и его высшихъ духовныхъ представителей и фиксировать мысль потерявшаго вѣру въ Мессію Христа Іуды на оставленной имъ для Лже-Мессіи іудейской религіи. „Въ эти священныя минуты всеобщаго религіознаго восторга, національнаго ликованія и благовѣйнаго приготовленія къ величайшему изъ установленныхъ Моисеемъ священнодѣйствій Іуда съ особенною силою могъ почувствовать свою измѣну древнему завѣту Іеговы съ народомъ еврейскимъ и свое отторженіе отъ завѣтныхъ чаяній всей націи“¹⁾ и пожелать возвратиться въ покинутую имъ религію народа, предварительно же священнымъ дѣломъ предательства Лже-Мессіи Христа представителямъ іудейской религіи и народа искупить свою вину предъ Іеговой за свою измѣну религіи и націи.

Теперь, когда для Іуды окончательно выяснилось, что Іисусъ не есть Мессія и обѣщанный Израилю царь, а Лже-Мессія, самозванецъ, обманувшій ожиданія его и народа, повинный суду религіозный преступникъ закона (І. 19, 7), Іуда фактически осуществляетъ задуманное имъ, казав-

1) М. Д. Муретовъ. Іуда Предатель, стр. 74. „Правосл. Обзоръ“, 1883, Сентябрь.

шеяся ему священнымъ, въ сущности же преступное, дѣло предательства Христа Его врагамъ, первосвященникамъ и старѣйшинамъ народа. Убѣжденный въ томъ, что предательствомъ своимъ онъ служитъ не только себѣ, своимъ личнымъ цѣлямъ, а и Богу, религіи, націи, предатель относительно спокойно и хладнокровно осуществляетъ свое преступное дѣло.

Тайно отъ апостоловъ явившись къ первосвященникамъ съ предложеніемъ личной услуги предательства Христа, Иуда измѣнилъ ихъ планъ относительно времени взятія ими Господа и своимъ предательствомъ ускорилъ естественное теченіе событій, направлявшихся къ тому же концу (Мѡ. 26, 3—5. Мр. 14, 1. 2. Л. 21, 1. 2). Утративъ вѣру во Христа, Иуда не удалился, не отошелъ въ сторону, чтобы скрыть свое невѣріе, не затерялся въ толгѣ, среди народа, а предпочелъ выдать судьямъ и палачамъ своего Учителя, относившагося къ нему съ особенною любовью и довѣріемъ, какъ и прочимъ, и тѣмъ ускорилъ Его смерть. Онъ, одинъ изъ двѣнадцати учениковъ Христа, чрезъ предательство свое сдѣлался союзникомъ враговъ Христа по осуществленію ихъ преступнаго плана преданія позорной и мучительной смерти (чрезъ распятіе) Богочеловѣка.

Послѣ Визанской вечери и сннедріонскаго рѣшенія казнить Христа смертью „Иуда пошелъ къ первосвященникамъ, чтобы предать Его имъ“ (Мр. 14, 10. 11) и говорилъ (сговорился—*συνελάλησε*) съ первосвященниками и начальниками (храмовой стражи), какъ Его предать имъ“ (Л. 22, 3—6), не выдвигая на первый планъ денежную награду за предательство, но и не забывая о ней, въ опредѣленіи ея полагаясь на расцѣвку самихъ архіереевъ. „Что вы дадите мнѣ, и я вамъ предаю Его“. (Мѡ. 26, 14. 16). Они же услышавъ“ о предательствѣ изъ устъ ближайшаго ученика Господа, „обрадовались и обѣщали („согласились“ Л. 22, 3, 6) дать сребренники (деньги Мр. 14, 10, 11), именно „предложили (слав.—постановили) ему тридцать сребренниковъ“ (Мѡ. 26, 14, 16) и „онъ обѣщаль (слав. „исповѣда“, *ἑξωμολογῆσε*, исповѣдалъ, призналъ свое единомысліе съ архіереями и сннедріономъ въ своемъ возрѣніи на Лже-Мессію Христа и теологическую, такъ сказать, необходимость Его преда-

тельства) и искалъ удобнаго времени предать Его имъ не при народѣ“ (Л. 22, 3—6), тайно, безъ шума.

Въ отличіе отъ Андреевскаго Іуды, подлинный Евангельскій Іуда фактически предаетъ Христа изъ невѣрія въ Его Мессіанское достоинство, изъ нелюбви къ Нему, какъ носителю высшихъ духовныхъ идеаловъ. Іуда идетъ къ архіереямъ, высшимъ духовнымъ представителямъ іудейства съ его закономъ, храмомъ, богослуженіемъ и жертвами, увѣренный въ томъ, что Христосъ останется въ моментъ Его взятія въ саду Гефсиманскомъ беззащитнымъ отъ апостоловъ, совсѣмъ не думая о возможности организовать для предаваемого врагамъ Іисуса активной, вооруженной защиты.

Въ тайныхъ переговорахъ Іуды съ сннедріонистами-первосвященниками совершенно отсутствовало то отчаянное торгашество, которое такъ подробно описано у Андреева. Іуда въ этотъ моментъ совершавшагося предательства дѣйствовалъ прямо, по внутреннему своему убѣжденію, какъ іудей, думавшій искренно, что предаетъ кровь повинную, кровь Лже-Мессіи. Онъ менѣе всего маскировался необычайнымъ сребролюбцемъ, будучи сребролюбцемъ—іудеемъ въ дѣйствительности, не забывая на самомъ дѣлѣ о денежной наградѣ для себя, но равнодушный къ суммѣ; за идейной стороною предательства и его значеніемъ для земного будущаго предателя отодвигался на задній планъ дѣйствительный размѣръ платы. Іисусъ Христосъ былъ оцѣненъ символическою цѣною раба (Исх. 21, 32) въ 30 сребренниковъ или сиклей, съ переложеніемъ на русскую монету равняющихся или 24 рублямъ (если это были священныя сикли ¹⁾), или 17 рублямъ (если это простые сикли, что менѣе вѣроятно). „Черезъ эту рабскую цѣну думали выразить презрѣніе къ ничтожному Галилейскому реформатору и отмстить за то, что Онъ дерзнулъ колебать неприкосновенный авторитетъ раввинской учености и отрицать власть архіерейскаго бюрократизма. Этотъ Назаретянинъ—Плотникъ не учитель, не пророкъ, не Мессія, а лжеучитель, лжепророкъ, лже-Мессія, рабъ: вотъ что говорилъ сннедріонъ зво-

1) По *Ревилю* „эту сумму надо помножить на 5 или даже на 6, для того, чтобы получить эквивалентъ ея дѣйствительной цѣнности по нынѣшнему времени“ (Іисусъ Назарянинъ, т. II, стр. 252. Перев. Звлинскаго проф. Спб. 1909).

номъ тридцати сребренниковъ“¹⁾. Въ духѣ евреевъ сундріонистовъ было перевести благодарность предателю на сребренники и въ духѣ далеко не равнодушнаго къ сребренникамъ іудея Іуды принять эти сребренники, какъ цѣну цѣннаго и какъ личную награду за предательство.

Послѣ совершеннаго имъ предательства Лже-Мессіи Христа Его врагамъ присутствіе Іуды—предателя на тайной вечери, участіе въ омовеніи ногъ и, вѣроятно, вкушеніе вмѣстѣ со всѣми Евхаристіи²⁾ являлись со стороны его однимъ кощунственнымъ лицемѣріемъ.

Въ самомъ началѣ вечери³⁾ „Иисусъ зная, что Онъ отъ Бога исшелъ и къ Богу отходитъ, всталъ съ вечери, снялъ съ себя верхнюю одежду и, взявъ полотенце, препоясался; потомъ влилъ воды въ умывальницу и началъ умывать ноги ученикамъ (начавши съ Петра) и отирать полотенцемъ, которымъ былъ препоясанъ“ (І. 13, 3. 4. 5).

Умовеніе ногъ было предсмертнымъ завѣщаніемъ Господа ученикамъ показаннаго въ немъ образа жизни; Его уничиженіе до зрака раба „имѣло смыслъ фактическаго убѣжденія ихъ, по какому образу должна была сложиться ихъ будущая жизнь, чего ожидать себѣ они должны. Рабъ

1) *М. Муретовъ*. „Іуда Предатель“ (Бог. Вѣстн. 1905, Сент. стр. 66).

2) Что Іуда вкушалъ Евхаристію и такимъ образомъ сдѣлался прототипомъ недостойно причащающагося, это принимается многими отцами церкви и древними экзегетами (каковы напр. Кипріанъ, Златоустъ, Іеронимъ, Кириллъ Іерусалимскій и Кириллъ Александрійскій, Августинъ, Θεодоритъ и др.). Раздаяніе Евхаристіи Іудѣ со стороны Господа являлось только завершеніемъ тѣхъ проявленій благодати и любви, которыя удѣляли Господь Іудѣ съ самаго избранія его въ апостолы. Крестомъ для Христа, знавшаго своего предателя (І. 6, 64), было имѣть его въ своей средѣ и постоянно видѣть своего предателя и обращаться съ нимъ какъ съ другомъ. Со стороны Христа принятіе въ участники Евхаристіи своего предателя было величайшимъ подвигомъ самоотверженной любви ко врагу, со стороны же Іуды такое участіе было кощунственнымъ лицемѣріемъ, еще большимъ закоренѣніемъ въ невѣріи. По мнѣнію проф. *Н. Глубокова*, Іуда сподобился вкусить Тѣла, но не приобщался искупительной крови (Христ. Чтеніе 1897, № 5 стр. 812—813).

3) *М. Муретовъ*. „Іуда Предатель“ (Бог. Вѣст. 1906, Янв., стр. 41—3).

не больше господина своего и посланникъ не больше по-славшаго“, ученики должны ожидать себѣ не больше того, что дано въ примѣрѣ Учителя“. „Дать своему возлюбленному Учителю и Господу умыть свои ноги, это для учениковъ значило въ дѣйствительности наиглубочайшаго чувства принять въ себя неизгладимо рабскій образъ Учителя, какъ образъ собственной жизни“ ¹⁾. Тогда же, во время умо-венія, было высказано Господомъ предостереженіе предателю Іудѣ „и вы чисты, но не всѣ“, „ибо зналъ Онъ предателя своего, потому и сказалъ: не всѣ вы чисты“ (І. 13, 10). Въ различные моменты времени для Іуды эти слова Господа имѣли различный психологическій смыслъ. Въ моментъ произнесенія ихъ Іуда, ненавидѣвшій Господа, могъ видѣть въ нихъ непріятное для него подчеркиваніе нравственнаго различія его отъ другихъ, въ послѣдствіи въ моментъ начавшагося въ немъ процесса раскаянія въ содѣянномъ предатель-скомъ поступкѣ могъ понять ихъ настоящій смыслъ, т. е., увидѣть въ нихъ выраженіе необыкновенной любви Господа къ предателю и желанія любовнымъ предостереженіемъ предателя отклонить отъ задуманнаго имъ преступнаго дѣла, расположить его къ покаянію.

Установленіемъ на тайной вечери таинства Евхаристіи, таинства вкушенія тѣла и крови Господней, символизировалось установленіе Новаго Завѣта Бога съ людьми чрезъ пролитіе Его крови, чрезъ Его смерть. Всѣ ученики приглашались вкушать преломленный хлѣбъ и пить изъ чаши: „это участіе въ таинствѣ было съ ихъ стороны символическимъ переживаніемъ смерти Господа, согласіемъ ихъ принять завѣщаніе Его, принять Его смерть, какъ Новый Завѣтъ Отца Небеснаго съ людьми, какъ образъ ихъ собственной дѣятельности. Это таинство было символическимъ погребеніемъ въ смерти Христа всего ветхаго, отмѣною религіи обрядовъ и образовъ, внѣшней теократіи и тѣлесной чистоты, видимаго благоденствія и національнаго царства, это было установленіемъ религіи полного самоотреченія во имя Божіе, жизни невидимой, божественной, служенія Богу въ духѣ дѣйствительной любви: участвуя въ таинствѣ, учени-

¹⁾ М. Гартъевъ. Жизнь и ученіе Христа, стр. 196—7.

ки торжественно отрекались отъ іудейскихъ мессіанскихъ чаяній и брали на себя иго Новаго Завѣта“¹⁾.

Глубокія по своему внутреннему смыслу и особенному значенію для всей послѣдующей дѣятельности учениковъ, символическія дѣйствія на тайной вечери—рабское умышленіе ногъ учениковъ Господомъ и таинство Новаго Завѣта—Евхаристія для невѣровавшаго Іуды были *рѣшительнымъ* побужденіемъ предать Христа. Его вопросъ Учителю по поводу Его словъ о томъ, что одинъ изъ нихъ предастъ Его, „не я ли Господи?“ *лицемѣренъ*, какъ кощунственно-лицемѣрно и участіе въ таинствѣ. Предатель, совершенно потерявшій вѣру въ Мессію—Христа, не могъ до конца присутствовать на тайной вечери, горя непреодолимымъ желаніемъ скорѣе фактически осуществить задуманное и принятое врагами Христа преступленіе предательства. Послѣ даннаго ему Господомъ куска въ Іуду „вошелъ сатана“, невидимый соучастникъ преступленія Іуды (І. 13, 27). „Тогда Іисусъ сказалъ ему: что дѣлаешь, дѣлай скорѣе“ (І. 13, 27), и онъ поспѣшилъ реализовать свое дѣло, ошибочно принимавшееся апостолами, за исключеніемъ, можетъ быть, Іоанна, за постороннее дѣло, имѣвшее непосредственное отношеніе къ его экономству въ общинѣ (ст. 28, 29). Слова Христа Іуда могъ понять тогда, какъ непріятный для него намекъ оставить комнату, въ которой находился Христосъ съ учениками, въ моментъ же раскаянія—онъ долженъ былъ видѣть въ нихъ выраженіе причиненнаго Ему предательствомъ его необыкновеннаго душевнаго страданія.

Всецѣло отдавшись злomu сатанинскому замыслу фактическаго предательства лже-Мессіи Христа Его врагамъ, виднымъ представителямъ іудейской религіи и народа, Іуда ушелъ съ вечера къ первосвященникамъ и потомъ, взявши съ собою большую толпу архіерейскихъ слугъ съ мечами и кольями, небольшою также отрядъ вооруженныхъ копьями воиновъ (І. 18, 3), въ сопровожденіи архіереевъ, храмовыхъ начальниковъ и старѣйшинъ народа (Л. 22, 52). и книжниковъ (Мр. 14, 43) явился въ Гефсиманскій садъ, въ мѣсто уединенной молитвы Господа. Освѣщаемая внутри Гефсиманскаго сада факелами изъ горѣвшей смолы на кольяхъ

1) М. Гартевъ. Жизнь и ученіе Христа, стр. 194. 195.

и свѣтильниковъ изъ масла, предшествуемая Иудой толпа находитъ Иисуса въ глубинѣ сада и беретъ по условленному съ Иудой сигналу „Кого я поцѣлую, Тотъ и есть, возьмите Его, и ведите осторожно“ (Мр. 14, 44). „Подошедши къ Иисусу“, Иуда „сказалъ Ему: радуйся равви! и поцѣловалъ Его“ (Мѡ. 26, 49), въ свой предательскій поцѣлуй и привѣтствіе Христа не вкладывая какого либо особеннаго и въ частности Андреевскаго смысла, дѣлая поцѣлуй символомъ горячей любви ко Христу и желанія побѣды Его правды, предательскій поцѣлуй только сигналъ къ фактическому взятію Того, Кого въ темнотѣ сада трудно было найти, т. е., Христа (Л. 22, 47). „Радуйся, равви!“ То же, что „здравствуй, равви“, обычное привѣтствіе близкихъ лицъ на Востокѣ. Превращенный въ сигналъ, предательскій, нагло лицемѣрный поцѣлуй Иуды говорилъ о его ненависти ко Христу. „Другъ (довѣренный и ближайшій ученикъ, соучастникъ тайной вечери), зачѣмъ пришелъ?“ (Мѡ. 26, 50) сказалъ ему Иисусъ предъ самымъ его поцѣлуемъ и послѣ него продолжалъ: „Цѣлованіемъ ли (этимъ знакомъ и выраженіемъ самыхъ святыхъ и чистыхъ чувствъ человѣка—любви и дружбы) предаешь Сына человѣческаго?“ (Л. 22, 48). Андреевъ и здѣсь даетъ свой особенный комментарий словъ Христа. Вся натура предателя, по нему, сотряслась тогда отъ скрытаго въ этихъ словахъ Христа страшнаго смысла—мирнаго, любовнаго предательства Его учениками и вѣрующими, путемъ непротивленія злу и цѣлованія Его не живаго, а мертваго, распятаго на крестѣ. Не къ вѣрующимъ, однако, а къ *Иудѣ* относился этотъ полный любви и сожалѣнія упрекъ Господа. Исполненные необыкновенной силы, эти слова Господа должны были глубоко запечатлѣться въ душѣ предателя и въ послѣдствіи вмѣстѣ со всѣми дѣйствіями Господа въ отношеніи предателя усилить въ немъ рѣшимость раскаянія.

Съ необычайнымъ самообладаніемъ духа и мужествомъ Господь Самъ отдался въ руки враговъ. „Кого ищете?“ спросилъ Онъ. „Иисуса Назаряя“ отвѣчали преслѣдователи. „Это Я“ сказалъ Христось, и этотъ тихій отвѣтъ „былъ сильнѣе вѣтра восточнаго, могучѣе раската громоваго, потому что *Богъ былъ въ этомъ тихомъ голосѣ* и онъ повергъ ихъ на зе-

млю“, „какъ если бы молнія сверкнула имъ въ лицо“¹⁾. Когда они не рѣшались брать Его, Иисусъ Христосъ спросилъ ихъ снова „Кого ищите“?—„Я сказалъ вамъ, что это Я; итакъ если Меня ищите, оставьте ихъ, пусть идутъ“ (Л. 18, 6, 7, 8) Апостолы должны были позаботиться о собственной безопасности (ст. 9). По естественному чувству человѣческой любви „одинъ изъ бывшихъ съ Иисусомъ“ (Мѡ. 26, 51), именно „Симонъ Петръ“, имѣя мечъ, извлекъ его, и ударилъ первосвященническаго раба, и отсѣкъ ему правое ухо, имя рабу было Малхъ“ (Л. 18, 10). Но это насильственное противленіе злу было осуждено словами Христа къ Петру „вложи мечъ въ ножны“ (ст. 11), ибо всѣ, взявшіе мечъ, мечомъ погибнутъ. Или думаешь, что не могу умолить Отца Моего, и предоставитъ Мнѣ теперь болѣе 12 легионовъ ангеловъ. Какъ же исполнятся писанія, что такъ должно быть? (Мѡ. 26, 53—54) и коснувшись уха Малха, исцѣлилъ его (Л. 22, 51). Въ этихъ словахъ и въ этомъ чудѣ Христа заключается апологія учениковъ Его отъ обвиненій ихъ Андреевымъ и его Іудой. Активная оборона была бы нарушеніемъ Его же заповѣди о непротивленіи злу насиліемъ и возвращала бы апостоловъ въ іудейство съ его закономъ физическаго возмездія. „Первосвященникамъ же и начальникамъ храма и старѣйшинамъ, собравшимся противъ Него, сказалъ Иисусъ: „какъ будто на разбойника вышли вы съ мечами и кольями, чтобы взять Меня! каждый день бывалъ Я съ вами въ храмѣ, и вы не поднимали на Меня рукъ; но теперь—ваше время и власть тьмы“ (Л. 22, 52, 53), *они* явились служителями тьмы, злыхъ дѣлъ, а не апостолы, „Тогда воины и тысяченачальникъ и служители іудейскіе взяли Иисуса и связали Его“ (Л. 18, 12).

„Тогда же всѣ ученики, оставивши Его, бѣжали“ (Мѡ. 26, 56), замѣчаетъ евангелистъ, и въ этомъ оставленіи ими страдающаго Мессіи ихъ единственный грѣхъ. У нихъ не было твердой несомнѣвающейся вѣры въ Божество страдавшаго и умиравшаго на позорномъ крестѣ Мессіи и твердой надежды на Его воскресеніе, была и личная самобоязнь, какъ это видно изъ общаго ихъ поведенія и изъ троекратнаго отреченія отъ ученичества Христа ап. Петра. Но никакой смертельной скорби относительно *апостоловъ* (а не распи-

1) Фарраръ Жизнь Господа Нашего І. Христа, стр. 493. Спб. 1883. Пер. Лопухина, 6-е общедост. изданіе.

нателей и грѣшнаго міра) Христось не испыталъ и не могъ испытать: какъ Богочеловѣкъ, по Божественному всевѣдѣнію Онъ зналъ, что колебаніе вѣры Его учениковъ, ихъ боязнь и сомнѣнія явленіе временное; позоръ Его смерти они пережили безъ крушенія ихъ вѣры и надежды, на время ослабѣвшая ихъ вѣра получила новую силу отъ воскресенія Христа и благодатнаго возрожденія ихъ природы. Послѣ сошествія св. Духа они перестали жить личною эгоистическою жизнью, въ нихъ жилъ Христось и всѣмъ существомъ своимъ они были Христовы. Грѣхъ временнаго оставленія другими апостолами Христа и преступленіе Іуды не соизмѣримы. Фактическое предательство Христа Іудою въ саду Гефсиманскомъ предстаеь предъ нами во всей наглости и гнусности, съ ужасающей фальшью и лицемѣріемъ. Такъ могъ вести себя только тотъ, кто много разъ предавалъ Господа въ своемъ сердцѣ и изощрился долгимъ упражненіемъ въ искусствѣ лицемѣрія. Въ душѣ Евангельскаго Іуды не могъ тогда явиться трагизмъ идейно любящаго страдающаго за Христа и за саму жизнь предателя, за тотъ или другой исходъ начавшейся въ Гефсиманскомъ саду міровой трагедіи. Въ моментъ предательства Іуда апостолъ искренно ненавидѣлъ Христа, какъ Лже-Мессію и былъ исполненъ вѣры въ открывающуюся для него, съ возвращеніемъ въ іудейство, возможность иной, лучшей жизни здѣсь на землѣ. Въ противоположность Андреевскому Іудѣ онъ не былъ еще пессимистомъ.

Фактическимъ предательствомъ Іисуса Христа въ руки Его враговъ Іуда предавалъ Его Лже-Мессію также и ихъ суду, суду синедріона или высшихъ представителей іудейства и его религіи, и только по осужденіи Лже-Мессіи Христа на этомъ судѣ могъ совершиться надъ Нимъ формально болѣе справедливый, но все же фактически утверждавшій законность произнесеннаго надъ Христомъ въ іудейскомъ судѣ смертнаго приговора, судъ римскаго правителя въ Іудеѣ, язычника Пилата. И тотъ, и другой судъ ¹⁾ и въ осо-

1) Психологически мотивированнымъ самоубійство раскаявшагося предателя Іуды можетъ явиться лишь при предположеніи, что Іуда былъ также свидѣтелемъ судебного процесса у языческаго правителя Пилата, отъ власти котораго зависѣло утвердить или не утвердить послѣ судебного пересмотра вынесенный Христу въ іудей-

бенности первый, съ его нарушеніемъ законныхъ юридическихъ формъ ¹⁾, лжесвидѣтелями и издѣвательствомъ надъ подсудимымъ Христомъ, тенденціозностью и необоснованностью обвиненій, судьями, всего менѣе дорожившими истинной, правдой имѣлъ *рѣшающее* вліяніе на личную участь присутствовавшего на судѣ предателя.

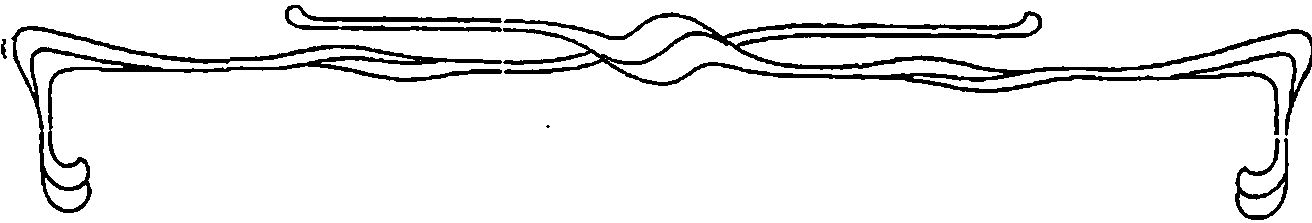
Свящ. А. Бурговъ.

(Окончаніе будетъ).

скомъ синедрионѣ смертный приговоръ, чего немогъ не знать Іуда. Процессъ болѣе или менѣе *полнаго*, окончательнаго разочарованія предателя въ іудейскихъ судьяхъ и ихъ судъ надъ Христомъ, по Евангелію Маттея, приведшій предателя къ самоубійству (Мѣ. 27, 3), могъ наступить лишь послѣ ознакомленія съ обвиненіями судей и поведеніемъ ихъ также предъ языческимъ судьей Пилатомъ. Для такого предположенія нѣтъ формальнаго препятствія въ самомъ текстѣ Евангелія Маттея, гдѣ говорится объ Іудѣ предателѣ: „И бросивъ сребреники въ храмъ, онъ вышелъ (удалился *ἀνεχώρησεν*), пошелъ (отошедши—*ἀπελθὼν*), удавился“ (Мѣ. 27, 5). „Евангельскій рассказъ со всею непосредственною очевидностью предполагаетъ смерть предателя въ одинъ день со смертью Преданнаго. А это ведетъ къ мысли, что между *ἀνεχώρησεν* и *ἀπελθὼν* Іуда присутствовалъ и на судѣ надъ Христомъ у Пилата“ (М. Муретовъ. Объ Іудѣ предателѣ, стр. 10. „Богосл. Вѣст.“, 1908, янв.). Рассказъ о самоубійствѣ предателя у ев. Матвѣя имѣетъ характеръ эпизодическій и по связи 27, 3 съ 27, 2, гдѣ упоминается о судѣ Пилата, глаголь „осужденъ“ (ст. 3) долженъ быть понимаемъ въ смыслѣ окончательнаго осужденія Христа, на судѣ Пилата.

1) Евангелисты, описывающіе іудейскій судъ надъ Христомъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что судъ надъ Христомъ не былъ справедливъ даже съ формальной, юридической стороны, а не только по существу (Мѣ. 26, 57—68. 27, 1—31. Мр. 14, 53—65. Л. 22, 54—71. 23, 1—25. І. 18, 13—40. 19, 1—16), въ чемъ можно также убѣдиться изъ древне-іудейскаго уголовного процесса, какъ онъ изложенъ въ специальномъ трактатѣ Мишны, Тосефты и обѣихъ Гемаръ о Синедрионѣ (см. у М. Муретова. „Іуда предатель“ стр. 731—734 Бог. В. 1907, дек. Ср. трактатъ „Судъ надъ І. Христомъ, разсматриваемый съ юридической точки зрѣнія“, приложенный къ сочиненію А. П. Лопухина „Законодательство Моисея“, стр. 251—313. Спб. 1882).

Натуралистическій монизмъ Геккеля.

Критическое изслѣдованіе степени научной состоятельности враждебной христіанству монистической философіи.

(Продолженіе) *).

§ 4. Сознаніе.

„Въ нѣкоторомъ пунктѣ развитія жизни на землѣ, говоритъ Дюбуа-Реймонъ въ своей рѣчи „О предѣлахъ естествознанія“, появляется нѣчто новое, до тѣхъ поръ неслыханное, нѣчто такое же непостижимое, какъ и сущность матеріи и силы. Нить нашего пониманія, протянутая нами въ отрицательно-безконечное время, обрывается, и наше естествознаніе достигаетъ пропасти, чрезъ которую нѣтъ возможности не перейти, ни перескочить; мы останавливаемся на другомъ предѣлѣ нашего познанія. Это новое непостижимое—сознаніе“.

Сознаніе есть обращеніе познанія на самое себя, есть обращеніе нашего вниманія не на внѣшній предметъ, который, мы, напр., воспринимаемъ въ данную минуту,—пусть это будетъ горящая свѣча,—а на самое воспріятіе этого явленія. Это сознаніе въ тѣсномъ смыслѣ слова, или самосознаніе. Въ широкомъ смыслѣ сознаніемъ называютъ совокупность душевныхъ переживаній даннаго момента.

Посмотримъ, въ чемъ видятъ сущность сознанія и какъ объясняютъ его происхожденіе представители натуралистическаго монизма, преяде всего Геккель.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 16 за 1910 годъ.

Что касается отношенія сознанія къ душевной жизни вообще, то Геккель въ этомъ случаѣ раздѣляетъ мнѣніе тѣхъ психологовъ, которые причисляютъ къ области психическихъ явленій не только сознательныя представленія чувствованія, желанія и т. п., но и бессознательныя; при чемъ любое изъ психическихъ состояній то всплываетъ на поверхность сознанія, то погружается въ слѣдующій моментъ въ область бессознательнаго.

Сознаніе, по мнѣнію Геккеля, есть явленіе не трансцендентальное, а вполне естественное, фізіологическое, и какъ таковое, полностью можетъ быть объяснено фізическими и химическими процессами. Проблема сознанія есть проблема неврологическая, такъ какъ сознаніе въ собственномъ смыслѣ есть свойство души тѣхъ высшихъ животныхъ, которыя имѣютъ централизованную нервную систему и достигшіе извѣстной высоты развитія органы внѣшнихъ чувствъ. Съ полной достовѣрностью это можно утверждать относительно позвоночныхъ животныхъ и прежде всего относительно плацентныхъ¹⁾ млекопитающихъ, отъ которыхъ происходитъ человѣкъ. Сознаніе высоко развитыхъ обезьянъ, собакъ, слоновъ и проч. отличается отъ человѣческаго сознанія только степенью, но не качествомъ, и различіе между этими умными животными и низшими человѣческими расами въ этомъ отношеніи менѣе значительно, чѣмъ разница между этими послѣдними (патагонцы, австралійскіе негры и проч.) и такими высоко одаренными личностями, какъ Спиноза, Гёте, Дарвинъ, Кантъ и др. Сознаніе есть часть высшей душевной дѣятельности и, какъ таковая, находится въ зависимости отъ нормальной структуры соотвѣтствующаго душевнаго органа—мозга.

Фізіологическими наблюденіями и экспериментами установлено съ полной достовѣрностью, что сѣдалищемъ сознанія, или его органомъ является сѣрое вещество мозга, мозговая кора головного мозга. Особенно важное открытіе въ этой области сдѣлано Флехсигомъ, который нашелъ между четырьмя очагами внѣшнихъ чувствъ также четыре очага мышленія или ассоціативныхъ центра; эти послѣдніе, отличающіеся отъ очаговъ внѣшнихъ чувствъ болѣе совершен-

1) Плацента—родовое мѣсто.

ной структурой, суть настоящіе очаги мысли, единственные органы нашего сознанія. Это открытіе подтверждается наблюденіями надъ нѣкоторыми явленіями патологическаго характера. Найдено, что при болѣзненномъ поврежденіи какой-либо части мозговой коры, исчезаетъ соотвѣтствующая функція мышленія, при чемъ здѣсь удалось даже подробно установить локализацию мозговыхъ функцій. При поврежденіи, напр., той части мозговой коры, которая служитъ центромъ рѣчи, человекъ теряетъ способность говорить. Впрочемъ, и повседневныя наблюденія надъ явленіями сознанія достаточны для того, чтобы убѣдить насъ въ полной зависимости сознанія отъ химическихъ видоизмѣненій въ мозговой субстанціи. Кофе и чай, какъ мы знаемъ по опыту, дѣйствуютъ возбуждительно на нашу умственную дѣятельность; вино вызываетъ веселое настроеніе; эфиръ и хлороформъ вызываютъ безсознательное состояніе и т. д. Какъ были бы возможны подобныя явленія, если бы сознаніе наше было нематеріальнымъ по своей сущности и не состояло въ зависимости отъ мозговыхъ органовъ? Всѣ такіе факты и вообще наблюденія удостовѣряютъ насъ, что сознаніе у человека, какъ и у высшихъ млекопитающихъ, измѣнчиво и что его дѣятельность во всякое время можетъ быть измѣнена, какъ внутренними причинами (обмѣнъ веществъ, кровообращеніе), такъ и причинами внѣшними (поврежденіемъ мозга, раздраженіями и т. д.). Очень поучительное явленіе представляетъ изъ себя, такъ называемое, раздвоеніе сознанія или двоякое представленіе о своей собственной личности. Новорожденный ребенокъ, какъ извѣстно, долго не имѣетъ сознанія и пріобрѣтаетъ его, спустя не мало времени послѣ того, какъ уже научится говорить. Долгое время онъ выражается о себѣ въ третьемъ лицѣ и тотъ моментъ, когда ребенокъ впервые назоветъ себя мѣстоимѣніемъ я, есть моментъ возникновенія сознанія своей личности; съ этого момента ребенокъ отличаетъ свое я отъ окружающаго внѣшняго міра. Дальнѣйшіе успѣхи въ развитіи души, какіе ребенокъ дѣлаетъ подъ вліяніемъ родителей, воспитателей, сверстниковъ и вообще окружающей среды, стоятъ въ связи съ развитіемъ его самосознанія, а равно съ развитіемъ и совершенствованіемъ того органа, который является органомъ сознанія, т. е., мозга. Полнаго развитія сознаніе достигаетъ

въ періодъ третьяго десятка лѣтъ и съ этихъ поръ еще три десятилѣтія сознаніе, при нормальныхъ условіяхъ, держится на надлежащей высотѣ. На седьмомъ десяткѣ лѣтъ (иногда раньше, иногда позже, начинается тотъ регрессивный метаморфозъ психической дѣятельности, какимъ характеризуется старчество. Такимъ образомъ и онтогенія сознанія подтверждаетъ тотъ фактъ, что сознаніе есть фізіологическая функція мозга.

Филогенія сознанія удостовѣряетъ насъ въ томъ, что сознаніе въ животномъ царствѣ проходитъ послѣдовательныя ступени развитія. Принципіально мы это рѣшительно можемъ утверждать, но къ сожалѣнію, не въ состояніи прослѣдить относящіеся сюда факты настолько, чтобы создать соответствующую гипотезу. Между прочимъ, палеонтологія даетъ намъ нѣкоторые небезынтересные факты. Замѣчательнъ, напр., фактъ значительнаго качественного и количественнаго развитія мозга у плацентныхъ млекопитающихъ третичнаго періода. У нѣкоторыхъ ископаемыхъ обнаружено различіе въ величинѣ мозга въ различные моменты одного и того же періода: къ концу періода мозгъ значительно больше, чѣмъ онъ былъ въ началѣ у одного и того же вида животныхъ. Высшая ступень развитія сознанія, на какой стоитъ современный культурный человѣкъ, развилась постепенно, сознаніе прошло нѣсколько послѣдовательныхъ стадій, начиная отъ самой низшей, на какой въ настоящее время находятся примитивные народы, которыхъ не коснулась еще культура.

Таковъ взглядъ Геккеля на сущность и происхожденіе сознанія.

Въ томъ же монистическомъ духѣ рассуждаетъ Форель, устанавливая слѣдующіе моменты въ дѣятельности сознанія:

1. Въ основѣ сознанія лежитъ непрерывающаяся дѣятельность, сознаваемые бывають только переменны и отношенія между вещами и сознаніе постоянно мѣняетъ свое содержаніе.

2. Сознаніе отражаетъ, какъ явленія внѣшняго міра, о которыхъ сообщаютъ ему внѣшнія чувства, такъ и внутреннія состоянія тѣла, главнымъ образомъ, мозга; эти послѣднія отражаются въ сознаніи въ формѣ воспоминанія, чувствованій, желаній и мыслей.

3. Изъ понятія „сознаніе“ слѣдуетъ устранить какіе-бы то ни было признаки дѣятельности или силы; понятіе дѣятельности относится только къ содержацію сознанія, потому что сознаніе исчезаетъ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ содержанія; сознаніе есть только явленіе, само оно лишь абстрактное, теоритическое понятіе; динамическое содержаніе есть нѣчто дѣйствующее и дѣйствительное. Равнымъ же образомъ отъ сознанія должно быть обособлено понятіе о своемъ я, потому что къ послѣднему относятся и миновашія, теперь уже не находящіяся въ сознаніи явленія, кромѣ того, и извѣстная сумма безсознательныхъ образовъ и представленій.

4. Отсюда слѣдуетъ, что наши понятія: сознаніе, душа, матерія и сила, обращаются въ ничто, какъ скоро каждое изъ этихъ понятій хотятъ разсматривать само по себѣ (всѣ они мыслимы только, какъ существенные признаки содержанія нашего сознанія). Этимъ отмѣчается тотъ фактъ, что эти вещи суть только явленія или выражаютъ собою свойства, абстрагированныя нами отъ предметовъ, но не самые предметы.

5. Дѣятельное содержаніе сознанія, взятое въ цѣломъ, въ свою очередь зависитъ отъ наличія живого дѣятельнаго мозга ¹⁾).

Ясно отсюда, что душа, какъ сознаніе, по представленію натуралистическаго монизма, есть просто абстракція, совокупность душевныхъ явленій. Реальны только сами явленія, дѣятельность; наша душевная жизнь, къ которой относится также и познавательная дѣятельность, устойчива лишь относительно, а не въ абсолютномъ смыслѣ.

I. Остановимся прежде всего на этомъ утвержденіи натуралистическаго монизма, будто реальны только явленія сознанія, которыя никакого субстрата, никакой субстанціи позади себя не предполагаютъ, которыя слѣдуютъ другъ за другомъ по неизмѣннымъ однообразнымъ законамъ и образуютъ своимъ теченіемъ, то, что мы называемъ своею душою. Разсмотримъ сначала, что такое субстанція и какъ она относится къ явленіямъ. Возьмемъ явленіе движенія. Когда мы представляемъ себѣ движеніе, то воображаемъ именно

1) Forel, s. 75.

движущееся вещество. Представить себѣ движенія того, что не есть вещество, хотя бы точка, мы не въ состояніи. Отдѣлать явленіе движенія отъ предмета, который движется, невозможно. Точно также невозможно представить себѣ явленіе звука безъ звучащаго тѣла, сладкаго вкуса, который не исходилъ бы отъ какого либо опять-таки предмета и т. д. Движеніе, звукъ, вкусъ—это явленія, которыя то возникаютъ, то исчезаютъ. А то, что лежитъ въ основѣ этихъ явленій, самые предметы, которыя являются въ той или другой формѣ,—это субстанціи этихъ явленій. Субстанція такимъ образомъ не трансцендентна, а имманентна своимъ явленіямъ; въ каждомъ явленіи является непременно что-нибудь, что и составляетъ субстанцію этого явленія. Природа субстанціи выражается въ законахъ и свойствахъ ея явленій и, наоборотъ, нельзя считать за природу субстанціи то, что никакъ въ ней не проявляется. Иначе говоря, *субстанція и явленія соотносительны*.

Если мы согласимся съ этой простой самоочевидной истиной, тогда отсюда будетъ вытекать вотъ какой важный выводъ. О внѣшнемъ мірѣ мы знаемъ по тѣмъ воспріятіямъ, какія идутъ къ намъ извнѣ черезъ наши внѣшнія чувства. Въ этихъ воспріятіяхъ не все субъективно, въ нихъ долженъ присутствовать объективный элементъ постольку, поскольку они не отъ насъ зависятъ. Наши воспріятія суть проявленія не только нашей душевной силы, но и силы внѣшней, которая ихъ вызываетъ: они также и ея явленія, они соотносительны и къ ней. Слѣдовательно, когда говорятъ о внѣшнемъ мірѣ, что въ немъ мы знаемъ только явленія, воспринимаемыя нашими внѣшними чувствами, то это будетъ не совсѣмъ правильно: разъ мы знаемъ явленія, мы знаемъ также, или по крайней мѣрѣ, можемъ знать и то, что въ нихъ является, потому что явленія и субстанціи соотносительны.

Для насъ, впрочемъ важнѣе здѣсь другой выводъ, какой мы можемъ сдѣлать изъ принципа соотносительности субстанціи и ея явленій: если нѣтъ вообще безсубстратныхъ явленій, то ихъ нѣтъ и въ нашемъ психическомъ существованіи, и если въ каждомъ явленіи реализуется его субстанція, то такъ должно быть и съ душевными явленіями, въ которыхъ реализуется субстанція духа. Слѣдовательно,

разъ мы говоримъ, что знаемъ душевныя явленія, то отсюда слѣдуетъ, что мы знаемъ, или по крайней мѣрѣ, можемъ знать то, что въ нихъ является, что служитъ ихъ субстанціей, т. е. духъ. И прежде всего изъ соотнесенности субстанции и явленій и изъ того, что субстанція всегда имманентна своимъ явленіямъ, мы можемъ вывести заключеніе, что, нашъ духъ существо нематеріальное, ибо ничего матеріальнаго мы не находимъ въ нашихъ психическихъ явленіяхъ. Другое заключеніе, какое мы можемъ сдѣлать изъ закона соотнесенности явленій и субстанции слѣдующее: разъ въ душевной жизни непосредственно дана ея дѣйствительная субстанція, то въ свойствахъ, законахъ и во всемъ строѣ явленій этой жизни сказывается ея реальное присутствіе. Подобно тому, какъ во всякомъ физическомъ процессѣ непременно содержится и присутствуетъ вещество со всѣми его свойствами, такъ и во всѣхъ душевныхъ явленіяхъ должно воплощаться субстанціальное души. Этотъ выводъ мы должны подкрѣпить данными внутренняго опыта, для чего необходимо подробнѣе остановиться на анализѣ понятій „явленія“ и „субстанции“.

Несмотря на соотнесенность субстанции и явленія, все-таки они не одно и то же. Движенія не то же, что вещество, которое движется; запахъ не то же, что роза, дающая этотъ запахъ. Субстанція это то, что пребываетъ, явленіе то, что мѣняется въ каждое мгновеніе.

Коренное свойство всѣхъ явленій—это ихъ исчезаемость: въ каждый данный моментъ всякое явленіе уже не, то, что было въ предшествующій моментъ. Легко замѣтить, что это свойство явленій обуславливается тѣмъ, что они протекаютъ во времени. Природа времени своею загадочностью давно уже обращала вниманіе философовъ. Дѣйствительность времени заключается въ его нереальности. Въ самомъ дѣлѣ. Различаютъ время прошедшее, настоящее и будущее. Прошедшее уже прошло, слѣдовательно, его уже нѣтъ; будущее еще не наступило, слѣдовательно, его еще нѣтъ. Остается настоящее. Что мы называемъ настоящимъ временемъ? Какую продолжительность ему дадимъ? Легко видѣть, что абсолютно никакой продолжительности нельзя приписать настоящему времени. Допустимъ, напр., что продолжительность момента, который можно было назвать настоящимъ временемъ, рав-

няется тремъ миллионнымъ долямъ секунды. Но и въ такомъ случаѣ пока длится первая доля, вторыя двѣ еще не наступили, слѣдовательно, онѣ относятся еще къ несуществующему пока будущему; а когда наступитъ вторая доля, то первая будетъ уже въ прошедшемъ времени, ея уже не будетъ. Стало быть, для настоящаго времени нельзя дать никакой, даже абсолютно малой продолжительности; настоящее есть лишь граница между прошедшимъ и будущимъ и подобно тому какъ точка, граница линіи не имѣетъ никакого измѣренія, такъ и настоящее время не имѣетъ продолжительности. Вся суть времени въ постоянномъ вытѣсненіи предшествующихъ моментовъ послѣдующими.

То, что мы назвали исчезаемостью явленій, объясняется изъ того простаго условія, что явленія проходятъ во времени, исчезаютъ вмѣстѣ съ нимъ.

Вообразимъ себѣ теперь, что въ мірѣ, кромѣ явленій, ничто не существуетъ, нѣтъ никакихъ субстанцій. Что тогда получится? Вещество міра, подобно отдѣльнымъ явленіямъ въ немъ, въ цѣломъ своемъ составѣ уносится съ каждымъ прошедшимъ мгновеніемъ, чтобы возникать вновь съ каждымъ новымъ мгновеніемъ времени, и опять немедленно исчезать и т. д. Вмѣсто одного міра мы получимъ ихъ безконечное множество и каждый изъ нихъ будетъ мимолетно мелькнувшимъ призракомъ, какъ и всѣ другіе, всякая связь и зависимость для насъ пропали бы во вселенной, въ которой все за разъ образуется вновь, не оставалось бы ничего, что могло бы привязывать ихъ другъ къ другу. Ясно, что представленіе о томъ, что въ мірѣ существуютъ только явленія,—представленіе невозможное. Мы не можемъ обойтись безъ представленія внутренняго единства субстанціального бытія во многообразіи переживаемыхъ имъ измѣненій. Все совершающееся мы воспринимаемъ въ формѣ процессовъ. Но процессъ тогда лишь мыслимъ и понятенъ для насъ, когда мы представляемъ себѣ, что предшествующія явленія не просто исчезаютъ, а переходятъ въ послѣдующія и сливаются съ ними, т. е., мы думаемъ, что содержаніе предыдущаго не пронадаетъ въ безднѣ ничтожества все цѣликомъ, а что-то въ немъ остается и переносится въ послѣдующее, только измѣнивъ форму. Это что-то и есть субстанціальное въ вещахъ, подлежащее ихъ измѣненію.

Субстанція пребываетъ въ своихъ измѣненіяхъ; она остается одною и тою же, тогда какъ ея явленія, дѣйствія, состоянія каждое мгновеніе становятся другими, — это означаетъ, что она бытіе сверхвременное.

То, что сказано нами относительно физическихъ явленій, приложимо къ процессамъ психическимъ. Чтобы какой-нибудь психическій феноменъ былъ усвоенъ нашимъ сознаниемъ, необходимо, чтобы онъ дѣйствительно длился, т. е. состоялъ изъ ряда моментовъ, исключаящихъ другъ друга, потому что никакое душевное движеніе, разъ оно мгновенно въ собственномъ смыслѣ, не можетъ быть усвоено нашимъ сознаниемъ. Но какъ же представлять себѣ длительность психическаго процесса? Каждая отдѣльная часть этого процесса мгновенно исчезаетъ, уступая мѣсто другой. Что связываетъ ихъ въ одно цѣлое, въ одинъ длящейся процессъ? Что прошедшее уже прошло—это тавтологія. Следовательно, представлять себѣ, что прошедшія уже ступени душевныхъ состояній, въ этомъ своемъ качествѣ прошедшихъ, соединяются со ступенями, данными теперь,—это значитъ издѣваться надъ истиной. Вотъ тутъ-то и оказывается настойчивая необходимость признать субстанціальныи элементъ даже въ самыхъ элементарныхъ фактахъ сознанія: уже всякое самое простое и кратковременное ощущеніе представляетъ изъ себя *актъ синтеза* объединяющій прошлое съ настоящимъ. Каждый такой синтезирующій актъ обладаетъ дѣйствительнымъ внутреннимъ единствомъ и лишь въ этомъ качествѣ *одного акта* связываетъ прошлое съ настоящимъ, относясь къ тому и другому, какъ къ вещамъ, одинаково для него реальнымъ. Этотъ синтезирующій актъ, такимъ образомъ, не подчиняется закону времени, т. е., онъ стоитъ внѣ времени, какъ субстанціальная сила душевной жизни. Психическій синтезъ выражаетъ сверхвременныя отношенія только потому, что въ немъ непосредственно реализуется пребывающее единство нашего я, иначе самопонятіе о такомъ синтезѣ содержало бы глубокое логическое противорѣчіе. Но съ другой стороны, безъ дѣйствительнаго психическаго синтеза нашъ внутренній опытъ былъ бы также совсѣмъ немислимъ ¹⁾.

¹⁾ Изъ статьи Лопатина „Понятіе о душѣ, по даннымъ внутреннего опыта“, Вопросы философіи и психологіи. 1896 г. кн. II.

Итакъ, на основаніи принципа соотнесенности явленій и субстанціи мы въ правѣ сдѣлать выводъ, что въ основѣ психическихъ явленій лежитъ духовная субстанція, реализирующаяся въ этихъ явленіяхъ подобно тому, какъ въ физическихъ явленіяхъ реализуется субстанція матеріальная. Впрочемъ, однако же, мы должны замѣтить, что эта духовная субстанція, душа „содержится въ своихъ чувствованіяхъ, ощущеніяхъ и стремленіяхъ не какъ земля, которая производитъ животныхъ, чтобы потомъ служить страдательнымъ только субстратомъ для ихъ свободныхъ движеній, нѣтъ, душа чувствуетъ каждый шагъ, каждое движеніе потока представленій, какія въ ней происходятъ, возбуждается ими, сама выступаетъ, какъ дѣятельное начало, вноситъ въ это, повидимому, само собой совершающееся движеніе новые элементы, которыхъ мы напрасно стали бы искать только въ самомъ процессѣ движенія“ ¹⁾).

По самой природѣ своей духъ есть начало дѣятельное и дѣйствующее именно изъ себя самаго, а не такъ, какъ матеріальная сила, которая нуждается въ толчкѣ извнѣ, чтобы начать дѣйствовать.

Свящ. Николай Литскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Lotze bei I. Müller, Philosophie, S. 253.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ по Харьковской епархіи.

15 Сентября

1910 года.

Содержаніе. I. Приёмъ должностныхъ лицъ, просителей и другихъ посѣтителей у Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго.—Къ свѣдѣнію духовенства Харьковской епархіи.—Отъ Деркачевской второкласной школы.—Епархіальныя извѣщенія.

I.

П Р И Е М Ъ

должностныхъ лицъ, просителей и другихъ посѣтителей у Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго.

Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, принимаетъ должностныхъ лицъ духовнаго вѣдомства по понедѣльникамъ въ 10 ч. утра; просителей и другихъ лицъ, имѣющихъ къ нему надобность, по вторникамъ и пятницамъ отъ 11 ч. утра до 1 ч. по полудни.

Къ свѣдѣнію духовенства Харьковской епархіи.

Преподаватель Харьковской Духовной Семинаріи А. Ѳ. Вертеловскій обратился къ Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнѣйшему Архіепископу Арсенію, съ прошеніемъ слѣдующаго содержанія:

Представляя на благоусмотрѣніе Вашего Высокопреосвященства свое сочиненіе на тему „Любовь къ Богу и ближнимъ въ жизни первыхъ христіанъ по свидѣтельству исторіи Церкви“ въ исправленномъ и дополненномъ 2-мъ изданіи за 1909 г., смѣю почтительнѣйше просить Ваше Высокопреосвященство, не благоугодно ли будетъ рекомендовать это сочиненіе для приобрѣтенія въ бібліотеки церковно-учительскихъ и церковно-приходскихъ школъ Харьковской епархіи, въ качествѣ пособія по Закону Божію. При этомъ осмѣливаюсь заявить, что это сочиненіе рекомендовано Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ въ фундаментальныя и уче-

ническія бібліотеки духовно-учебныхъ заведеній, а также въ бібліотеки церковно-учительскихъ и церковно-приходскихъ школъ и церковныя бібліотеки (Церковн. Вѣд. 1908 г. 4 окт. № 40); Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія признано заслуживающимъ вниманія при пополненіи бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній. По цѣнѣ (40 к.) оно, кажется, общедоступно.

Преподаватель Харьковской Духовной Семинаріи

Алексій Вертеловскій.

На семь прошеній послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства такая: „1910. Авг. 25. Рекомендовать духовенству Харьковской епархіи для пріобрѣтенія въ бібліотеки церковно-приходскихъ школъ и церковныя, напечатать прошеніе сіе вмѣстѣ съ резолюціей въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“. А. Арсеній.

Отъ Дергачевской второклассной школы.

По распоряженію Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, пріемныя испытанія въ Дергачевской второклассной школѣ назначаются на 29 сентября, а переэкзаменовки на 30 сентября с. г.

Епархіальныя извѣщенія.

1) Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи Валентинъ *Поликартовъ* опредѣленъ 3 сентября на священническое мѣсто при вновь устроенной церкви въ хуторѣ Конопляновкѣ, Старобѣльскаго уѣзда.

б) Окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи Александръ *Жуковскій* опредѣленъ 3 сентября на 2-е священническое мѣсто при Покровской церкви, слободы Городиница, Старобѣльскаго уѣзда.

в) Учитель церковно-приходской школы Іаковъ *Должанскій* опредѣленъ 19 августа на діаконское мѣсто при Пятницкой церкви, слоб. Великаго-Исторопа, Лебединскаго уѣзда.

г) Діаконъ Екатеринославской епархіи Михаилъ *Брындикъ* опредѣленъ 29 августа на діаконское мѣсто при церкви с. Кочетка, Зміевскаго уѣзда, Харьковской епархіи.

д) Бывшій псаломщикъ Павелъ *Квитковскій* опредѣленъ 28 августа на псаломщицкое мѣсто при Петро-Павловской церкви, села Вертѣвки, Харьковскаго уѣзда.

2) О перемѣщеніи священно-церк.-служителей на другія мѣста.

а) Священникъ Введенской церкви, слоб. Нижней-Писаревки, Волчанскаго уѣзда, Григорій *Цыбулевскій* перемѣщенъ 25 августа на священническое мѣсто при Покровской церкви, слоб. Хотомли, Волчанскаго уѣзда.

б) Священникъ Покровской церкви, слоб. Городища, Старобѣльскаго уѣзда, Михаилъ *Рудневъ*, перемѣщенъ 1 сентября на священническое мѣсто при Введенской церкви, сл. Нижней-Писаревки, Волчанскаго уѣзда.

в) Священникъ Николаевской церкви, слоб. Никольской, Старобѣльскаго уѣзда, Гавріиль *Макаровскій* перемѣщенъ 30 августа на 2-е священническое мѣсто при Николаевской церкви, слоб. Бѣловодска, Старобѣльскаго уѣзда.

г) Священникъ Тихоновской церкви, села Борщевого, Харьковскаго уѣзда, Іоаннъ *Алексѣевъ* перемѣщенъ 25 августа на службу въ Варшавскую епархію.

д) Протоіерей Дмитріевской церкви, города Харькова, Іоаннъ *Федоровскій* и священникъ Озерянской церкви, того-же города, Александръ *Луценковъ* перемѣщены, согласно ихъ прошенію, одинъ на мѣсто другого 3 сентября.

е) И. д. псаломщика Петро-Павловской церкви, сл. Вертѣвки, Харьковскаго уѣзда, Никонъ *Веселовскій* перемѣщенъ 27 августа къ Благовѣщенской церкви, слоб. Верхней-Дуванки, Купянскаго уѣзда.

3) Объ увольненіи за штатъ.

а) Священникъ Покровской церкви, слободы Хотомли, Волчанскаго уѣзда, Мануиль *Цыбулевскій*, согласно его прошенію, уволенъ за штатъ 25 августа.

б) Діаконъ Успенской церкви, слободы Хрущевой-Никитовки, Богодуховскаго уѣзда, Іаковъ *Пономаревъ*, согласно его прошенію, уволенъ за штатъ 27 августа.

в) Псаломщикъ Преображенской церкви, слободы Марковки, Старобѣльскаго уѣзда, Сергій *Склярвъ*, согласно его прошенію, уволенъ за штатъ 25 августа.

4) Обь утвержденіи въ должности церковныхъ старость.

а) Къ церкви сл. Бараниковки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 24 августа старостою крестьянинъ Павелъ *Разумный*.

б) Къ Николаевской церкви, слоб. Бѣловодска, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 24 августа старостою крестьянинъ Григорій *Гончаровъ*.

в) Къ церкви сл. Золотого-Колодезя, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 24 августа старостою кр. Петръ *Максименко*.

г) Къ Николаевской церкви, села Катанскаго, Богодуховскаго уѣзда, утвержденъ 29 августа старостою кр. Θεодотъ *Климовъ*.

д) Къ Архангело-Михайловской церкви, села Радомли, Ахтырскаго уѣзда, утвержденъ 29 августа старостою крестьян. Никифоръ *Крупчанъ*.

е) Къ Варваринской церкви, села Искрисковщины, Сум. уѣзда, утвержденъ 29-го августа старостою дворянинъ Михаилъ *Терещенко*.

5) Обь утвержденіи и. д. псаломщиковъ въ должности.

а) И. д. псаломщика Преображенской церкви, слоб. Бѣлолуцка, Старобѣльскаго уѣзда, Василий *Бойченко* утвержденъ 14 августа въ должности псаломщика.

б) И. д. псаломщика церкви села Бороваго, Зміевскаго уѣзда, Иванъ *Измайловъ* утвержденъ 14 августа въ должности псаломщика.

в) И. д. псаломщика села Масловки, Зміевскаго уѣзда, Анатолий *Власовскій* утвержденъ 25 августа въ должности псаломщика.

г) И. д. псаломщика церкви слободы Терешковки, Сумскаго уѣзда, Евѣимій *Деримарко* утвержденъ 27 августа въ должности псаломщика.

д) И. д. псаломщика Воскресенской церкви слоб. Боголюбовки, Купянскаго уѣзда, Яковъ *Панюковъ* утвержденъ 2 сентября въ должности псаломщика.

6) Вакантныя мѣста:

а) Священническія:

При Сергіевской церкви, Харьковской 2-й Гимназіи.

— Николаевской церкви, сл. Бѣловодска, Старобѣл. уѣзда.

— Тихоновской церкви, села Борщеваго, Харьк. уѣзда.

б) Діаконскія:

При Харьковской Николаевской церкви.

— Успенской церкви, слоб. Хрущ.-Никитовки, Богодух. уѣзда.

— Пророко-Ильинской церкви, г. Бѣлополя, Сумскаго уѣзда.

и в) *Псаломщицкія*:

При Соборной Успенской церкви, гор. Богодухова.

- Рождество-Богородичной цер., сл. Алексѣевки, Сумск. уѣзда.
- Николаевской церкви, с. Крысина-Яра, Богодуховск. уѣзда.
- Рождество-Богородичной церкви, сл. Волоховки, Волчан. у.
- Архангело-Михайловской цер., с. Казачей-Лопани, Харьк. у.
- Вознесенской церкви, с. Ефремовки, Волчанскаго уѣзда.
- Покровской церкви, сл. Пархомовки, Богодуховск. уѣзда.
- Спасской церкви, при Харьковскомъ училищѣ слѣпыхъ.
- Христо-Рождеств. церкви, с. Береки, Зміевского уѣзда.
- Покровской церкви, с. Козѣвки, Богодуховскаго уѣзда.
- Преображен. ц., на мѣстѣ чудес. событія 17 окт. 1888 г.
- Рождество-Богород. цер., с. Каплуновки, Богодух. уѣзда.
- Преображенской цер., с. Великаго Бурлука, Волчанск. у.
- Георгіевской цер., с. Лѣсковки, Богодуховскаго уѣзда.
- Покровской цер., с. Ворожбы, Сумскаго уѣзда.
- Иоанно-Богословской ц., сл. Средняго Бурлука, Волчанск. у.
- Преображенской церкви, сл. Марковки, Староб. у.

II.

Содержаніе. По поводу статьи въ мѣстной газетѣ „Утро“ „На приѣмѣ у Преосвященнаго“. *Свящ. П. Винякова.*—Седьмая заповѣдь въ деревнѣ. *Свящ. Андрея Сагарды-Николенко.*—Миссіонерскій листокъ. Изъ дѣятельности Качаловскаго миссіонерскаго кружка. *Свящ. Василія Бестѣды.*—Епархіальная хроника. Архіерейскія богослуженія.—Освященіе церкви въ Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ.—День въ Куряжѣ.—Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Харьковской Духовной Семинаріи.—Юбилейное торжество.—Протоіерей Михаилъ Андреевичъ Юшковъ. (Некрологъ).—Иноепархіальный отдѣлъ.—Пастырямъ и пасомымъ Орловской епархіи Александра, Епископа Орловскаго и Сѣвскаго. (Продолженіе).—Разныя извѣстія и замѣтки.—„Ставленическій домъ“.—Объявленія.

По поводу статьи въ мѣстной газетѣ „Утро“ „На приѣмѣ у Преосвященнаго“.

Въ печальные годы 1905 и 1906-й особенно усилились нападенія на христіанскую религію и православную церковь. Запѣвала кадетской партіи, г. Милюковъ, вопреки животворящему значенію православія для Россіи, не постѣнился назвать его пустымъ мѣстомъ; социаль же демократы

во главѣ съ нѣмецкимъ игемономъ Бебелемъ прилагали всѣ потуги, чтобы сбить съ толку мало знакомую съ основными догматами православія и исторіи церкви русскую публику, съ пѣною у рта доказывали даже, что христіанство поворотило человѣчество назадъ, и что они, социаль-демократы, будутъ безпощадно бороться съ христіанскою религіею. По мѣрѣ успокоенія смуты въ Россіи и роста въ ней религіознаго и національнаго сознанія, нападенія на русскую церковь приняла другой характеръ: витрины всѣхъ большихъ книжныхъ магазиновъ разцвѣтились сочиненіями ожесточенныхъ враговъ христіанства—Штрауса, Ренана, Льва Толстого и друг., что на западѣ считается уже старымъ хламомъ. Это—съ одной стороны; съ другой стороны, во всѣхъ газетахъ лѣваго лагеря съ особеннымъ усердіемъ старались отмѣнить все то, что такъ или иначе налагаетъ тѣнь на церковь и духовенство, при чемъ не стѣснялись извращеніемъ и даже ложью. Почитайте газеты лѣваго лагеря, и вы убѣдитесь, что онѣ съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, разглашаютъ о мнимыхъ и дѣйствительныхъ нарушеніяхъ своихъ обязанностей какими либо неудачниками изъ многочисленнаго духовнаго сословія; но если такой членъ клира отличился дерзостію и неуваженіемъ къ своему начальству и къ своимъ Архипастырямъ, таковые берутся лѣвыми газетами подъ свою защиту, какъ невинно-гонимые.

Этимъ же характеромъ отличались и наши двѣ прогрессивныя газеты; но никогда еще безцеремонность ихъ не доходила до того предѣла, что допустила недавно газета „Утро“ своей статьей „На пріемѣ у Преосвященнаго“. Конечно, у такихъ газетныхъ работниковъ, какъ г. Огневъ, уваженія къ нашимъ Архипастырямъ найти нельзя, но самое элементарное литературное требованіе, что-бы мѣстныя извѣстія, особенно изъ сферы дѣйствій высшихъ лицъ, хотя-бы сколько нибудь провѣрялись, должно быть обязательно для всѣхъ. Вѣдь если бы газета поразспросила кого либо другого о пріемахъ у Высокопреосвященнѣйшаго Владыки, а не „смиренаго, якобы, К—скаго“, то поняла бы всю вздорность того, что сообщилъ сей смиренный. Статья прогрессивной газеты явно старается накинуть тѣнь на свѣтлую личность нашего Архипастыря, всѣми глубоко уважаемаго.

Г. Огневъ сквозь строкъ дѣлаетъ упрекъ Владыкѣ въ недоступности, въ отчужденности отъ духовенства, въ формальномъ якобы отношеніи къ нему. Да, недоступность Архипастырей дѣло, конечно, такое, о чемъ можно пожалѣть. Недоступныхъ и далекихъ отъ паствы и народа любятъ мало, кому это неизвѣстно? Но обратилъ бы вниманіе прогрессивный журналистъ на то сыновнее, глубоко почтительное и любовное отношеніе духовенства епархіи къ старцу Архипастырю, какое проявилось въ недавніе юбилейные дни Высокопреосвященнаго Арсенія—даже противъ его воли; да ли не только духовенство, но и всѣ сословія слились тогда въ выраженіи глубокаго уваженія и преданности маститому Архипастырю. Можно ли предполагать, чтобы къ суровому и замкнутому Владыкѣ такъ отнеслась его паства? Пишущему эти строки хорошо извѣстны рѣдкая доступность и отеческая внимательность Владыки къ нуждамъ духовенства и паствы. Весьма часто Высокопреосвященнѣйшій Арсеній самъ вызываетъ къ себѣ для искренней и сердечной бесѣды многихъ изъ пастырей, и слѣдствіемъ этой бесѣды бываетъ то, что черныя тучи надъ головою много батюшки проясняются. Только внимательностію и доступностію можно объяснить, что Высокопреосвященнѣйшій Арсеній знаетъ большую часть духовенства далеко не формально, но по духу и направленію. И надо удивляться тому вниманію и терпѣнію, съ какимъ Владыка относится къ самымъ не серьезнымъ просьбамъ и претензіямъ. Самъ „смиранный яко-бы К—скій“ постоянный посѣтитель пріемовъ Владыки, и, несмотря на всегда неосновательныя просьбы и претензіи, ласково принимался Его Высокопреосвященствомъ, и на этотъ разъ Владыка даже помогъ ему. Прогрессивной газетѣ, видители, не нравится то обстоятельство, что Владыка его пасквильную замѣтку въ „Жало“ передалъ въ Консисторію для сужденія объ этомъ недостойномъ поступкѣ К—скаго; неужели же, чтобы сей мужъ ии творилъ, ему нужно прощать и даже поощрять его!... И совсѣмъ не отъ этой бумажки зависитъ судьба К—скаго, а отъ всего его поведенія: сей „смиранный“ перемѣнилъ 17 мѣсть, можно ли говорить о какой-то несправедливости къ нему! Упреки на рѣдкіе пріемы у Владыки совершенно не основательны, напротивъ, хорошо, и для духовенства удобно, когда для пріема наз-

начены опредѣленные дни, къ этимъ днямъ именно и собирается духовенство въ полной увѣренности, что всякій будетъ принять и выслушать; гораздо хуже неопредѣленность. Въ зимній сезонъ Владыка принимаетъ три раза въ недѣлю (одинъ день должностныхъ лицъ). Въ лѣтнее время пріемный день одинъ, но никто никогда не выходилъ отъ В.-Преосвященнѣйшаго Владыки не выслушаннымъ. Фактическая часть газетной статьи грѣшитъ противъ правды: никто корреспонденціи К—скаго въ „Жало“ въ присутствіи просителей не читалъ, сочувствія ей никто не выражалъ; зачѣмъ понадобилось Г. Огневу это измышленіе, понять трудно. Совершенно въ ложномъ освѣщеніи представилъ Огневъ и то маловажное обстоятельство, что дачу Владыки оберегаетъ стражникъ. Стражникъ никакого отношенія къ пріему на дачѣ не имѣетъ, развѣ лишь добродушно исполняетъ роль привратника; дача удалена отъ жилья и охрана тамъ необходима. Въ важныхъ случаяхъ Владыка принимаетъ и на дачѣ, и весьма не рѣдко. Въ заключеніе скажемъ, что свѣтлой личности Мастистаго Архипастыря не омрачить неправдивой газетной статьѣю, но грустно, что развязность лѣвыхъ газетъ заходитъ такъ далеко.

Свящ. П. Вишняковъ

СЕДЬМАЯ ЗАПОВѢДЬ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Жизнь современной деревни во многомъ уступаетъ древне-русской. Въ доброе, старое время у русскаго мужика все было какъ-то крѣпко, прочно; крѣпка была у него и вѣра православная, и любовь къ родинѣ, и привязанность къ царю; нравы его тогда были сравнительно чисты и просты. А у современнаго мужика все это находится въ распатанномъ состояніи; все у него и дрябло, и не прочно. Такъ, вѣра его теперь начала колебаться (сектантство), любовь къ отчизнѣ слабѣть, нравы загрязняться. Даже въ умственномъ и эстетическомъ отношеніяхъ жизнь современнаго простолюдина представляетъ собою мало утѣшительнаго. Какія были суевѣрія и понятія о небесныхъ и земныхъ предметахъ въ старину, тѣ же самыя циркулируютъ по селамъ и въ настоящее время. Какія пѣсни, музыка и танцы и т. д. были прежде,

тѣ-же практикуются народомъ и теперь. Новаго не перенятаго, а самобытнаго теперь почти и не услышишь по деревнямъ. Ни новыхъ пѣсень, захватывающихъ духъ, ни остротъ, ни пословицъ простой народъ ужъ не даетъ. Творчество какъ бы пропало. Правда, теперь по деревнямъ, благодаря школамъ, развелось порядочное число грамотныхъ людей, но знаніе и развитіе сихъ грамотѣевъ такъ ничтожны, что неграмотныхъ и грамотныхъ смѣло можно ставить на одну доску.

Но если современная деревня въ только что указанныхъ отношеніяхъ не имѣетъ почти никакого прогресса, то за то оно бѣшено прогрессируетъ въ *развратъ* и *пьянство*, т. е. въ сферѣ нравственныхъ (скорѣе безнравственныхъ) чувствъ и дѣйствій. Что пьянство съ каждымъ годомъ усиливается по деревнямъ, это извѣстно всѣмъ; а что и развратъ началъ усиливаться по тѣмъ-же деревнямъ, это не такъ очевидно, почему о немъ стоитъ хоть коротенько поговорить.

Развратъ у мужиковъ начинается большею частію съ отроческихъ лѣтъ и начинается обыкновенно онанизмомъ. Отрокъ-мальчикъ это—пастухъ. Съ своимъ скотомъ въ теплую погоду онъ проводитъ время въ полѣ вдали отъ глазъ взрослыхъ людей. И вотъ тутъ-то и проявляется этотъ порокъ. Извѣдавъ наслажденіе, одинъ пастухъ передаетъ объ этомъ другому, третьему. Товарищи производятъ опыты и порокъ прививается почти ко всѣмъ пастухамъ. Въ прирѣчныхъ-же селахъ онанизмъ поддерживается еще и совмѣстнымъ купаньемъ молодежи обоего пола. Видъ купающихся взрослыхъ дѣвушекъ, заигрываніе парней съ послѣдними, соприкосновеніе разгоряченнаго солнцемъ песка съ половыми органами, все это возбуждающе дѣйствуетъ какъ на воображеніе, такъ и на половую систему отроковъ. И этотъ порокъ—онанизмъ такъ укореняется среди дѣтей, что нѣкоторые школьники-онанисты даже во время класныхъ занятій за партами предаются ему. Но да не подумаетъ читатель, что я говорю только объ исключительныхъ случаяхъ онанизма. Нѣтъ, въ каждомъ селѣ этимъ порокомъ заражена почти треть отроковъ-дѣтей. Ужасный процентъ онанистовъ!

Но вотъ отрокъ становится юношей. Его воображеніе уже наполнено постыдными образами, прибрѣтенными въ

отрочествѣ. О чемъ же другомъ можетъ думать такой юноша при видѣ дѣвушки, какъ только не о постыдномъ! И дѣйствительно, если мы прислушаемся къ разговорамъ молодежи и присмотримся къ тѣмъ дѣйствіямъ ея, которыя происходятъ на „вечеринкахъ“, то замѣтимъ, что парни объ одномъ только и думаютъ, какъ-бы соблазнить дѣвицъ на грѣхъ. О прежней, бывшей въ старину искренней любви парня къ дѣвушкѣ, теперь, кажется, не можетъ быть и рѣчи. Сія любовь какъ бы исчезла изъ русской деревни.

Наконецъ, юноша становится солдатомъ. Изъ этихъ юношей образуются полки солдатъ. Какъ относятся сіи полки къ седьмой заповѣди? Мой прихожанинъ, бывшій солдатъ, повѣдалъ мнѣ, что въ его баталіонѣ цѣломудренно вели себя только три души. Какой-же страшный процентъ воздержанцевъ? И этимъ своимъ воздержаніемъ русскій солдатъ даже иногда бровируетъ. Вотъ фактъ. Флотъ адмирала Рождественскаго въ одно время былъ въ водахъ французовъ. Русскіе матросы сошли на землю и тамъ себя такъ вели, что французы пустили по адресу русскихъ такое выраженіе: „russo-bljad“ (разсказъ очевидца фельдшера г. Лобковскаго).

И гуляетъ развратъ по деревнямъ, селамъ и полкамъ, истощая молодыя силы, притупляя умъ, убивая энергію, заглушая совѣсть и стыдъ, и гуляетъ онъ, конечно, на горе государству (ибо послѣднее обезсиливается развратомъ) и на печаль матери св. церкви (ибо блудники царствія Божія не наследуютъ).

И такъ, наша деревня заражена кромѣ пьянства еще и распутствомъ, т. е. такою болѣзнію, которая требуетъ отъ общества самаго серьезнаго вниманія и самыхъ радикальныхъ предохранительныхъ мѣръ. Но какими-же средствами можно если не вылечить нашу деревню отъ этой болѣзни, то хотя-бъ предохранить отъ нея нашихъ дѣтей и юношей? Въ чьихъ рукахъ находится спасеніе нашей деревни отъ этого порока? Средства эти—религіозно-педагогическаго характера; находятся-же они или должны находиться въ рукахъ духовенства и сельскихъ педагоговъ-учителей... Законоучители—священники и учителя—вотъ кто наибольшую пользу можетъ принести въ дѣлѣ предохраненія дѣтей и

юношей отъ развитія среди нихъ распутства. Но почему-жь до сихъ поръ въ обсуждаемомъ дѣлѣ сельская школа была такъ мало вліятельна? На этотъ вопросъ отвѣчу слѣдующее. Развратъ это—преступленіе противъ седьмой заповѣди. Кому, кому, какъ не законоучителямъ слѣдовало-бы останавливаться на этой заповѣди какъ можно подольше, объясняя ее подробнѣйшимъ образомъ. Но мы знаемъ, что большинство законоучителей изъ всѣхъ заповѣдей для седьмой удѣляютъ наименѣе вниманія. Правда, традиціей къ этой заповѣди требуются деликатныя отношенія; но мнѣ кажется, что для пользы дѣла давно уже пора перестать въ этомъ важномъ случаѣ деликатничать. Вѣдь школьники, особенно старшей группы, не хуже взрослыхъ знаютъ и о половыхъ органахъ, и о половыхъ сношеніяхъ, и о многомъ другомъ, сюда относящемся... Къ чему-жь тутъ деликатничать? По моему мнѣнію, законоучитель, трактуя о седьмой заповѣди, не долженъ разсматривать ее только съ одной религіозно-нравственной точки зрѣнія... Нѣтъ, онъ обязанъ въ этомъ случаѣ бесѣдовать съ учениками еще и о назначеніи половыхъ органовъ, и о брачномъ естественномъ употребленіи ихъ (противъ онанизма), и о вредѣ отъ ранняго злоупотребленія ими, и о тѣхъ болѣзняхъ, которыя порождаются распутствомъ и т. д. И особенно на эти вопросы законоучитель долженъ обращать свое вниманіе въ тѣхъ школахъ, гдѣ учителями являются женщины. Въ школахъ, гдѣ учительствуютъ мужчины, на указанныя темы могутъ вести бесѣды, кромѣ законоучителя, и учителя; но женщинамъ, дѣйствительно, какъ-то неудобно заниматься такими вопросами. И эти бесѣды запечатлѣются въ сердцахъ дѣтей и впоследствии многихъ могутъ удерживать отъ распутства. Словомъ о развратѣ также подробно должно трактоваться въ сельскихъ школахъ, какъ и о пьянствѣ; ибо развратъ также гибельный порокъ, какъ и пьянство.

Священникъ Андрей Сагарда-Николенко.

МИССИОНЕРСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Изъ дѣятельности Качаловскаго миссіонерскаго
кружка.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Обыкновенно думаютъ, что народъ нашъ глубоко религіозенъ въ массѣ, любитъ читать и слушать только о „божественномъ“ и всѣмъ существомъ своимъ противится современной безбожной наукѣ. Это—печальное и опасное заблужденіе, при которомъ можно проглядѣть нарожденіе среди православной паствы атеизма, какъ уже случилось это въ отношеніи къ появленію сектанства на св. Руси. Въ теченіе своей дѣятельности преимущественно въ области религіозно-нравственнаго просвѣщенія народа я вынесъ глубокое убѣжденіе, что приходскому духовенству пора обратить серьезное вниманіе на современную науку, познакомиться хорошо съ ея выводами въ отношеніи къ религіи и съ апологетической литературой и, не теряя времени, съ этой наукой, но освѣщенной свѣтомъ Христова ученія, пойти въ народную гущу. Не сдѣлаемъ этого мы, сдѣлаютъ за насъ другіе. Посмотрите, какъ нынѣ заливаются деревни печатью отрицательнаго направленія, и народъ ее читаетъ, читаетъ охотно и задумывается надъ ней, а не отрещивается отъ нея, какъ предполагается. Библіотеки земскихъ школъ и народныхъ читальни наполнены книгами, въ которыхъ, если не прямо отрицается религія, то обыкновенно такъ ведется изложеніе вопросовъ геологіи, біологіи, физики, астрономіи, что читатель неминуемо задаетъ себѣ вопросъ: „такъ, значитъ, Бога нѣтъ?“ Обходя съ молитвой дома прихожанъ, я, къ своему изумленію, находилъ у нихъ книги, которыя далеко не всегда можно найти въ бібліотекахъ людей образованныхъ. У рядовыхъ крестьянъ, хорошо умѣющихъ читать, есть газеты „Биржевыя Вѣдомости“ и др., а также книги научнаго содержанія. Нѣкоторые крестьяне дѣлали мнѣ намеки о несоотвѣтствіи Библии съ геологіей въ вопросѣ о сотвореніи міра. Другіе говорили, что міръ произошелъ самъ

собой; третьи увѣряютъ, что жизнь кончается со смертію тѣла, которое „сѣдятъ черви“, а бессмертной души у человека нѣтъ; иные указываютъ на то, что безъ солнца, сотвореннаго въ 4-й день, въ 1-й день свѣта не могло быть, и значитъ все изложенное въ Библии—выдумка.

Постепенно незримо вливается ядъ въ народную душу, и народъ богоносецъ дѣлается народомъ богоборцемъ. Уже ли съ затаеннымъ дыханіемъ и замирающимъ сердцемъ ждать, когда нашъ русскій великанъ, какъ древній Голіаѳъ, начнетъ открыто глумиться надъ Богомъ? Безсильно сложить руки и съ глазами, полными ужаса, безмолвно ждать страшнаго конца?.. Нѣтъ, возстанемъ, скорѣе возстанемъ и пойдемъ навстрѣчу врагу. Сразимся съ нимъ, пока есть еще надежда побѣдить его, и пока онъ недостаточно силенъ.

Но какъ?.. Этотъ вопросъ во всей его глубинѣ представимъ рѣшить мудрымъ. А мы пока пришли къ такому рѣшенію. Въ публичныхъ чтеніяхъ и собесѣдованіяхъ съ народомъ надо разсмотрѣть съ христіанской точки зрѣнія тѣ отрасли знанія, которыя вмѣстѣ съ газетами и библиотеками проникли въ деревню.

Такъ, напр., ученіе о заразныхъ болѣзняхъ и ихъ леченіи въ медицинскихъ народныхъ брошюрахъ обыкновенно излагается въ такомъ видѣ, что причиной болѣзней являются только микробы и человѣческая невнимательность къ обереганію себя отъ заразы. Но въ высшей степени необходимо освѣтить этотъ вопросъ съ религіозной точки зрѣнія, чтобы народъ не вообразилъ, что даже и въ болѣзни можно обойтись безъ Бога. Ясно, что при такомъ возрѣніи скоро умретъ вѣра въ св. мощи и чудеса исцѣленій отъ нихъ. Мы не будемъ приводить много примѣровъ, чтобы не сдѣлать своего предисловія слишкомъ длиннымъ. Присовокупимъ только, что мы попытались составить нѣсколько чтеній съ туманными картинами въ вышесказанномъ духѣ, одно изъ которыхъ и предлагаемъ ниже. Если наша мысль будетъ признана вѣрной и найдетъ сочувственные отзвы у сопастырей, то мы предложимъ еще нѣсколько нашихъ скромныхъ трудовъ. Наша цѣль—дать попытку леченія начинающейся болѣзни, а мудрѣйшіе и ученѣйшіе изъ насъ сдѣлаютъ это, конечно, лучше насъ.

Чтеніе съ туманными картинами „О сотвореніи міра“. *)

ВСТУПЛЕНІЕ.

Добрые слушатели! Часто случается, что мы собираемся въ большомъ числѣ на всякія удивительныя для насъ зрѣлища. Съ большимъ вниманіемъ и любопытствомъ разсматриваютъ люди разныя издѣлія рукъ человѣческихъ: прекрасныя картины и зданія, замысловатыя машины и т. п.; еще съ большимъ интересомъ смотрятъ на всякія представленія, на искусныхъ плясуновъ и слушаютъ весьма охотно хорошихъ музыкантовъ. И кто отличится въ подобныхъ дѣлахъ, люди весьма удивляются его умѣнью и называютъ его великимъ искусникомъ. Но немногіе тогда думаютъ о томъ величайшемъ Художникѣ и Чудотворцѣ, который явилъ дѣла, гораздо болѣе удивительныя и великія, нежели творятъ люди; о томъ, Который сотворилъ дивнымъ образомъ изъ земли и самихъ людей, часто забывающихъ о своемъ Творцѣ среди интересныхъ зрѣлищъ. А есть зрѣлище гораздо болѣе удивительное и чудесное, которое поражаетъ умъ внимательнаго человѣка,—это сотворенный Богомъ міръ. Въ немъ разсыпано по всѣмъ уголкамъ столько чудесъ и такихъ великихъ, какихъ человѣкъ никогда ни сдѣлаетъ. На это зрѣлище, слушатели добрые, посмотримъ съ великимъ вниманіемъ и благоговѣніемъ. Да не отяготимся созерцаніемъ дивнаго Божьяго міра и не облѣнимся выслушать повѣствованіе о томъ, какъ сотворилъ Господь Богъ міръ. Внимательно обозримъ чудное зрѣлище Божьяго творенія и поклонимся Творцу всяческихъ, и восхвалимъ этого великаго Художника и Чудотворца за его дивныя дѣла; а разсматривая сотворенныя Имъ твари, поучимся отъ нихъ всякому добру. Не полѣнимся присутствовать на этомъ зрѣлищѣ и не уклонимся отъ него и на будущее время; ибо, помните, что говоритъ Апостолъ? *Невидимое Его, вѣчная сила Его и Божество, отъ созданія міра черезъ разсматриваніе твореній видимы, такъ что они (не върующіе въ Бога) безответны.* Значить, кто смотритъ на Божій міръ, насъ окружающій, и не

*) Въ качествѣ пособія для составленія этого чтенія авторъ пользовался отрывками изъ твореній св. І. Зл., Вас. Вел., Тих. Зад., а также соч. Фламмаріона и др.

поучаетъ себя о Богѣ и Его вѣчной силѣ, тотъ предъ Богомъ не будетъ имѣть никакого отвѣта, никакого извиненія и оправданія и заранѣе можетъ считать себя погибшимъ, безотвѣтнымъ въ очахъ Божіихъ.

Хоръ поетъ „Благослови душе моя Господа“.

Первый день творенія.

Восхищенный созерцаніемъ дивнаго Божьяго міра, царь и пр. Давидъ восклицаетъ: *Благослови, душа моя, Господа, и вся внутренность моя—имя святое Его. Благослови, душа моя, Господа, и не забывай всѣхъ благодѣяній Его* (Пс. 102, 1—2). Не забывай, человекъ, Божіихъ благодѣяній, но всегда ихъ вспоминай. Вспомнимъ же, добрые слушатели, первѣйшее Его благодѣяніе—сотвореніе Имъ видимаго нами міра.

Было такое время, когда ничего изъ того, что мы видимъ, не существовало. Отъ вѣчности, не имѣя начала, былъ только одинъ Богъ, Который и сотворилъ видимое нами небо и землю. Но изъ чего же Онъ сотворилъ небо, землю и все, что на ней?—Изъ ничего. Не правда-ли, слушатели, какое великое могущество, какая сила нужна для того, чтобы изъ ничего создать такой удивительный міръ? Объ этомъ св. Церковь поетъ такъ: *Вседержителю вышній, сотворившій все изъ ничего Своимъ словомъ, утверди меня въ любви къ Тебѣ.* (Хоръ поетъ 3-ю пѣснь воскреснаго канона 3-го гласа).

Земля была безвидна, ибо вокругъ нея была непроглядная тьма. И сказалъ Богъ: „да будетъ свѣтъ“. *И появился свѣтъ.* (Картина: „Да будетъ свѣтъ“). Невидимая прежде земля стала видимой. Однако, она была тогда еще неустроенной, и земля была смѣшана съ водой. Но какой же свѣтъ озарялъ землю, когда не было еще солнца? Нѣкоторые изъ васъ, какъ намъ извѣстно, задаются этимъ вопросомъ и даже глумятся надъ самымъ Словомъ Божіимъ. Слушатели добрые! Если Господу Богу не трудно было въ 4-й день создать великое свѣтило—солнце, то неужели трудно Ему было сотворить свѣтъ безъ солнца? Вѣдь Онъ Самъ и „*Отецъ свѣтовъ* (Іак. 1, 7), Онъ Самъ *одѣвается свѣтомъ, какъ ризою* (Пс. 103, 2), *обитаетъ во свѣтѣ неприступномъ* (1 Тим. 6, 16). Онъ могъ свѣтъ Свой, которымъ Онъ одѣвается, какъ ризою, распростереть надъ міромъ, и это не представляло бы никакого труда для Него, а для насъ ничего непонятнаго.

Вѣдь и о будущей жизни говорится, что праведники и безъ солнца будутъ жить во свѣтѣ: *„И ночи не будетъ тамъ и не будутъ имѣть нужды въ свѣтильникъ, ни въ свѣтъ солнечномъ; ибо Господь Богъ освѣщаетъ ихъ (Апокал. 22, 5).* Итакъ, свѣтъ могъ быть и безъ солнца, ибо Господь Богъ—Всемогущъ. Св. Церковь такъ воспѣваетъ о свѣтѣ Божіемъ: *Къ Тебѣ, Который отвѣаешься свѣтомъ, какъ ризою, съ утра зываю: просвѣти мою омраченную грѣхами душу, ибо Ты Одинъ благоутробный.* (Хоръ поетъ ирмосъ 5-й пѣсни воскр. кан. 5-го гл.). Свѣтъ, сотворенный Богомъ, прорѣзалъ тьму, висѣвшую надъ землей, и освѣтилъ и показалъ все ея неустройство и беспорядокъ, въ ней бывшій. Часто, слушатели, и мы съ вами живемъ въ духовной тьмѣ, и въ душѣ нашей царствуетъ такая непроглядная тьма и ужасный беспорядокъ, что мы и сами не знаемъ, живетъ ли въ ней Богъ, или діаволь; есть ли въ ней что нибудь доброе, или ничего нѣтъ, вѣрить ли она во что святое, или полна безвѣрія. Спросите каждый себя по совѣсти: вѣруете ли вы въ Бога и во Христа Его и такъ ли вѣрите, какъ Онъ повелѣлъ? Исполняете ли заповѣди Его? и всѣ ли заповѣди, или только нѣкоторыя, а остальные—нарушаете. Но кто нарушаетъ хоть одну заповѣдь въ законѣ, тотъ разрушаетъ весь законъ и смѣется надъ Небеснымъ Законодателемъ. Вѣдь земные законодатели не спрашиваютъ, всѣ ли законы нарушилъ преступникъ, а налагаютъ наказаніе за нарушение даже одной статьи закона. Такъ судите и о Богѣ, что, преступая одну заповѣдь, вы повинны передъ всѣмъ закономъ Божіимъ.—И не стараетесь ли вы обмануть Бога и себя, говоря, что вы вѣрующіе, тогда какъ въ душѣ вы весьма холодны къ вѣрѣ? Но о такихъ сказано: *зачѣмъ зовете Меня: Господи, Господи, когда сердце ваше далеко отстоитъ отъ Меня.* Братья! Надо разогнать тьму, объявшую наши души. Призовемъ свѣтъ Божій, просвѣщающій всякаго человѣка. Скажемъ душѣ нашей: „да будетъ свѣтъ“. Душа, изгони тьму, которой ты себя окутала, и облекись свѣтомъ истины! Обратись къ слову Божію, которое есть свѣтильникъ ногамъ нашимъ, и просвѣтись. Вотъ чему поучаетъ насъ, братіе, размышленіе о созданномъ Богомъ свѣтѣ. Помолимся же еще Господу Богу, чтобы Онъ, озаривъ тьму, висѣвшую надъ нашей землей,

просвѣтилъ и нашу душу, находящуюся во мракѣ грѣховъ и заблужденій. (Хоръ: „Одѣйся свѣтомъ“).

Нѣкоторые изъ васъ спрашиваютъ: но на чемъ же держится земля? И гдѣ ей конецъ? Земля наша ни на чемъ не держится, а свободно виситъ въ воздухѣ, удерживаемая силой слова Божія отъ паденія. Видомъ она круглая, какъ видно и на картинѣ (карт. „Земной шаръ“). Кто захотѣлъ бы объѣхать вокругъ земли, тому придется путешествовать около 36,000 верстъ. Шаръ земной очень большой по величинѣ и занимаетъ поверхность въ 449 милліоновъ квадратныхъ верстъ, а вѣситъ по вычисленію ученыхъ 14 трилліоновъ фунтовъ. И такая страшная тяжесть виситъ въ воздухѣ, по слову Божію. Дивитесь Божію всемогуществу и премудрости! О семъ св. Церковь такъ воспѣваетъ: *Боже, водрузившій землю ни на чемъ Своимъ повелѣніемъ и повѣсившій такъ, что она при всей тяжести своей остается непоколебимой на своемъ мѣстѣ, на недвижимомъ камени заповѣдей Твоихъ утверди и церковь Твою, Единый благій и человеколюбивый.* (Хоръ поетъ ирм. 3-й пѣсн. воскр. кан. 5-го гл.).

Второй день творенія.

На 2-й день Богъ сотворилъ твердь или видимое нами небо, т. е. окружилъ землю воздушной оболочкой¹⁾, чтобы населить потомъ землю живыми существами, такъ какъ безъ воздуха они не могли бы жить на землѣ. Въ воздухѣ совершаются многія явленія, полезныя людямъ, животнымъ и растеніямъ. Воздухомъ они дышатъ; въ воздухѣ собираются испаренія отъ морей и рѣкъ и проливаются дождемъ на землю, истомленную жарой и жаждущую влаги. Въ воздухѣ рождаются и дуютъ вѣтры, благопріятные для растеній, для вѣтряныхъ мельницъ и мореплавателей. Но тотъ же воздухъ Господь Богъ дѣлаетъ Своимъ слугою, несущимъ непокорнымъ и нечестивымъ людямъ Божій гнѣвъ и наказаніе. Облака, плавающіе въ воздухѣ, какъ возвѣщаетъ намъ свящ. писаніе, по волѣ Божіей, иные проходятъ мѣста дикія и пустынные, а иные идутъ мѣстами населенными (Іов. 38, 25, 26, 34). По указанію Зиждителя, дождевыя облака постоянно обходятъ иное мѣсто, производятъ въ немъ засу-

¹⁾ Толк. Библ. Том. 1 стр. 6.

ху или, по слову пророка, землю плодородную обращаютъ въ соленую степь за нечестіе живущихъ на ней (Пс. 103, 34). Изъ облаковъ, плавающихъ въ воздухѣ, несутся молніи, которыя гнѣвъ Божій, какъ стрѣлы, рассыпаютъ на головы нечестивцевъ (Пс. 17, 5). Картина: „Тайфунъ“.—Въ воздухѣ носится безчисленное множество бактерій, которыя производятъ у людей болѣзни: холеру, чуму, тифъ, чахотку и др. (карт.: „Бактеріи“). Вотъ, слушатели, для чего Богомъ созданъ воздухъ: для нашего блага и счастья, если этого заслужимъ, и для нашего наказанія, когда Бога прогнѣвляемъ своимъ нечестіемъ. Твердь или воздухъ Богъ назвалъ небомъ. Св. Церковь такъ поетъ по поводу сотворенія неба: *Господи Спасе, сотворившій въ началѣ небо Своимъ Словомъ и Своимъ вседѣтельнымъ духомъ утвердившій всю силу ихъ*¹⁾, *на недвижимомъ камени Твоего исповѣданія утверди мя.* (Хоръ поетъ 3-ю п. воскр. кан. 7 гл.)

Третій день творенія.

Въ 3-й день творенія Богъ сказалъ: „пусть соберется вода, которая подъ небомъ, въ одно мѣсто, и да явится суша“. И стало такъ. И назвалъ Богъ сушу землею, а собраніе водъ назвалъ морями. Чтобы причину осушенія земли мы не приписали солнцу, Создатель произвелъ сухость земли до сотворенія солнца. „И увидѣлъ Богъ, сказано въ Писаніи, что это хорошо“. Господь Богъ какъ бы призналъ, что и земля, и собраніе водъ весьма полезны въ сотворенномъ имъ мірѣ. Но „если собранія водъ прекрасны и достойны похвалы предъ Богомъ, то не гораздо ли прекраснѣе собраніе такой церкви, въ которой подобно волнѣ, ударяющей въ берегъ, совокупный гласъ мужей, женъ и младенцевъ возсылается къ Богу въ нашихъ молитвахъ“ (Вас. Вел). Послѣ повелѣнія Божія суша и вода сочетались въ чудномъ, прекрасномъ видѣ: появились громадныя моря, называемыя океанами, по которымъ люди носятъ иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ, пока достигнуть берега. Такъ, напр., Колумбъ ѣхалъ въ Америку по Атлантическому океану больше мѣсяца (Карт.: „Колумбъ у береговъ Америки“). На океанахъ отъ дуновенія вѣтровъ стали совершаться грозныя явленія, которыя для людей очень страшны и, по Божію повелѣнію,

1) О которой сказано выше.

несутъ гибель многимъ пловцамъ на морѣ. (Карт.: „Смерчъ на морѣ“). На самомъ сѣверномъ и южномъ концахъ земли вода обратилась въ сплошныя ледяныя горы, которыя тянутся на много десятковъ и сотенъ верстъ. (Карт.: „Великая ледяная стѣна“). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вода устремилась съ горъ въ бездны и образовала водопады. Таковъ, напр., Ниагарскій водопадъ (карт.), который обрушивается внизъ съ утеса вышиной въ 22 саж., потомъ 5 верстъ пробѣгаетъ по ущелью, глубиной въ 45 саж. И всѣ эти дивныя явленія природы, ихъ порядокъ, форма, мѣсто—все это предначертано Господомъ-Богомъ, и ничего не бываетъ не у мѣста и не во время. Все Ему служить, Ему повинуются и исполняютъ волю Его. *Хвалите Господа, восклицаетъ псалмопѣвецъ, огонь, градъ, снѣгъ, туманъ, бурный вѣтеръ творящіе слово Его* (Пс. 148, 7—8). Посему Церковь, имѣя глубокую вѣру въ то, что Богу вся природа повинуются и исполняютъ надъ человекомъ Божіи повелѣнія, взываетъ громкимъ голосомъ: „*Господи силъ съ нами будь всегда, ибо много кромѣ Тебя помощника въ скорбяхъ не имѣемъ, Господи силъ, помилуй насъ.* (Хоръ поетъ: Господи силъ“).

Но созданиемъ морей и рѣкъ твореніе въ третій день не окончилось. Богъ сказалъ: „*Да произраститъ земля зелень, траву, стѣющую стѣмля, и дерево плодовитое, приносящее по роду своему плодъ* (Быт. 1, 11). И стало такъ, согласно повелѣнію Божію. Земля произрастила сначала одинъ родъ растеній (такъ называемые геологическіе папоротники), потомъ—другой (цвѣтущая растительность—исполинскія лиліи) и наконецъ—деревья громадной вышины и толщины, многія изъ нихъ съ самыми удивительными свойствами. Нѣкоторыя деревья даютъ сокъ, подобный коровьему молоку. Другія деревья даютъ большіе плоды, которые замѣняютъ людямъ хлѣбъ. Иныя деревья исполняютъ у людей самую различную службу. Такъ, изъ бамбука, имѣющаго въ вышину свыше 20 арш., люди дѣлаютъ себѣ жилище, а изъ его листьевъ—крышу; изъ молодыхъ побѣговъ дѣлаютъ лукъ и стрѣлы; изъ расщепленнаго на полосы ствола плетутъ корзины, цыновки и т. п.; молодыя почки употребляютъ въ пищу, изъ листовыхъ волоконъ сучать нитки, вьютъ веревки и канаты, изъ нихъ же готовятъ бумагу, а изъ утолщеній на стеблѣ извлекаютъ цѣлебныя средства отъ нѣко-

торыхъ болѣзней. Появились также цѣлые лѣса въ океанѣ. Карт. „Подводный лѣсъ водорослей). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подъ водой находятся водоросли, вышиной до 70 сажень. Когда солнце станетъ въ самомъ высокомъ мѣстѣ неба, и лучи падутъ отвѣсно въ море, въ немъ открывается волшебное царство, въ однихъ мѣстахъ водоросли отливаютъ ярко-краснымъ цвѣтомъ, въ другихъ изумрудно-зеленымъ, въ третьихъ—золотисто-коричневымъ, въ четвертыхъ—синимъ, какъ небо. Всѣхъ диковинокъ, которыя, по слову Божію, появились въ 3-й день творенія, намъ не перечислить, и не достанетъ для полнаго ихъ изученія всей нашей жизни. Намъ остается только въ удивленіи передъ Божіимъ всемогуществомъ и премудростію воскликнуть вмѣстѣ съ Церковію: „*Кто Богъ велий, яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ, творяй чудеса.* (Хоръ поетъ: „Кто Богъ велий“).

Свящ. Василій Бестѣда.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Архіерейскія богослуженія.

22-го августа, въ воскресенье, Высокопреосвященный Архіепіскопъ Арсеній совершалъ литургію въ Покровской церкви Покровскаго монастыря въ сослуженіи монастырскаго духовенства.

Въ этотъ же день, въ 1 часъ дня, Его Высокопреосвященство изволилъ совершить закладку строящагося зданія епархіальной бібліотеки и церковнаго музея. Прибывъ на мѣсто постройки, Владыка былъ встрѣченъ предсѣдателемъ строительнаго комитета И. О. Самойловичемъ и членами комитета: протоіереемъ І. Гончаревскимъ, протоіереемъ В. Добровольскимъ, священниками Н. Липскимъ и К. Дьяковымъ, епархіальнымъ архитекторомъ В. Н. Покровскимъ и подрядчикомъ по постройкѣ И. К. Кабановымъ. За сѣмъ Владыка прошелъ въ нарочито устроенный въ центрѣ постройки павильонъ и, облачившись, отслужилъ водосвятный молебенъ. Въ служеніи участвовали: каедр. протоіерей С. Любичкій, ключарь протоіерей І. Гончаревскій, протоіерей В. Добровольскій и священникъ

Н. Липскій. Послѣ освященія воды, Владыка прочелъ молитву на основаніе дома и на четырехъ углахъ зданія совершилъ закладку дома, сложивъ изъ камней четыре креста и окропивъ стѣны зданія св. водою. Служеніе закончилось обычными многолѣтіями съ присоединеніемъ многолѣтія строителямъ дома.

Послѣ закладки Владыка заходилъ въ строящуюся новую Рождество-Богородничную церковь, осмотрѣлъ его, а также планы и проектъ иконостаса. Затѣмъ Владыка изволилъ зайти въ палатку, гдѣ строительнымъ комитетомъ ему предложена была небольшая закуска.

29-го августа, въ воскресеніе и усѣкновеніе главы предтечи и крестителя Іоанна, Преосвященный Василій, Епископъ Сумскій, совершалъ литургію въ Усѣкновенской кладбищенской церкви. Въ служеніи участвовали: ректоръ семинаріи протоіерей о. Алексѣй Юшковъ, настоятель церкви протоіерей о. Іоаннъ Пичета, протоіерей той же церкви о. Іоаннъ Знаменскій, ключарь протоіерей о. І. Гончаревскій, инспекторъ классовъ Епархіальнаго училища протоіерей о. Іоаннъ Котовъ и благочинный священникъ о. Даниилъ Поповъ. Пѣли литургію архіерейскій и мѣстный хоры. Церковь и кладбище были переполнены народомъ.

30-го августа, въ день св. благов. князя Александра Невскаго, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній совершалъ литургію въ Александро-Невской церкви, что на Зайковкѣ, по случаю храмового праздника. Въ сослуженіи съ Владыкою участвовали: ректоръ семинаріи протоіерей о. Алексѣй Юшковъ, ключарь собора протоіерей Іоаннъ Гончаревскій, благочинный священникъ о. Даниилъ Поповъ, священникъ каедр. собора о. Леонидъ Твердохлѣбовъ, настоятель церкви священникъ о. Алексѣй Жадановскій и священникъ о. Андрей Жадановскій. Пѣлъ литургію архіерейскій хоръ пѣвчихъ и на лѣвомъ клиросѣ мѣстный приходскій. Храмъ былъ переполненъ молящимися—прихожанами и горожанами.

Въ концѣ литургіи Владыка сказалъ проповѣдь. Изобразивъ значеніе жизни и дѣлъ св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго для Русскаго государства и церкви, любовь къ нему народа и необычайную скорбь народа о смерти его, Владыка остановился на обстоятельствахъ его блаженной кончины и въ нихъ указалъ примѣръ истинно христіанскаго отношенія къ смерти. Св. князь Александръ Невскій скончался на пути изъ Ханской ставки въ свой стольный городъ, случайно занемогши. Хотя тяжкій недугъ постигъ князя неожиданно и возможность смерти была очевидна, однако онъ

спокойно встрѣтилъ смерть и имѣлъ заботу лишь о томъ, чтобы по христіански къ ней приготовить себя. Такъ и мы, и всѣ христіане, когда угрожаетъ намъ смерть, должны оставаться спокойными, предавая себя въ волю Божію, и отнюдь не должны впадать въ уныніе, отчаяніе, безпокойство и волненіе, и только заботиться, чтобы не умереть безъ покаянія и приготовленія св. таинствами. Но въ то же время мы не должны и пренебрегать безъ нужды жизнію, ибо это даръ Божій, а должны принимать всѣ мѣры предосторожности отъ болѣзней и пользоваться всѣми имѣющимися и доступными средствами къ излѣченію. Настоящее холерное время, когда каждому изъ насъ грозитъ опасность заразиться этою жестокою болѣзнію и даже умереть, особенно необходимо намъ помнить этотъ примѣръ кончины св. князя Александра и имъ руководствоваться. Здѣсь Владыка преподалъ подробныя наставленія относительно умѣренности и осторожности въ пищѣ и питьѣ, относительно необходимости съ довѣріемъ относиться къ врачамъ и тѣмъ средствамъ, которыми они лѣчатъ, о необходимости соблюдать мѣры санитарныя. Владыка убѣждалъ слушателей помнить, что только „береженного Богъ бережетъ“ и привелъ много примѣровъ крайне неосторожнаго и невоздержаннаго употребленія недоброкачественной пищи людьми бѣдными, а также примѣры нарочитаго, самохвальнаго пренебреженія осторожностію во время эпидемическихъ болѣзней, которыя часто имѣли самый печальный исходъ.

Проповѣдь свою Владыка произнесъ съ обычною простотою и ясностію, но вмѣстѣ съ живостію и чувствомъ, что вызывало со стороны слушателей глубокое вниманіе къ слову Владыки и производило на нихъ сильное впечатлѣніе. Послѣ литургіи былъ отслуженъ молебенъ св. князю Александру Невскому съ провозглашеніемъ обычныхъ многолѣтій. По окончаніи богослуженія Владыка преподалъ всѣмъ благословеніе и, вышедши изъ церкви, изволилъ посѣтить квартиру настоятеля церкви и затѣмъ домъ церковнаго старосты.

31-го августа, въ 12 час. дня, въ Харьковскомъ кафедральномъ соборѣ гласные Харьковской городской думы, избранные на новое четырехлѣтіе, принимали установленную присягу. По этому случаю Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній въ сослуженіи причта кафедральнаго собора служилъ молебенъ, послѣ котораго были провозглашены многолѣтія Государю Императору, Св. Синоду и членамъ Харьковской городской думы. Послѣ этого Владыка, обратившись къ гласнымъ, сказалъ имъ рѣчь предъ присягой, которая напечатана въ № 16-мъ ж. „Вѣра и Разумъ“; затѣмъ Владыка въ

слухъ всѣхъ прочелъ текстъ присяги, гласные повторяли присягу за Владыкой, а по окончаніи подходили для цѣлованія евангелія и креста, который держалъ Владыка, и затѣмъ расписывались на присяжномъ листѣ.

8-го сентября, въ день Рождества Пресвятой Богородицы, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній совершалъ литургію въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря, вновь отремонтированной, въ сослуженіи монастырскаго духовенства. За литургіей Владыка сказалъ проповѣдь, въ коей изъяснилъ догматическое и нравственное значеніе событія Рождества Пресв. Богородицы.

Протоіерей І. Гончаревскій.

Освященіе церкви въ Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ.

27-го августа въ харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ было совершено освященіе новой Арсеніевской церкви въ старой архіерейской усыпальницѣ. Со времени открытія въ 1799 году самостоятельной Харьковской епархіи въ харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ существовала усыпальница архіереевъ, которая помѣщалась въ подвальномъ этажѣ большой Покровской церкви. Въ усыпальницѣ этой была всегда и церковь небольшая, пещерная, съ престоломъ во имя Трехъ Святителей. За время существованія епархіи здѣсь были погребены: архіепископы харьковскіе—Мелетій (Леонтовичъ), скончавшійся въ 1840 году, и Нектарій (Надеждинъ), скончавшійся въ 1874 г.; епископы харьковскіе: Христофоръ (Сулима), скончавш. въ 1813 году, Иннокентій (Александровъ), сконч. въ 1869 г., и архіепископъ екатеринославскій Феофилъ, сконч. въ 1830 году. При архіепископѣ Амвросіи, съ устройствомъ новой большой церкви Озерянской, была устроена подъ этою церковью и новая усыпальница для архіереевъ, причемъ здѣсь же была устроена и новая церковь во имя Трехъ Святителей, а церковь того же имени въ старой усыпальницѣ упразднена. Въ эту новую усыпальницу, былъ перенесенъ гробъ съ останками преосвященнаго архіепископа Мелетія, а въ 1901 году былъ погребенъ здѣсь и самъ архіепископъ Амвросій. Высокопреосвященный Арсеній нашелъ весьма неудобнымъ оставить безъ церкви и богослуженія старую усыпальницу, въ которой имѣютъ упокоеніе архипастыри и имѣется не мало мѣстъ для другихъ монашествующихъ и даже мірянъ, если бы таковыя пожелали быть здѣсь погребенными. Въ виду этого онъ и распорядился о возстановленіи здѣсь бывшей церкви, а братія Покровскаго

монастыря пожелала, чтобы новый престолъ ея былъ освященъ въ честь преподобнаго Арсенія великаго, на память объ архіерействѣ Высокопреосвященнаго Арсенія въ Харьковской епархіи.

Чинъ освященія храма совершалъ архіепископъ Арсеній, при участіи архимандритовъ Іосифа и Афанасія, духовника игумена Епифанія, эконома Іеромонаха Рафаила, казначея іером. Евстратія и ключаря кафедральнаго собора прот. І. Гончаревскаго. Пѣлъ архіерейскій хоръ пѣвчихъ. Церковь была переполнена молящимися. По окончаніи литургіи Архіепископомъ Арсеніемъ былъ отслуженъ молебенъ преподобному Арсенію.

Протоіерей І. Гончаревскій.

День въ Куряжѣ.

Всей паствѣ Харьковской хорошо извѣстенъ Куряжскій Спасо-Преображенскій мужской монастырь, лежащій на разстояніи 8 верстъ отъ города. Занимая чудное мѣстоположеніе, вблизи двухъ желѣзныхъ дорогъ, онъ неотразимо влечетъ къ себѣ богомольцевъ, не только Харьковской, но и сосѣднихъ губерній.

Многострадальная исторія монастыря очень печально отразилась на благосостояніи святой обители. Не роскошью своихъ построекъ, не блескомъ храмовъ, а исключительно величественностью и благолѣпіемъ служенія, очень часто архіерейскаго, славится Куряжъ.

Канунъ Преображенія... Храмовой праздникъ. Плавно и звучно лились удары монастырскаго колокола, зовущаго на вечернюю молитву—всенощное бдѣніе. Видна движущаяся толпа народа къ соборному Спасу храма. Владыка-настоятель идетъ со славою въ церковь, гдѣ въ присутствіи многочисленной толпы народа совершаетъ бдѣніе.

Окончилось богослуженіе очень поздно. Выйдя изъ храма, невольно почувствуешь красоту и величіе Божьяго міра, этого необъятнаго храма славы Творца. Чудная лѣтняя южная ночь. Трепетно свѣтитъ ясный мѣсяцъ. Вся затканная серебристыми нитями, обвиваемая теплымъ прохладнымъ вѣтеркомъ, какъ бы въ истомной дѣвственной дремотѣ, бѣлѣя, какъ свѣтъ Преображенья, висится обитель, властно господствуя надъ лѣсомъ, прудами, лугомъ и полемъ. Легко дышется... Такъ хорошо—хорошо...

При взглядѣ на святую обитель картина смѣняется картиной. Икона Преображенія, начертанная вверху святыхъ воротъ обители, вся облитая луннымъ свѣтомъ, перевитая мерцающимъ блескомъ

лампадокъ, влечетъ къ себѣ взоръ, заставляетъ обратить усиленное вниманіе, производить чарующее впечатлѣніе. Взглянешь вверхъ—чуть видны звѣзды на нѣжно-голубомъ небесномъ сводѣ-шатрѣ атмосферы; опустишь взоры ниже—вся колокольня обители унизана разноцвѣтными огнями, сіяющими на подобіе звѣздъ. Хорошо, такъ тихо, такъ отрадно на душѣ...

А тамъ вдали вьется, какъ змѣя, полоса стальныхъ рельсъ. Разрѣвая нѣжную дремоту ночи гулкимъ свистомъ, пыхтя и громыхая, проносится поѣздъ, теряясь въ далекой синевѣ горизонта...

Братія пошли по келліямъ; богомольцы въ страннопріемный домъ обители, что за стѣнами монастыря. Гуляя, я зашелъ въ садъ, гдѣ разговорился съ гостинникомъ. Повѣдалъ мнѣ онъ, что на мѣстѣ этого дома было лишь пустое пространство. Удобствъ для богомольцевъ—почти никакихъ. Новый домъ выстроенъ въ одну зиму усиліями настоятеля—Владыки Василя, трудами братіи дневно-нощно и неусыпно работавшими на постройкѣ. Не было денегъ, не было благотворителей, но желѣзная воля настоятеля и искренняя надежда на Верховную Помощь, преодолѣла, казалось, непреодолимая препятствія и... теперь домъ почти благоустроенъ, хотя, кажется, за монастыремъ еще много долгу, что теперь не такъ страшитъ братію, чающую лучшаго будущаго.

Владыка Василій—вездѣ и всегда самъ. Съ раняго утра до поздняго вечера занятъ работой: размѣриваетъ мѣсто, производитъ земляные вскопы, разматриваетъ чертежи второго новаго дома, предполагаемаго къ постройкѣ, присутствуетъ при выдѣлкѣ кирпича, словомъ, вся монастырская жизнь проходитъ при его личномъ участіи. Для улучшенія положенія монастырской братіи имъ уже сдѣлано многое; даже „бакча“ и та обратила на себя заботливость о. настоятеля. Монастырь попалъ несомнѣнно въ руки умѣлаго и опытнаго администратора. И теперь, въ день Преображенія, невольно желаешь преображенія монастыря: вмѣсто положенія бѣдной обители, старѣйшій монастырь Харькова долженъ занять подобающее ему мѣсто, гдѣ всѣ богомольцы будутъ находить душевный покой и пріютъ для усталаго тѣла... Буди, буди!

Радужно-алмазными брызгами солнечнаго свѣта подарило небо обитель въ утро Преображенія... На небѣ ни облочка. Чудилось: настала наконецъ желанная погода. Въ обители ждали пріѣзда благостнаго Архіепископа Арсенія. Высокій ростомъ, въ монашескомъ клубукѣ, съ посохомъ въ рукахъ, окруженный братією съ высокими

гостями духовнаго сана, прїѣхавшими раздѣлить молитвенную радость, святитель-настоятель встрѣчалъ другого святителя, маститаго старца кур-Арсенія. Тихо и плавно, качаясь на зыбкихъ рессорахъ, подкатилась къ монастырю карета Архіепископа. Радостнымъ, красивымъ звономъ „во вся тяжкая“ привѣтствовала братія прибытіе Высокопреосвященнѣйшаго Гостя.

Послѣдовала въ святой храмъ святительская встрѣча. Хоръ пѣвчихъ громогласно запѣлъ—„исполла эти деспота“. Владыка Арсеній, давъ цѣловать крестъ сослужащимъ ему, окропилъ себя водой и... шествіе двинулось. Чудная, непередаваемая картина! Весь путь былъ засланъ зеленью. Впереди Владыки шли дѣти и усѣивали дороги душистыми, пахучими травами и разными, цвѣтами—георгинами, астрами, гіацинтами, ромашкой, чернобривками, скромной петуньей... По облаченіи, началось служеніе Божественной литургіи. Владыкамъ сослужили о.о. Т. И. Буткевичъ, ректоръ Ал. М. Юшковъ, о. архимандритъ Аѳанасій, проф.-прот. Стеллецкій и др. іереи.

Протодіаконъ о. Вербицкій прїятно-рокочущимъ голосомъ, о которомъ идетъ слава далеко за предѣлы епархіи, бархатно-мягко произноситъ эктению, хоръ Архіепископа мелодично и стройно отвѣчаетъ на умиленные прошенія и въ этомъ духѣ проходитъ вся служба. Владыка-Архіепископъ, бодрый и энергичный, сердечно, а вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣльно-рѣчисто произноситъ возгласы; онъ молится о принятіи „безкровной жертвы о себѣ и о людскихъ невѣжествіихъ“.

Послѣ литургіи совершенъ крестный ходъ вокругъ монастыря съ чудотворной иконой Озерянскія Божія Матери. Толпа народа, религіозный подъемъ духа, блестящій сонмъ духовенства въ золотистыхъ облаченіяхъ, а особенно непрестанные возгласы—рцемъ вси, Господи помилуй, Пресвятая Богородице, спаси насъ, волновали душу, умиляли сердце и способствовали великому молитвенному настроенію.

За многолѣтіемъ слѣдовало—Спаси Христе Боже настоятеля и братію святыхъ обители сея... моленіе, закончившееся въ покояхъ Владыки новымъ многолѣтіемъ Преосвященному Василію, Епископу Сумскому, что было сдѣлано по предложенію Высокопреосвященнаго Архипастыря, милостиваго гостя и добраго пастыря.

Привѣтливымъ хозяиномъ была предложена трапеза, на которой Владыка-Настоятель сердечно благодарилъ Архіепископа за его постоянное любовно-отеческое, родное, заботливое отношеніе къ нуждамъ братіи и самой обители.

Провожаемый нескончаемымъ—исполла—съ букетомъ живыхъ цвѣтовъ Архіепископъ отбылъ изъ обители. Богомольцы разошлись

по своимъ домамъ, неся тихую радость и сердечное умиленіе въ свои семейства.

Широкаго процвѣтанія и многополезной дѣятельности искренно желаемъ Куряжу!

Одинъ изъ богомольцевъ.

Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Харьковской Духовной Семинаріи.

9 сентября с. г. Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, изволилъ посѣтить Харьковскую Духовную Семинарію для совершенія въ Семинарскомъ храмѣ молебствія предъ началомъ ученія. Владыка прибылъ въ Семинарію ровно въ 10 часовъ утра. У входа въ зданіе Его Высокопреосвященство былъ встрѣченъ ректоромъ Семинаріи, прот. А. Юшковымъ, и двумя иподіаконами въ облаченіяхъ, а въ вестибюлѣ зданія—торжественно о. ключаремъ кафедральнаго собора прот. І. Гончаревскимъ, свящ. о. А. Церковницкимъ, духовникомъ Семинаріи свящ. о. С. Крохатскимъ, о. протодіакономъ В. Вербицкимъ съ двумя діаконами, инспекторомъ Семинаріи Н. Страховымъ и всей семинарской корпораціей. Облачившись здѣсь въ мантию, Владыка приложился ко св. Кресту и окропилъ себя св. водой, а затѣмъ благословилъ всѣхъ здѣсь присутствующихъ, послѣ чего „со славою“ при пѣніи храмоваго тропоря „Апостоле Христу Богу возлюбленне“ послѣдовалъ по лѣстницѣ, по сторонамъ которой стояли воспитанники Семинаріи, въ храмъ. Встрѣченный у входа въ храмъ церковнымъ старостою Я. В. Сѣрымъ, Владыка прослѣдовалъ на солею. Помолившись здѣсь, Его Высокопреосвященство благословилъ присутствующихъ въ храмѣ, на что хоръ привѣтствовалъ его пѣніемъ „исъ полла эти, деспота“, а затѣмъ прослѣдовалъ въ алтарь, приложился къ св. престолу и началъ облачаться въ полное архіерейское облаченіе. Во время облаченія всѣми воспитанниками былъ пропѣтъ догматикъ 6-го гласа „Кто Тебе не ублажить“. Облачившись, Владыка вышелъ изъ алтаря на солею и обратился къ учащимъ и учащимся со слѣдующими словами:

„Помолимся, возлюбленные, Господу Богу, чтобы Онъ благословилъ начало трудовъ вашихъ въ предстоящемъ учебномъ году, чтобы Онъ даровалъ благополучіе въ вашей жизни и успѣхъ въ вашихъ учебныхъ начинаніяхъ, чтобы Онъ наградилъ васъ и добрымъ физическимъ здоровьевъ, какъ необходимымъ условіемъ для

успѣшнаго прохожденія вами курса ученія; чтобы Онъ просвѣтилъ вашъ умъ свѣтомъ евангельскаго ученія, направилъ вашу волю къ добру, содѣлалъ ее святой и благоугодной, чтобы Онъ укрѣпилъ ваше сердце въ высокихъ чувствованіяхъ и наконецъ охранилъ стѣвы вашего учебнаго заведенія отъ всякихъ бѣдствій и несчастій.

Прошлый учебный годъ, благодареніе Господу, окончился у васъ счастливо, благополучно, а нѣкоторые воспитанники оставили во мнѣ такое впечатлѣніе, лучше котораго и желать нечего: разумѣю выпускъ минувшаго года—бывшій шестой классъ. И въ другихъ классахъ семинаріи я наблюдалъ въ общемъ доброе направленіе и оставался доволенъ какъ прилежаніемъ воспитанниковъ, такъ и ихъ поведеніемъ. Желательно видѣть у васъ тоже самое и въ наступающемъ учебномъ году. А для сего начальствующіе и воспитатели должны быть особенно на стражѣ поведенія и вообще жизни своихъ питомцевъ. Главное ихъ вниманіе должно быть обращено на первый классъ, куда поступаютъ учащіеся изъ разныхъ учебныхъ заведеній, а нѣкоторые прямо изъ дому. Нужно съ самаго начала ихъ жизни въ семинаріи такъ направить ихъ умъ и волю, чтобы они возросли и окрѣпли въ духѣ и направленіи церковномъ, соотвѣтствующемъ характеру и цѣлямъ духовно-учебнаго заведенія, и тѣмъ поддерживали достоинство и честь нашего заведенія. Затѣмъ, требуетъ особаго попеченія со стороны учащихся и воспитателей четвертый классъ, въ которомъ, можно сказать, начинается періодъ созрѣванія юношей. Я всегда любилъ посѣщать четвертые классы семинаріи и здѣсь именно замѣчалъ часто умственное бурленіе, которое легко можетъ стать источникомъ и нравственнаго броженія. Долгъ учащихся—приходить на помощь въ разрѣшеніи сомнѣній равнаго рода и направлять пытливые умы къ одной цѣли—познанію истины, сохраняемой въ православной церкви. Что касается 5 и 6 классовъ, то это классы болѣе уже установившіеся, опредѣлившіеся и устойчивые, хотя комплекты этихъ классовъ бываютъ различны: одни сильные, другіе слабые, что заставляеть конечно на послѣдніе обращать болѣе усиленное вниманіе.—Въ заключеніе желаю вамъ, чтобы въ жизни вашего учебнаго заведенія никогда не повторилось печальное явленіе, бывшее въ Великомъ посту прошлаго года. Я никакъ не могу понять, какъ это можно въ такое время—послѣ всенощнаго бдѣнія подъ Воскресенье, въ день принятія св. Тайнъ, выходить на распутіе, хотя бы даже и съ невинной цѣлью посмотрѣть на проходящихъ безобразниковъ! Нужно знать время и мѣсто, различать

часы и минуты для различнаго рода дѣйствій и поступковъ—особенно вамъ, питомцамъ духовной школы.

Помолимся же Господу Богу, чтобы Онъ внялъ нашимъ прошеніямъ и упованіямъ и помогъ благополучно провести и этотъ наступающій учебный годъ. Пусть Господь осѣнитъ васъ свыше Своимъ благословеніемъ, а мы, глядя на ваши успѣхи, будемъ радоваться за васъ“.

Эти слова Владыки, сказанныя съ большимъ чувствомъ, были выслушаны присутствующими съ глубокимъ вниманіемъ.

Затѣмъ Его Высокопреосвященство, прослѣдовавъ на средину храма, на приготовленный амвонъ, благословилъ начало молебна. Въ сослуженіи Владыкѣ, при протоіакопѣ В. Вербицкомъ, участвовали: ректоръ семинаріи, ключарь кафедральнаго собора, духовникъ семинаріи и свящ. Церковниціи. Послѣ произнесенія обычныхъ многолѣтій и осѣненія всѣхъ присутствующихъ св. крестомъ, преподаватели, воспитатели и учащіеся въ порядкѣ подходили ко св. кресту и были окропляемы св. водой. Въ это время всѣми воспитанниками были пропѣты догматики 2, 4 и 6 гласовъ.

Затѣмъ, Его Высокопреосвященство, разоблачившись, при пѣніи „исъ полла эти, деспота“ вышелъ изъ храма и прослѣдовавъ въ квартиру ректора семинаріи, куда собралась и вся семинарская корпорація. Здѣсь за чаемъ Владыка милостиво бесѣдовалъ съ членами корпораціи, а затѣмъ, около 12 часовъ, сопровождаемый пѣніемъ „исъ полла эти деспота“, при колокольномъ звонѣ отбылъ въ свои архіерейскіе покои.

Юбилейное торжество.

30 мая текущаго года, въ слоб. Гусинкѣ, Кулянскаго уѣзда, съ Архипастырскаго благословенія Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, отпраздновано было пятидесятилѣтіе священнослуженія настоятеля Георгіевской церкви сл. Гусинки, протоіерея Василя Соколовскаго.

На торжество это собралось не мало духовенства и мірянъ, даже иноприходнихъ, изъ окрестныхъ селъ. Во главѣ духовенства были: мѣстный о. благочинный Василій Поповъ, настоятель Кулянскаго собора протоіерей Іоаннъ Левандовскій, протоіерей Николаевской церкви слоб. Григоровки Михайль Соколовскій. Всего представителей отъ духовенства явилось на юбилейное празднованіе около 20 человѣкъ.

Наканунѣ 30 мая и въ самый день празднованія юбилея,

въ обширной и прекрасно заново отремонтированной Гусинской церкви совершены были торжественныя службы, съ участіемъ самого юбиляра.

Юбиляру поднесены были адреса: отъ окружнаго духовенства и отъ прихожанъ слоб. Гусинки; а также поднесены были изготовленныя по особымъ заказамъ св. иконы: Георгія Побѣдоносца (двѣ иконы—одна отъ духовенства округа, другая—отъ сородичей юбиляра) и св. Василія Великаго—отъ прихожанъ слоб. Гусинки. Кромѣ того, отъ церковнаго старосты слоб. Гусинки (поднесенъ, сдѣланный по особому заказу, іерейскій посохъ, съ изображеніемъ на верхней его части цифры „50“, въ знакъ исполнившагося пятидесятилѣтія).

Не мало пришлось выслушать юбиляру душевныхъ привѣтствій и получить письменныхъ и телеграфныхъ поздравленій отъ лицъ, желавшихъ, но почему либо не могшихъ явиться и лично почтить юбиляра.

Послѣ литургіи и благодарственного молебна, у воздвигнутаго трудами юбиляра величественнаго каменнаго храма устроена была для богомольцевъ трапеца, за которою велась оживленная бесѣда по поводу столь рѣдкаго и знаменательнаго юбилейнаго празднества, а также о понесенныхъ виновникомъ торжества немалыхъ трудахъ и о заслугахъ его, какъ въ приходѣ, такъ и въ благочинническомъ округѣ.

Представители духовенства и другіе почетные гости были приглашены въ домъ юбиляра, гдѣ продолжалось чествованіе его.

Мы не можемъ не отгнѣнить того, что подобныя скромныя и идейныя празднества должны имѣть и имѣютъ огромное значеніе, при томъ—не столько для чествуемаго лица—юбиляра (годы его, быть можетъ, уже не располагаютъ къ тому, чтобы увлекаться подобнымъ чествованіемъ, а тѣмъ болѣе искать его), сколько для духовенства округа и для прихожанъ.

Юбильаръ—прот. слободы Гусинки о. Василій Соколовскій состоитъ духовникомъ въ округѣ и почти всѣ пятьдесятъ лѣтъ прослужилъ въ одномъ и томъ же скромномъ и довольно глухомъ сельскомъ приходѣ; и это—несмотря на то, что онъ окончилъ въ свое время семинарію однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ, съ медалью, всегда относился внимательно и усердно къ дѣлу проповѣдничества и былъ лучшимъ проповѣдникомъ въ округѣ (нынѣ онъ состоитъ цензоромъ проповѣдей). Ему представлялись случаи и, несомнѣнно, онъ могъ бы, если бы желалъ, воспользоваться ими, чтобы перейти на лучшее священническое мѣсто, даже въ Харьковъ, гдѣ были и есть нынѣ его товарищи по семинаріи. Но онъ, по скромности

своей и несомнѣнной привязанности къ приходу, остался и остается въ с. Гусинкѣ понынѣ.

Св. Апостолъ Павелъ писалъ: „просимъ васъ, братья, уважать трудящихся у васъ, и предстоятелей вашихъ въ Господѣ, и вразумляющихъ васъ, и почитать ихъ преимущественно съ любовію за дѣло ихъ“ (Фессал. V, 12—13). „Достойно начальствующимъ пресвитерамъ должно оказывать сугубую честь, особенно тѣмъ, которые трудятся въ словѣ и ученіи“ (1 Тимое. V, 17).

И такія „уваженіе“, „почитаніе“ и „сугубая честь“ не только имѣютъ значеніе для „трудящагося“, ибо могутъ служить ему нѣкоторымъ нравственнымъ удовлетвореніемъ, возмездіемъ, утѣшеніемъ въ понесенныхъ имъ и несомыхъ трудахъ; но и для собратьевъ по труду они могутъ служить моральною поддержкою и поощреніемъ.

Не даромъ еще Шекспиръ сказалъ: „каждое доброе дѣло, не удостоившееся похвалы, убиваетъ тысячи такихъ же дѣлъ, которыя могли бы за нимъ послѣдовать“ (Шекспиръ „Зимняя сказка“, д. 1, сц. 2).

Необходимо поэтому умѣть замѣчать и всячески поддерживать достойныхъ служакъ, указывать на нихъ и другимъ. Добрый примѣръ—великое дѣло. „Примѣръ заразителенъ“,—это вошло въ поговорку. И вотъ нужно находить побольше добрыхъ примѣровъ.

Въ заключеніе—два слова о семьѣ юбиляра—настоятеля церкви слоб. Гусинки. Жена его, умершая въ 1882 году, была украинская поэтесса: стихотворенія ея изданы въ сборникѣ, подъ заглавіемъ „Зірка“. Одинъ изъ сыновей юбиляра—священникъ Харьковской епархіи; другой—наставникъ нѣсколькихъ учебныхъ заведеній въ г. Воронежѣ (окончилъ курсъ университета); третій—секретарь одной изъ южныхъ дух. консисторій, (окончилъ дух. академію) и извѣстный ораторъ, рѣчи котораго выслушиваются многолюдною публикою съ особымъ вниманіемъ, говоритъ ли онъ на темы политическія, или на темы общежитейскія. Многія рѣчи его были напечатаны въ мѣстныхъ періодическихъ, а замѣтки о нихъ—даже въ столичныхъ органахъ печати.

И если восточная мудрость народная говорить, что „есть три добрыхъ дѣла: построить домъ, посадить дерево и воспитать дитя“, то Гусинскому юбиляру, по справедливости, должна быть отдана честь и по воспитанію дѣтей—Церкви и Отечеству во благо, себѣ же на утѣшеніе.

Протоіерей Михаилъ Андреевичъ Юшковъ.

(НЕКРОЛОГЪ).

Юля 20 дня сего года въ 2 часа дня, послѣ продолжительной болѣзни, напутствованный Св. Тайнствами Причащенія и Елеосвященія, тихо и мирно скончался на 82 году протоіерей о. Михаилъ Юшковъ, жившій въ послѣднее время у своего сына, ректора Харьковской Духовной Семинаріи.—Смерть о. протоіерея не была неожиданностью для родныхъ; онъ, по оставленіи службы при Николаевской больницѣ, гдѣ, по выходѣ за штатъ, въ теченіе 8 лѣтъ исполнялъ обязанности священника, продолжалъ жить въ квартирѣ своего зятя, священника о. Сергія Посельскаго, и часто хворалъ, страдая одышкой и болью въ желудкѣ. Тѣмъ не менѣе по временамъ онъ настолько чувствовалъ себя здоровымъ, что изрѣдка исполнялъ требы за своего зятя о. Сергія, посѣщалъ родныхъ и знакомыхъ. Переѣхавъ въ этомъ году съ своею женою на житье къ своему среднему сыну, ректору семинаріи о. Алексѣю, и окруженный здѣсь вниманіемъ и любовью ласковой невѣстки, онъ думалъ насладиться покоемъ, отдохнуть душею и тѣломъ. Но Господь судилъ иначе—Онъ далъ вѣчный покой на небѣ Своему труженику! 15 юля о. протоіерей сразу почувствовалъ сильный упадокъ силъ и боль въ желудкѣ (болѣзнь печени). Приглашенный врачъ облегчилъ нѣсколько страданія больного, но дѣти видѣли, что отецъ уже доживаетъ послѣдніе дни. Больной и самъ, повидимому, предчувствовалъ свою близкую кончину и пожелалъ приобщиться Св. Таинъ и принять таинство Елеосвященія. О. протоіерей былъ напутствованъ Св. Тайнствами и, проболѣвъ пять дней, 20 юля въ 2 часа дня скончался.

Тиха, покойна и поучительна была кончина усопшаго о. протоіерея, а потому считаемъ долгомъ подѣлиться съ нѣкоторою подробностью тѣми свѣдѣніями, какія мы имѣемъ о его кончинѣ.

Разлуку души съ тѣломъ Св. Церковь называетъ тайною. *Егда душа отъ тѣла резлучается, ужасное таинство, и страшное встѣмъ* (чинъ погребенія священническаго). Изъ наблюдений надъ умирающими дѣйствительно можно извлечь нѣчто о томъ, какъ чувствуютъ себя разлучающіеся съ тѣломъ. Послѣднія рѣчи ихъ, въ которыя съ такимъ вниманіемъ вслушиваются окружающіе, послѣдніе взгляды, на которые такъ пристально они всматриваются, словомъ все внѣшнее состояніе умирающаго иногда даетъ окружающимъ хотя слабую возможность судить о состояніи души умирающаго. Извѣ-

ство, что нѣкоторые умирающіе имѣли различныя видѣнія. Видѣнія предъ смертью весьма естественны. Какъ домъ, сдѣлавшійся ветхимъ, даетъ трещины, сквозь которыя можно видѣть то, что дѣлается внѣ дома, такъ и сквозь трещины распадающейся храмины тѣла иногда видны бываютъ душѣ дѣла духа, принадлежація къ міру духовному. Тайнственна, конечно, была разлука съ тѣломъ кроткой души усопшаго о. протоіерея. Но она была такъ величественна, совершилась съ такимъ полнымъ сознаниемъ, съ такимъ христіанскимъ мужествомъ и торжествомъ духа надъ тлѣющимъ тѣломъ...

20 іюля усопшій за нѣсколько часовъ предъзналъ свою кончину. Въ этотъ день, пріобщившись еще разъ Св. Тайнъ, онъ сталъ готовиться къ смерти, причемъ окружающимъ роднымъ отчетливо говорилъ: „Святѣйшій наблюдаетъ, кого слѣдуетъ взять въ этотъ день изъ этого міра“. Лежа на смертномъ одрѣ, онъ подзвалъ свою жену, дѣтей и внуковъ. „Подойдите ко мнѣ, сказалъ онъ, я вамъ передамъ свое послѣднее благословеніе“. И семья окружила ложе умирающаго отца. Первая подошла его жена Р. А., которую онъ поцѣловалъ и благословилъ, потомъ подошли дѣти и внуки и онъ каждому изъ нихъ благословилъ и каждому сыну и дочери сказалъ нѣсколько словъ. По окончаніи благословенія, покойный почувствовалъ въ душѣ смертельную тоску. Дѣти, видя тоску умирающаго, поняли ее и одинъ изъ сыновей его, о. Михаилъ, въ ту же минуту, облачившись, началъ читать отходную молитву. Трогательная и умиленная картина представилась глазамъ. У изголовья и ногъ умирающаго стоятъ въ глубокой скорби супруга, дѣти и внуки; предъ самымъ лицомъ умирающаго сынъ священникъ читаетъ молебный канонъ Пресвятой Богородицѣ. Сколько нужно было силы вѣры въ Господа, чтобы не смутиться и не пасть духомъ! И умирающій, дѣйствительно, съ христіанскимъ спокойствіемъ выслушалъ канонъ и, по окончаніи его, совершилъ на себѣ крестное знаменіе, устремилъ свой взоръ на икону Богоматери. Но что это за взоръ былъ! Въ этомъ свѣтѣ очей отразилась вся свѣтлая душа покойнаго. Это былъ послѣдній потухающій лучъ жизни, который съ каждымъ мгновениемъ быстро угасалъ и наконецъ тихо потухъ на-вѣки.

Покойный протоіерей о. Михаилъ родился 12 іюля 1829 года въ слободѣ Зориковкѣ, Старобѣльскаго уѣзда. Отецъ его Андрей Юшковъ былъ діакономъ въ этой слободѣ. Семейство Юшкова состояло, кромѣ его самого, изъ жены Варвары Ивановны, урожденной Инноковой, четырехъ сыновей и 4-хъ дочерей. Всѣ дѣти отъ природы надѣлены богатыми дарованіями и воспитаны въ строгихъ

правилахъ благочестія. Такъ, три сына: Алексѣй, Михаилъ и Александръ окончили курсъ наукъ въ Харьковской Духовной Семинаріи со степенью студента, меньшей-же Петръ, здравствующій и нынѣ, съ серебряной медалью. Всѣ четыре сестры о. Михаила были въ замужествѣ за духовными лицами и Капитолина, насколько мы помнимъ, была замужемъ за священникомъ о. Аристовуломъ Кохановымъ. Какъ братья, по окончаніи курса, движимые чувствомъ призванія, посвятили себя на служеніе Богу въ священномъ санѣ и состояли приходскими священниками въ селахъ, такъ и о. Михаилъ, по окончаніи курса въ 1851 году, былъ рукоположенъ въ 1853 г. во священники къ церкви Казанской Божіей Матери слободы Старовѣровки, Купянскаго уѣзда; въ 1860 г. переведенъ на священническое мѣсто къ Вознесенской церкви слоб. Песокъ близъ г. Изюма; въ 1890 году былъ переведенъ въ слободу Ново-Павловку, Изюмскаго уѣзда, къ Іоанно-Предтеческой церкви; въ 1892 году по прошенію переведенъ къ Софійской церкви слободы Стратилатовки, Изюмскаго уѣзда; въ 1899 году о. Михаилъ вышелъ за штатъ и назначенъ исправлять требы въ Николаевской больницѣ г. Харькова, гдѣ, прослуживъ 8 лѣтъ, оставилъ службу по слабости здоровья.

За примѣрную исполнительность своихъ пастырскихъ обязанностей и строгую нравственную жизнь о. протоіерей имѣлъ слѣдующіе знаки одобренія, въ порядкѣ постепенности даваемые: 18 января 1862 г. получилъ набедренникъ, 17 апрѣля 1871 г.—бархатную фіолетовую скуфью, 1 апрѣля 1879 г.—камилавку, 20 марта 1884 г.—наперсный крестъ, апрѣля 1 1890 г.—орденъ Анны 3-й ст.; въ 1898 году—санъ протоіерея и 1903 году—орденъ св. Владиміра 4 ст. за пятидесятилѣтнее служеніе въ санѣ священника. Кромѣ того покойный имѣлъ: бронзовый крестъ наперсный въ память Крымской войны 1853—1856 г., серебряную медаль въ память царствованія Императора Николая I и такую же медаль въ память царствованія Императора Александра III. При оставленіи службы при Николаевской больницѣ о. Михаилу въ знакъ благодарности за ревностное исполненіе имъ пастырскихъ обязанностей корпораціей больницы была поднесена икона св. Николая.

Могила скрыла отъ насъ прахъ достойнаго о. протоіерея Михаила. Но намъ представляется духовный образъ его въ такомъ общемъ видѣ.—Какъ *человѣкъ*, о. протоіерей обладалъ рѣдкими качествами души. Неискательный по характеру, чуждый гордаго самолюбія и властолюбія, но стойкій въ убѣжденіяхъ, онъ со всѣми былъ привѣтливъ, любезенъ и обходителенъ. Будучи отъ природы

миролюбивымъ, незлобивымъ, онъ никого не осуждалъ, даже тѣхъ, кто причинялъ ему обиды и оскорбленія. Онъ все покрывалъ своею любовью: не помнилъ долго сдѣланнаго ему зла, скоро забывалъ причиненное ему огорченіе и никогда не жаловался ни на кого епархіальному начальству. Всѣхъ и каждого встрѣчалъ онъ съ сердечной привѣтливостью и искреннимъ радушіемъ. По отношенію къ своимъ роднымъ онъ былъ добрымъ другомъ, совѣтникомъ и, несмотря на скромныя средства свои и большое семейство, оказывалъ роднымъ сиротамъ сильное вспомошествованіе.—Въ семейной жизни почившій былъ добрымъ мужемъ и заботливымъ христіанскимъ *отцомъ* большого семейства, которое онъ воспиталъ въ страхѣ Божіемъ и добрыхъ навыкахъ христіанской жизни—главнымъ образомъ личнымъ примѣромъ своей мирной и благочестивой жизни. Дѣти съ самыхъ юныхъ лѣтъ видѣли въ лицѣ отца благоговѣйнаго священнослужителя, видѣли, что онъ служилъ Богу ревностно, призывалъ Его съ надеждою, благодарилъ Его съ живымъ чувствомъ признательности, управлялъ своимъ домомъ мудро, поступалъ съ ближними дружелюбно, несчастье переносилъ съ терпѣніемъ, счастьемъ пользовался умеренно; а потому и сами возрастали и укрѣплялись въ благочестіи. И признательные его дѣти, наслаждаясь благоденствіемъ земной жизни, не обинуясь засвидѣтельствуютъ, что счастье ихъ есть плодъ его неусыпныхъ отеческихъ попеченій, бдительнаго вниманія и непрестаннаго внушенія словомъ и примѣромъ своей жизни. Всѣ дѣти о. протоіерея расиредѣлены по мѣстамъ. Сыновья его состоятъ на службѣ: о. Ѳеодоръ въ г. Ахтыркѣ при Успенской церкви священникомъ и благочиннымъ 1 округа, о. Алексѣй—ректоромъ Харьковской Духовной Семинаріи и о. Михаилъ—настоятелемъ Озерянской церкви г. Харькова. Три дочери: Раиса—вдова священника о. Веніамина живеть при сестрѣ своей Анастасіи Посельской, Вѣра—въ замужествѣ за священникомъ о. З. Гладковымъ и Анастасія въ замужествѣ за священникомъ Харьковской Кирилло-Меодіевской церкви о. С. Посельскимъ. Такое прекрасное устроеніе дѣтей до глубины души радовало маститаго о. протоіерея, и онъ, живя въ кругу своихъ дѣтей и видя ихъ счастье и взаимную любовь, забывалъ всѣ скорби и лишенія, какія пришлось ему пережить въ своей продолжительной жизни.

О. протоіерей былъ образцовымъ приходскимъ *священникомъ*. Онъ аккуратно и съ великимъ благоговѣніемъ выполнялъ всѣ церковныя службы и добросовѣстно исполнялъ всѣ религіозно-нравственныя желанія прихожанъ. Допускать какія-либо сокращенія въ служ-

бахъ или дѣлать отступленія отъ устава было не въ его правилахъ. Въ православномъ богослуженіи о. протоіерей видѣлъ не только способъ формально-внѣшняго выраженія религіозныхъ чувствъ православнаго христіанина, сколько наглядное выраженіе догматическаго ученія церкви, а сверхъ того,—живую доступную для всѣхъ нравственно-воспитательную книгу. И вотъ основаніе, почему не утомлялся онъ самъ богослуженіемъ по уставу, не встрѣчалъ жалобъ на утомленіе и отъ тѣхъ, которые искали въ богослуженіи не развлеченія, а дѣйствительной христіанской молитвы и назиданія. Такая ревность объ уставности церковныхъ службъ не ослабѣвала въ немъ и тогда, когда преклонный возрастъ и старческая слабость давали уже знать о себѣ. Совершая богослуженія истово, торжественно, съ чувствомъ горячей вѣры и умиленія, о. протоіерей всегда сопровождалъ ихъ назидательными поученіями, по большей части имъ самимъ составленными, чѣмъ постоянно привлекалъ въ храмъ массу молящихся. Такихъ поученій его въ рукописи сохранилось очень много. Въ нихъ о. протоіерей раскрывалъ пасомымъ истины православной вѣры и нравственности просто, ясно, послѣдовательно и приспособительно къ понятіямъ своихъ простыхъ слушателей. Прочитывая ихъ, нельзя было не вспомнить добрымъ словомъ старую семинарскую школу сороковыхъ годовъ, въ которой воспитывался о. протоіерей, за то, что она, не давая множества знаній, давала и воспитывала большой навыкъ къ самодѣятельности. Этому навыку къ самодѣятельности, которую развила въ немъ школа, о. протоіерей обязанъ развитіемъ своихъ недюжинныхъ природныхъ умственныхъ дарованій. Недостаточность же богословскихъ знаній, благодаря любознательности и развитому уму, восполняема была о. протоіереемъ постояннымъ чтеніемъ серьезныхъ богословскихъ журналовъ и книгъ, изъ которыхъ составила у него порядочная библіотека. Даже находясь на смертномъ одрѣ, покойный не могъ разстаться съ книгою. Отношенія о. протоіерея къ своимъ пасомымъ во всѣхъ приходахъ, какіе онъ занималъ, были близкія, любвеобщительныя, въ полномъ смыслѣ отеческія. Но особенно эта близость и взаимная любовь образовались и крѣпли изъ года въ годъ между нимъ и прихожанами въ слободѣ Пескахъ близъ г. Изюма. Въ этомъ приходѣ покойный священствовалъ 31 годъ и пользовался большимъ уваженіемъ и любовью не только своихъ прихожанъ, но и многихъ гражданъ г. Изюма. Вотъ почему больно было ему порывать дорогія нити любви, связавшія его съ прихожанами сл. Песокъ,—слишкомъ крѣпки онъ, далеко залегли въ его сердце!

Выносъ останковъ почившаго изъ квартиры о. ректора семинаріи, протоіерея А. Юшкова, въ Озерянскую церковь состоялся 21 іюля 8^{1/2} часовъ утра, а погребеніе 23 іюля, послѣ заупокойной литургіи, которую совершалъ преосвященный Василій, Епископъ Сумскій, въ сослуженіи ректора семинаріи о. А. Юшкова, настоятеля Вознесенской церкви слободы Песокъ, Изюмскаго уѣзда, протоіерея С. Коханова, и священниковъ: о. Іоанна Иннокова, о. Алексѣя и Андрея Жадановскихъ и о. Стефана Крохатскаго. Въ 10^{1/2} часовъ утра Преосвященнымъ Васи́ліемъ совершенъ былъ чинъ погребенія въ сослуженіи Члена Государственнаго Совѣта, митрофорнаго протоіерея о. Т. Буткевича, и болѣе 20 протоіереевъ и священниковъ. Въ концѣ погребенія, именно, по прочтеніи разрѣшительной молитвы, священникъ Іоаннъ Инноковъ сказалъ слѣдующее слово родственнаго сочувствія супругѣ почившаго протоіерея Раисѣ Алексѣевнѣ Юшковой.

„Вотъ наступила минута, когда по призыву св. церкви мы должны дать послѣднее цѣлованіе новопреставленному протоіерею Михаилу и сказать ему: „прости на вѣки“. Каждый изъ насъ при этомъ прощаніи испытываетъ великую горечь болѣзненнаго чувства скорби и печали. Какую же скорбь и печаль испытываютъ оставшаяся супруга, дѣти и всѣ присные!

Поэтому душевно желалось бы мнѣ сказать вамъ, достойнѣйшая, страждущая супруга и всѣмъ здѣсь предстоящимъ—приснымъ что-нибудь утѣшительное въ постигшей насъ скорби. Но не могу и не смѣю предлагать въ подобныхъ случаяхъ слова человѣческихъ утѣшеній, тѣмъ болѣе вамъ приснымъ, честные іереи, такъ какъ вы сами имате помазаніе отъ Святаго и вѣсте словеса утѣшеній евангельскихъ. Если только слово искреннаго участія можетъ быть сколько-нибудь приемлемо страждующею по человѣчеству душою, пріймите его изъ родственныхъ чувствъ.

Благая пріяхомъ отъ руки Господни. Да будетъ имя Господне благословенно во вѣки! Восемьдесятъ одинъ годъ жизни; болѣе пятидесяти лѣтъ доброй пастырской службы, пятидесяти-семи-лѣтнее супружество ваше, мирное, согласное, исполненное взаимной любви и предупредительности, благословенное по-истинѣ воспитаніе и устроеніе дѣтей и радость на ихъ взаимную любовь и счастье, утѣшеніе видѣть и чада чадъ, слышать подъ старость голоса невиннаго дѣтства и разцвѣтающей юности, общая любовь и преданность всѣхъ присныхъ и знакомыхъ, и кончина житія мирная и

тихая, въ самой болѣзни исполненная полной преданности волѣ Божіей—все такое не всѣмъ, можетъ быть-немногимъ, дается въ жизни. *Да будетъ имя Господне благословенно во вѣки!*

Намъ нужно имѣть близкихъ себѣ людей не только здѣсь въ этомъ мірѣ, но въ другой жизни загробной; ибо и мы всѣ тамъ будемъ. Въ разное время переходимъ мы изъ этого міра въ другой, конечно, не безъ причины. И вѣроятно, не потому только это такъ бываетъ, что въ разное время мы и приходимъ въ этотъ міръ и идемъ разными путями, но вѣроятно и затѣмъ это совершается, чтобы мысль наша самыми земными привязанностями живѣе понуждалась переноситься изъ этого міра въ другой, чтобы отходящимъ въ другой міръ имѣть остающихся близкихъ молитвенниковъ за себя въ этомъ мірѣ, а остающимся здѣсь до времени—чтобы имѣть упреждающихъ предстателей за себя тамъ—предъ престоломъ Божіимъ.

Помолимся же о новопреставленномъ протоіерѣ Михаилѣ, чтобы упокоилъ его Господь въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ злачнѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, и попросимъ его (ибо уповаемъ, что дарована будетъ ему и эта благодать отъ Господа) помолиться за насъ тамъ, *идѣже естъ невечерьющій, и радость неизреченная и блаженство безконечное*. Аминь.

По окончаніи отпѣванія всѣ почти участвовавшіе въ немъ, во главѣ съ митрофорнымъ протоіереемъ о. Т. Буткевичемъ, проводили прахъ почившаго о. протоіерея до мѣста вѣчнаго его упокоенія—на Кирилло-Меѳодіевское кладбище. Когда погребальная процессія приблизилась къ воротамъ ограды Кирилло-Меѳодіевской церкви, Преосвященный Василій съ настоятелемъ и причтомъ этой церкви встрѣтилъ и проводилъ прахъ почившаго о. протоіерея въ церковь, при которой онъ числился сверхштатнымъ священникомъ и часто совершалъ въ ней богослуженія, гдѣ и была совершена литія. По окончаніи ея мѣстный настоятель, священникъ о. Сергій Посельскій, произнесъ слѣдующую глубоко прочувствованную рѣчь:

„Дорогой мой отецъ и учитель!

Какъ священникъ, состоящій при этомъ храмѣ, я сознаю за собою долгъ и право привѣтствовать тебя съ твоимъ приходомъ въ этотъ храмъ. Но только въ этомъ твоёмъ такомъ торжественномъ входѣ, среди многочисленнаго сонма свѣтлооблаченнаго духовенства, возглавляемаго Епископомъ, я сегодня съ трудомъ узнаю тебя,—всегда такого скромнаго. Много разъ ты входилъ въ этотъ храмъ; и образъ твоего вхожденія въ него ярко стоитъ передъ моими гла-

зами. Какъ сейчасъ вижу тебя, идущаго въ церковь тихую старческою походкою, съ одной стороны опирающагося на неразлучную спутницу старческаго возраста—палку, а съ другой стороны поддерживаемаго болѣе ранней подругой жизни—своей вѣрной женою. Но еще чаще входъ твой въ этотъ храмъ былъ скромнѣе этого. Въ длинныя осеннія и зимнія ночи, задолго до разсвѣта, ты самъ—въ одиночествѣ и никѣмъ не зримый, проходилъ этотъ путь отъ дома до храма, обыкновенно—такой короткій и легкій, но въ масштабѣ твоихъ старческихъ силъ длинный и трудный, часто увязая въ снѣжныхъ заносахъ и падая на стропотномъ пути. Приходя въ церковь раньше за нѣсколько часовъ до службы, ты одинъ молился здѣсь по многу и за многихъ, одному тебѣ вѣдомыхъ, не позволяя себѣ, при всей своей слабости и усталости, даже присѣсть, а поддерживаясь рукой за жертвенникъ.

Правда, послѣднее твое служеніе въ этомъ храмѣ было совершено также при торжественной обстановкѣ. Это было въ первый день Пасхи этого года. Богослуженіе это было для насъ обоихъ большимъ подвигомъ. Говорю это не въ похвальбу себѣ, а потому, что не имѣю права умолчать о томъ, что принадлежитъ тебѣ по справедливости.

Случилось такъ, что въ Страстную Субботу я занемогъ и весь день пролежалъ въ постели. Служить пасхальную службу я отправился, вставши прямо съ одра болѣзни. Ты, опасаясь за мое здоровье и желая поддержать меня въ служеніи, при своей собственной слабости, рѣшился служить. Служили мы оба опасаясь другъ за друга. Богъ подкрѣпилъ насъ; службу мы совершили, но это служеніе для тебя было послѣднимъ. Съ этого дня ты слегъ въ постель, съ которой потомъ и не всталъ болѣе.

Не смѣю тебя долго задерживать въ твоемъ нынѣшнемъ торжественномъ и страшномъ шествіи. Но позволю себѣ сказать еще три слова: благодарю тебя, дорогой отецъ, за твои ко мнѣ родственныя чувства, которыя ты удѣлялъ мнѣ какъ члену твоей семьи! Благодарю тебя, дорогой учитель, за уроки благоговѣнія и ревностнаго Богу служенія, которые ты преподалъ мнѣ въ этомъ храмѣ своимъ примѣромъ! Благодарю тебя, дорогой сотрудникъ, за тѣ многіе труды твои, какіе ты понесъ здѣсь, помогая мнѣ въ служеніи! А милосердый Богъ, по молитвамъ Владыки нашего, да окажетъ тебѣ тамъ такой же благоувѣтливый пріемъ, съ какимъ горячимъ расположеніемъ къ тебѣ мы провожаемъ тебя отсюда“.

Затѣмъ тѣло почившаго о. протоіерея на рукахъ священниковъ обнесено было вокругъ храма, опущено въ склепъ и предано землѣ.

Антоніевской Университетской церкви

Священникъ І. Иннокоевъ.

Иноепархіальный отдѣлъ.

Пастырямъ и пасомымъ Орловской епархіи
Александра, Епископа Орловскаго и Сѣвскаго.

(Продолженіе *).

Какъ извѣстно, взгляды сектантовъ-пашковцевъ и баптистовъ на вѣру и церковь сложились подъ вліяніемъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, но сектанты пошли дальше лютеранства въ развитіи рационалистическихъ положеній въ вѣрѣ и пришли къ полному отрицанію всѣхъ церковныхъ началъ въ религіозной жизни человѣка. Они совершенно отвергаютъ необходимость Св. Преданія, они признаютъ единственнымъ источникомъ и единственнымъ правиломъ вѣры Св. Писаніе, предоставляя каждому человѣку понимать и толковать его по своему усмотрѣнію, независимо отъ авторитета отцовъ и учителей церкви въ пониманіи слова Божія. Они учатъ, что человѣкъ получаетъ оправданіе и спасается единственно за вѣру въ искупительную жертву Христа, безъ всякаго отношенія къ дѣламъ человѣка, какія бы они ни были. Увѣровавшій во Христа вступаетъ въ непосредственное общеніе со Христомъ, становится чадомъ Божиимъ, котораго Христосъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ благодати Св. Духа оправдываетъ и дѣлаетъ наслѣдникомъ славнаго и вѣчнаго Царства Божія. Вслѣдствіе такого воззрѣнія на условія оправданія человѣка сектанты естественно отрицаютъ таинства, чрезъ которыя, по ученію Церкви, сообщается вѣрующему благодать Св. Духа, отвергаютъ совершителей таинствъ, свящ. іерархію—епископовъ и священниковъ, называя ихъ оскорбительными именами, какъ людей не только не нужныхъ, но и вредныхъ, не признаютъ самой Церкви, въ смыслѣ Богоучрежденнаго общества вѣрующихъ, отрицаютъ почитаніе Пресвятой Богородицы, ангеловъ, угодниковъ Бо-

*) См. ж. „В и Р.“, от. Извѣстій и Замѣтокъ № 16 за 1910 г.

жіихъ, не признають молитвъ Церкви за живыхъ и умершихъ, почитанія иконъ, отвергають посты, праздники и т. д. Не касаясь особенностей, которыми отличаются секты пашковцевъ и баптистовъ одна отъ другой, скажемъ кратко, что та и другая секта, своимъ ученіемъ, отрицаетъ весь строй церковной жизни и разрушаетъ все дѣло спасенія, совершенное Іисусомъ Христомъ. Можно ли послѣ этого спокойно смотрѣть на пропаганду сектантскихъ заблужденій, можно ли не говорить о ней, можно ли не противодѣйствовать распространенію этихъ пагубныхъ заблужденій среди православнаго народа!

Пастыри Церкви Христовой, наши соработники на нивѣ Божіей! Молимъ васъ имеемъ Пастыреначальника нашего Іисуса Христа, станьте стражами и хранителями вѣренной вамъ Богомъ паствы, памятуя, что за каждую овцу Христову, вамъ утерянную, вы будете отвѣчать предъ Господомъ. Пасите стадо Христово, какъ добрые пастыри, готовые положить душу свою за овцы своя при видѣ волковъ, готовыхъ расхитить овецъ вашего стада (Іоан. 10, 11—12).

Прежде всего приложите все ваше стараніе къ наученію и утвержденію вашихъ пасомыхъ въ православномъ исповѣданіи вѣры. Проповѣдь ваша и вообще учительное слово ваше должны по содержанию своему отвѣчать духовному состоянію вашей паствы.—Если въ приходѣ еще нѣтъ сектантской пропаганды, то въ поученіяхъ вашихъ останавливайте вниманіе ваше на раскрытіи положительнаго ученія православной Церкви, уясняйте значенія св. Церкви въ дѣлѣ совершенія нашего спасенія, говорите о необходимости совершенія св. таинствъ, церковнаго богослуженія, о необходимости почитанія святыхъ, о важности и необходимости молитвъ за умершихъ и т. д. Если уже появились въ приходѣ сектанты и ведутъ среди православныхъ пропаганду своихъ заблужденій, то, рядомъ съ положительнымъ изложеніемъ ученія православной Церкви, можно и должно касаться тѣхъ ложныхъ ученій, мнѣній и обычаевъ, которыми сектанты замѣняютъ православные догматы и обряды. Это опроверженіе можетъ быть сильно, настойчиво, но, какъ говоритъ *книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ* (§ 28) „безъ всякихъ ругательствъ“.

Излагая положительное ученіе православной Церкви и опровергая заблужденія сектантовъ, пастырь долженъ съ настойчивостію внушать своимъ пасомымъ, что святая Христова вѣра сохраняется только въ чистомъ сердцѣ, что душа, переполненная грѣхами, не можетъ воспринять чистаго свѣта Богопознанія, а если бы и могла, то не въ силахъ удержать воспринятаго: добро и зло не могутъ быть

вмѣстѣ, свѣтъ и тьма, ложь и истина не могутъ войти въ соглашеніе. Поэтому вѣрующіе должны имѣть чистое отъ грѣховъ сердце, направлять свою жизнь всегда по ученію православной Церкви, жить по вѣрѣ. Жизнь по вѣрѣ, содѣвая спасеніе наше, покажетъ и сектантамъ истинность нашей православной вѣры и святость Церкви и заградитъ уста ихъ отъ хуленій жизни православныхъ христіанъ.

Пользуйтесь для вашей проповѣди не только храмомъ Божиимъ и временемъ богослуженія въ немъ, но и всякимъ мѣстомъ и временемъ, по слову Апостола: *проповѣдуй слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ* (2 Тим. 4, 2). Совершеніе требъ и частныхъ богослуженій въ домахъ поселянъ сближаютъ естественно пастыря съ пасомыми и даютъ ему возможность стать къ нимъ въ чисто отеческія отношенія, даютъ ему возможность узнать всѣ запросы ихъ духа, всѣ ихъ думы, всѣ скорби и радости и такъ или иначе выразить къ нимъ свое отношеніе, свое сочувствіе и состраданіе.

(Окончаніе будетъ).

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

„Ставленническій домъ“.

Помѣщеніе для ставленниковъ при епископской кафедрѣ болѣе чѣмъ умѣстно. Между тѣмъ отъ этого пробѣла несвободны даже древнія наши епископіи. Отсутствіе ставленническаго дома не благоприятствуетъ ставленникамъ. Почти каждый ставленникъ нуждается въ квартирѣ. При пріискаши себѣ квартиры, ставленникъ, главнымъ образомъ, обращаетъ вниманіе на то, чтобы квартира была поближе къ кафедральному собору. Домовладѣльцамъ, дома которыхъ вблизи кафедральнаго собора, понятно, это на-руку: за неудобную во всѣхъ отношеніяхъ комнату ставленникъ платитъ въ три дорога. Затѣмъ, существуютъ и повыше неудобства. На пріисканной квартирѣ ставленнику приходится приспособляться къ мертвящимъ обычаямъ, которыхъ держатся и приносятъ съ собою навязчивые ищущіе угощеній поздравители. Это приспособленіе притупляетъ сердце къ воспріятію и вкорененію тѣхъ благодатныхъ вѣяній, которыя охватываютъ ставленника при полученіи благодати священства.

Чтобы положить конецъ такимъ неудобствамъ,—сдѣлать же это безотлагательно нужно,—необходимо устроить *ставленническій домъ*.

Поставить ставленническій домъ слѣдуетъ вблизи архіерейскаго покоя, дабы владыкѣ было удобно пройти къ ставленнику во всякое время неожиданно и негаданно. На устройство и на содержаніе ставленническаго дома подходяще прежде всего обложить взносомъ церкви и монастыри епархіи. Потомъ можно ввести и „квартирный ставленническій взносъ“: каждый ставленникъ обязательно вносить положенную плату и пользуется въ ставленническомъ домѣ комнатою и столомъ. Внутренняя обстановка ставленническаго помѣщенія должна удовлетворять религіозному спросу обитателя. Столъ нуженъ скромный и въ опредѣленные часы.

Повытное дѣло, при существованіи ставленническаго дома, навязчивые и безцеремонные поздравители, на которыхъ чуть-ли не каждымъ ставленникомъ затрачивается прямо таки баснословная сумма, отойдутъ въ область преданій.

Въ интересахъ молодого пастыря необходимо въ ставленническомъ домѣ отвести помѣщеніе и духовнику. Духовника же просить, чтобы онъ принялъ на себя трудъ: научить молодого пастыря внѣшнимъ религіознымъ приемамъ и формамъ, которыя родились и хранятся въ нашей православной церкви. (Смол. Епарх. Вѣд.).

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

ХАРЬКОВСКОЕ ЕПАРХІАЛЬНОЕ НАЧАЛЬСТВО,

согласно опредѣленію своему отъ 20 мая—12 іюня 1910 года, рекомендуетъ духовенству Харьковской епархіи и всѣмъ любителямъ благолѣпія храмовъ Божіихъ обращаться съ заказами на всевозможныя иконописныя работы и росписаніе храмовъ Божіихъ въ учебную иконописную мастерскую Высочайше учрежденнаго Комитета Попечительства о русской иконописи въ слободѣ Борисовкѣ, Курской губерніи, Грайворонскаго уѣзда.

Окончившіе курсъ мастера этой школы подъ непосредственнымъ руководствомъ Класнаго Художника Владиміра Сергѣевича Богданова и др. лицъ, обучающихся въ мастерской, выполняютъ всевозможныя иконописныя работы по весьма удешевленнымъ цѣнамъ. Приемъ въ мастерскую учениковъ отъ 10 до 15 лѣтняго возраста, окончившихъ курсъ не ниже начальной школы, производится ежегодно въ Августѣ мѣсяцѣ. Обученіе въ мастерской бесплатное“.

Харьковское Епархіальное Братство въ религіозно-просвѣ-
тительныхъ цѣляхъ уже третій годъ издаетъ и распростра-
няетъ среди населенія Харьковской и сосѣднихъ епархій.

ЮЖНО-РУССКІЙ

ЦЕРКОВНО-НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

СЪ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Успѣхъ, какимъ пользовалось братское изданіе въ теченіе двухъ
минувшихъ лѣтъ, подалъ Братству поводъ въ будущемъ 1911 году
расширить районъ распространенія „Календаря“, включивъ въ этотъ
районъ губерніи: Харьковскую, Екатеринославскую, Курскую, Полтав-
скую, Черниговскую, Херсонскую, Таврическую, Воронежскую, Орлов-
скую и Тамбовскую.

Въ первой части Календаря содержатся всѣ тѣ обще-календар-
ныя свѣдѣнія, какія составляютъ принадлежность всякаго Календаря.

Во второй части статьи распадается на шесть отдѣловъ: рели-
гіозно-правственный и миссіонерскій, историческій, народное образо-
ваніе, сельское хозяйство, медицина, смѣсь. Въ послѣднемъ отдѣлѣ
предполагается, между прочимъ, помѣстить снимки монастырей, цер-
квей, памятниковъ, виды городовъ и другихъ поселеній района де-
сяти названныхъ губерній.

Редакція приложитъ всѣ старанія къ тому, чтобы изданіе было
приличнымъ по внѣшности и давало бы здоровую уметвенную пищу
населенію, часто обываемому съ толку широко распространившейся
нынѣ сектантской и анти-государственной пропагандой и позволяетъ
себѣ поэтому надѣяться, что всѣ, кому дороги интересы Церкви пра-
вославной и Родины, прежде всего, духовенство, придутъ на помощь
въ дѣлѣ распространенія „Календаря“ среди населенія. Редакція раз-
сылаетъ о.о. благочиннымъ такое количество книжекъ, какое они по-
требуютъ, деньги уплачиваются по распродажѣ, не проданные экзем-
пляры могутъ быть возвращены до 1 марта 1911 года. „Календарь“
на 1911 года выйдеть въ сентябрѣ—октябрѣ 1910 года, къ какому
сроку о.о. благочинные благоволятъ присылать въ Редакцію свои
требованія. Цѣна 20 к. за экземпляръ. При высылкѣ не менѣе 50 эк-
земпляровъ, пересылка безплатно, при чемъ на 10 экземпляровъ
одинадцатый прилагается безплатный. Изданіе расходуется въ 10 тыс.
экземпляровъ. Цѣна объявленія въ Календарѣ: одна страница—**20** р.,
полстраницы—**12** р., 1/4 страницы—**7** р.

Адресъ Редакціи: Харьковъ, Пушкинская, 50.

Журналь „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того, пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Кореунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Біографическій очеркъ Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ различій, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“?—В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Статьи объ антихристѣ“. Профес. А. Д. Бѣляева.—„Книга Руувъ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Экзарха Грузіи).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія монизма“. Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Липшицаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—„Чтенія по космологіи“. Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“ Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщались были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ; за перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить г.г. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 коп.

Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй Юшковъ.
Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ Истоминоу.